

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

18+

РИЧАРД МОРГАН

Лауреат
премии
Филипа
К. Дика

Лауреат
премии
Артура
Кларка

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Звезды научной фантастики

Ричард Морган

Черный человек

«АСТ»

2007

УДК 821.111
ББК 84(4 Вел)

Морган Р.

Черный человек / Р. Морган — «АСТ», 2007 — (Звезды научной фантастики)

ISBN 978-5-17-099083-2

Карл Марсалис — тринадцатый, плод генетических экспериментов, человек, созданный для сражений в последних конфликтах XXI века. Но после второй гражданской войны в США, после раскола Северной Америки на три государства, после голодных бунтов и восстаний на Земле наступил мир, и тринадцатых стали считать опасными мутантами. Кого-то казнили, немногие стали работать на правительство, но большинство сослали на Марс. Когда в Тихий океан падает космический корабль, а внутри обнаруживают изувеченные и наполовину съеденные трупы, полиция приходит к выводу, что один из тринадцатых сбежал из марсианской колонии, и теперь на Земле оказался опасный психопат, каннибал и серийный убийца. Его мотивы неясны, поступки необъяснимы, а жестокость невероятна. Не в силах найти или даже понять столь страшного противника полиция прибегает к помощи охотника за тринадцатыми — Карла Марсалиса. Он еще не знает, что с этим делом далеко не все так просто, а расследование вскоре обернется настоящим кошмаром. Оно проведет Карла по всему дивному новому миру и вплотную столкнет с вопросами о том, где же кроются истоки человеческой жестокости и можно ли вырваться из плена собственных генов.

УДК 821.111
ББК 84(4 Вел)

ISBN 978-5-17-099083-2

© Морган Р., 2007

© АСТ, 2007

Содержание

Благодарности	8
Пролог: возвращение домой	10
Часть I	12
Глава 1	12
Глава 2	21
Глава 3	32
Глава 4	37
Глава 5	48
Глава 6	58
Глава 7	68
Глава 8	73
Глава 9	81
Глава 10	88
Часть II	91
Глава 11	91
Глава 12	99
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Ричард Морган

Черный человек

*Эта книга посвящается памяти моей матери, Маргарет Энн Морган, научившей меня неукротимо и яростно ненавидеть ханжество, жестокость и несправедливость, презирать лицемерие, которое заставляет отводить взгляд или находить порокам удобные оправдания, если они бросаются в глаза сильнее, чем нам хотелось бы.
Я скучаю по тебе.*

В серии «Звезды научной фантастики»

вышли:

Питер Уоттс. *Ложная слепота*
Питер Уоттс. *Эхопраксия*
Питер Уоттс. *По ту сторону рифта*
Йен Макдональд. *Бразилья*
Адам Робертс. *Стеклянный Джек*
Дэниэл Суарез. *Поток*
Грег Иган. *Город перестановок*
Джеймс Камбиас. *Темное море*
Сборник «*Край бесконечности*»
Тед Косматка. *Мерцающие*
Йен Макдональд. *Новая Луна*
Роберт Чарльз Уилсон. *Хронолиты*
Ричард Морган. *Видоизмененный углерод*

Richard Morgan
BLACK MAN

Печатается с разрешения издательства Orion при содействии литературного агентства
Синописис

Перевод с английского: *Ольга Кидвати*

В оформлении обложки использована иллюстрация *Михаила Емельянова*

Дизайн обложки: *Марина Акинина*

Представляется вероятным, что в наступившем столетии человеческое естество может быть модифицировано научными методами. Если так, то сделано это будет бессистемно и станет результатом сражений в той мрачной области, где борются за контроль большой бизнес, организованная преступность и скрытые части правительственных структур.

Джон Грей¹ «Соломенные псы»

Для дискретного мышления «человек» – понятие абсолютное.

Никаких полумер нет и быть не может.

И вот это – источник многих зол.

Ричард Докинз «Капеллан дьявола»

¹ Джон Николас Грей – британский политический философ.

Благодарности

Это было тяжело, и я обязан очень многим. Чтобы написать «Черного человека», я кланчил, заимствовал и крал, где только можно.

Поскольку роман научно-фантастический, начнем с науки.

Замысел о «модификации тринадцать» возник благодаря рассуждениям Ричарда Рэнгема² о снижении человеческой агрессии, описанным в великолепной книге Мэтта Ридли³ «Натура через воспитание». Я весьма вольно обошелся с его идеями, и тринадцатые в том виде, в котором они предстают в книге, никоим образом не иллюстрируют мысли мистера Рэнгема или мистера Ридли. Эти господа предоставили мне трамплин – а в конечных безобразиях виноват я один.

Концепция искусственных хромосомных платформ тоже позаимствована, в данном случае – из завораживающей и слегка пугающей книги Грегори Стока⁴ «Переконструирование человека», которая, наряду с «Натурой через воспитание» и блестящими произведениями Стивена Пинкера⁵ «Чистый лист» и «Как работает разум», вдохновила большую часть моих фантазий относительно генетической науки будущего. Повторюсь, искажение или неверная трактовка этих выдающихся работ всецело на моей совести.

Хотя интуитивные функции Ярошенко и являются моим собственным изобретением, оно в немалой степени вдохновлено вполне реальным исследованием, проведенным в социальных сетях, описанным в книге Марка Бьюкенена⁶ «Маленький мир». А еще я обязан лично Ханну Райяниemi из Эдинбургского университета, уделившему мне время, чтобы объяснить (вернее, попытаться) квантовую теорию игр и ее потенциальное применение, что дало мне базис для Новой Математики и ее трудноуловимых, но далеко идущих социальных последствий. Я также должен поблагодарить Саймона Спэнтонa, выдающегося редактора, который терпеливо помогал мне создавать техническую базу криокэппирования пассажиров во время перелета по маршруту Марс-Земля.

В политической сфере на меня сильно повлияли две очень глубокие и столь же депрессивные книги о Соединенных Штатах Америки: «Правая нация» Джона Миклтуэйта и Адриана Вулдриджа и «Что случилось с Америкой?» Томаса Франка, а также блестящая и чуть менее удручающая книга Сьюзан Фалуди «Одураченные». Они стали питательной средой для концепции Раскола и поднятых в «Черном человеке» гендерных тем, а Конфедерированная Республика (или Иисусленд) была вдохновлена знаменитым ныне мемом «карта Иисусленда», порожденным, если верить «Википедии», неким Дж. Веббом на форуме уакуак.org. Отлично, Дж.! Особая благодарность причитается также Алану Биттсу из книжного магазина «Бордерленд букс», который выслушивал за виски и шаурмой мои излияния и ссужал мне некоторое количество просвещенного американского мнения, которым я мог отшлифовать то, что у меня уже имелось.

Представлением о возможном будущем (и крайне превратно понятом прошлом) ислама я обязан Тарику Али⁷ («Столкновение фундаментализмов»), Карен Армстронг⁸ («Ислам. Крат-

² Ричард Рэнгем – британский ученый, приматолог, исследователь эволюции человечества.

³ Мэтт Ридли – британский журналист и автор научно-популярных книг.

⁴ Грегори Сток – американский биофизик, предприниматель и автор бестселлеров.

⁵ Стивен Пинкер – канадско-американский ученый, работающий в области психологии, когнитивной науки и психолингвистики, автор научно-популярных книг.

⁶ Марк Бьюкенен – американский физик и научный обозреватель.

⁷ Тарик Али – британско-пакистанский общественный деятель левого толка, писатель и публицист.

⁸ Карен Армстронг – британская писательница, философ и религиовед.

кая история от начала до наших дней») и отважной Иршад Манджи⁹ («Проблема с исламом сегодня»). Тут я тоже изрядно все искажил, и изложенное в «Черном человеке» положение дел порой может не иметь никакого отношения к тому, под чем подписались бы эти авторы.

И, наконец, я бесконечно благодарен всем, кто так терпеливо ждал, повторяя, что я могу не спешить.

Саймону Спэнтону – опять! – и Джо Флетчер из издательства «Виктор Голланц», Крису Шлюпу и Бетси Митчелл из «Дель Рей», моему агенту Кэролин Уитакер и, последним, но не по значимости, – всем тем доброжелателям, которые на протяжении 2006 года слали мне электронные письма с соболезнованиями, утешениями и поддержкой. Без вас этой книги не существовало бы.

⁹ Иршад Манджи – канадская феминистка, общественная деятельница, писательница, ученый.

Пролог: возвращение домой

Блистающая сталь, и еще раз, и еще...

Ларсен моргает и слегка шевелится на автоматизированной каталке, пока та ползет под световыми панелями и поперечными распорками потолка. Сознание, как и зрение, размытое, замедленное; она в верхнем коридоре. От каждой металлической балки отражается свет, переходит от легкого мерцания к яркой вспышке и обратно, пока она проезжает вниз. Она думает, что ее разбудили повторяющиеся сполохи. Или они, или ее колено, которое зверски болит, несмотря на привычный дурман сильнодействующих декантирующих препаратов. Одна рука покоится на груди, вжимаясь в тонкую ткань трико для криокэпирования. Холодящий кожу воздух говорит ей, что больше на ней ничего нет. Ужас дежавю прокрадывается внутрь вместе с пониманием. Она кашляет: в основании легких, из которых откачали воздух, еще осталось ничтожное количество геля. Она снова шевелится, бормочет что-то про себя.

... снова, нет?..

– Да, снова. Наследство от баклана, да, снова.

Это странно. Она не ожидала услышать чужой голос, который вдобавок говорит загадками. Обычно декантация – полностью механизированный процесс, запрограммированный так, чтобы разбудить пассажиров перед прибытием или если что-то пойдет не так...

Так ты теперь большой знаток криокэпирования, верно?

Вовсе нет – весь ее предыдущий опыт сводится к трем испытательным декантациям и одной реальной, во время рейса, в самом конце путешествия. Отсюда, по ее мнению, и дежавю. Но все же...

...больше, чем три...

...их не больше, не больше...

Она возражает сама себе запальчиво и почти истерично, ей это не нравится. Если бы она услышала подобные ноты в голосе другого, скажем в голосе испытуемого, то подумала бы об успокоительном, может, позвала охрану. Вдруг в голове легонько засвербело и похолодело – так бывает, когда осознаешь, что в твоём доме есть кто-то еще, кто-то, кого ты не звал. Или когда ни с того ни с сего возникает мысль, что ты, возможно, не в своем уме.

Это все из-за препаратов, Элли. Не обращай внимания, потерпи.

Блистающая ст...

Автокаталку слегка трясет на повороте вправо. По какой-то причине пульс начинает бешено частить – реакция, которую она, будучи одурманенной наркотиками, почти лениво определяет как панику. Дрожь подступающего несчастья, неизбежного, струится сквозь нее, будто холодная вода. Они разобьются, они врежутся во что-нибудь, или что-нибудь врежется в них, что-нибудь огромное и древнее, выходящее за рамки человеческого разума, бесконечно кружащее в необитаемой ночи за пределами корабля. Космические путешествия небезопасны, даже думать об этом было безумием, а подписать контракт и полагать, что безрассудство останется безнаказанным, что она сможет вернуться домой целой и невредимой, словно из суборбитального полета через Тихий океан, да ты просто не можешь...

Забей, Элли. Это просто наркотики!

Потом она осознает, где находится. Боковым зрением видит складные паучьи лапки автохирурга, а каталка тем временем фиксируется в слотах на смотровой площадке. Приходит облегчение. Что-то не так, но хотя бы место правильное. «Гордость Хоркана» оборудована самой лучшей автоматизированной медицинской системой; КОЛИН делает технику на славу, она читала в «Колониальных новостях». Все бортовые искусственные интеллекты тщательно осмотрены и отремонтированы за пару недель до вылета. *Слушай-ка, Элли, есть предел тому,*

что может пойти наперекосяк с криокэпированным телом, верно? Органические функции замедлены до предела, так что болезни, в случае чего, особо не развернутся.

Но паника и ощущение неотвратимой беды не уходят. Она чувствует их, как собака – конечность под анестезией: глухо, неотступно.

Она поворачивает голову на каталке и видит его.

Ощущение чего-то знакомого, теперь более острое, ударяет, как ток.

Однажды во время поездки по Европе она зашла в Museo della Sindone, музей Святой Плащаницы в Турине, и увидела отпечаток измученного лика на ткани. Она стояла в полумраке по ту сторону пуленепробиваемого стекла, окруженная благоговейным шепотом верующих. Никогда и ни во что не верившая, Ларсен была сильно тронута жесткими линиями худого лица, смотревшего на нее из герметичной вакуумной камеры. Это было свидетельство человеческих страданий, которое совершенно не вязалось с заявленной божественной природой, и молитвы ему казались неуместными. Глядя на это лицо, поражаешься незамутненной упрямой стойкости органической жизни, передавшейся по наследству неотъемлемой, упорной способности не поддаваться, которой одарили нас долгие века эволюции.

Это мог бы быть он. Здесь, сейчас.

Он опирался на высокий угловой шкафчик, уставившись на нее, жилистые руки-канаты скрещены на костлявой груди (она может разглядеть ребра даже сквозь футболку), прямые длинные волосы свешиваются по обе стороны узкого лица, и оно кажется еще более худым от боли и какой-то жажды. Рот сомкнут в линию, вытравленную между острым подбородком и бритвенно-узким, костистым носом. Щеки под скулами запали.

Сердце в груди замедляет пульсацию, когда ее глаза встречаются с его.

– В чем... – С этими словами в ней вскипает ужасное понимание, чудовищное осознание того, что ее разум все еще старается избежать. – Дело в моем колене? В моей ноге?

Внезапно откуда-то находятся силы, она приподнимается на локтях и заставляет себя смотреть.

Взгляд вступает в борьбу с воспоминанием.

Пронзительный крик рвется из нее, продрав на мгновение окутавшую тело паутину наркотиков. Она не знает, как слабо звучит голос в пространствах операционной, внутри от крика разрываются уши, вместе с ним приходит знание, от которого темнеет в глазах и отключается разум. Она знает, что кричит не от того, что увидела.

Не от картины аккуратно перебинтованной кульги, которой в двадцати сантиметрах ниже бедра оканчивается ее правая нога; не от этого.

Не от внезапно пришедшего осознания, что боль в колене – это фантомная боль в конечности, более ей не принадлежащей; не от этого.

Она кричит от воспоминания.

От воспоминания о едущей по тихому коридору каталке, мягком толчке и повороте в операционную, и потом, в наркотической дымке – о нарастающем визге дисковой пилы, резко изменившемся, когда та впилась в плоть, и слабое, подсасывающее шипение прижигающего лазера после этого. От воспоминания о недавнем прошлом и тошнотворного, до самых глубин души понимания того, что скоро все это случится снова.

– Нет, – хрипит она. – Пожалуйста.

Длиннопалая рука дружески давит на ее лоб. Сверху нависает лик с Туринской плащаницы.

– Тсссс... баклан знает, почему...

За лицом она видит движение. И знает, помнит, каким оно будет. Движение паучьих лапок разбуженного автохирурга, бесшумных, негнущихся.

Блещающая сталь...

Часть I

Сквозь пламя вниз

Суровые уроки века сего в первую очередь научили нас необходимости постоянного надзора и эффективных ограничений и, следовательно, тому, что системы обеспечения правопорядка непременно должны осуществлять свою деятельность с безупречной принципиальностью и согласованностью.

Доклад Джейкобсена, август 2091 г.

Глава 1

Он наконец-то нашел Грея в лагере «Марс-Подготовительный» в Перу, совсем рядом с боливийской границей. Тот скрылся с помощью дешевой пластической операции и новой фамилии Родригес. Способ был неплохим и, пожалуй, выдержал бы стандартную проверку. Службы безопасности в подготовительных лагерях работали откровенно небрежно; правда в том, что там не слишком интересовались, кем ты был до того, как поступил. Существовали, однако, еще кое-какие следы, которые можно найти, если знаешь, где искать, а Карл Марсалис несколько недель искал с той методичной настойчивостью, которая уже стала походить на отчаяние. Он знал, что Грей где-то в районе Альтиплано, туда вел след из Боготы, да и куда еще, собственно говоря, бежать тринадцатому? Он все это знал, и знал, что след появится, и кто-нибудь о нем сообщит, что это только вопрос времени. Но он также знал, что все вводные программы ускорялись и урезались в связи с растущим спросом, поэтому время не на его стороне. Что-то должно было произойти, и скоро, иначе Грей уйдет, а Карл не получит вознаграждения.

Так что, когда застой кончился и сеть, которую он усердно забрасывал все эти недели, наконец принесла лакомые крохи информации, впору было запрыгать. Трудно не отбросить кропотливо выстроенную легенду, хотелось наплевать на репутацию в Агентстве, засунуть куда подальше его значок и арендовать самый быстрый комплект колес для бездорожья, который только можно добыть в Копакабана. Трудно было не рвануть через границу на всей доступной Агентству скорости, вздымая по пути к лагерю дорожную пыль и слухи, узнав о которых Грей, конечно, немедленно уйдет, если у него есть хотя бы какие-то связи с местным населением.

Карл не запрыгал.

Вместо этого он позвонил в пару мест и организовал себе поездку через границу с военными связистами на допотопной разведывательно-патрульной машине с выгоревшим на солнце логотипом Колонии на обоих бронированных бортах. Личный состав – перуанские кадры военнослужащие, набранные в беднейших семьях приморских провинций и потом откомандированные в корпоративную службу безопасности. Они брали за перевозку чуть больше, чем обыкновенные солдаты-срочники, но салон машины был, по военным стандартам, просто шикарен и даже вроде бы оснащен кондиционером. В любом случае они были жизнестойкими и молодыми, из тех молодых, кто пока не слишком повидал западный мир и невинно радуется своему положению, которое дается тяжелыми физическими тренировками, и дешевому авторитету от формы цвета хаки. Все они широко улыбались гнилозубыми улыбками, и среди них не было никого старше двадцати. Карл счел их хорошее настроение признаком неосведомленности. Можно было смело держать пари, что эти дети понятия не имеют о стоимости, которую их высшее командование запрашивает у корпоративных клиентов за услуги субподряда.

Закупоренный в тряской, пропахшей потом утробе машины, погруженный в раздумья о своих шансах против Грея, Карл предпочел бы молчание. Он никогда не любил разговоров.

Считал, что они сильно переоценены. Но есть предел молчанию, которое дозволено тому, кто едет без билета, так что он поучаствовал в поверхностной болтовне о решающем матче Аргентина – Бразилия на следующей неделе, вставляя в разговор минимум слов, чтобы только не показаться невежливым. Несколько замечаний о Патриции Мокатта и о том, целесообразно ли делать женщину капитаном команды, состоящей преимущественно из мужчин. Показатели каждого игрока. Сравнение тактик. Кажется, все шло неплохо.

– ¿Eres Marciano?¹⁰ – наконец задал неизбежный вопрос один из солдатиков.

Он покачал головой. Вообще-то он когда-то был марсианином, но эту долгую запутанную историю вовсе не хотелось рассказывать.

– Soy contable, – сказал он им, потому что иногда так себя и чувствовал. – Contable de biotecnologia¹¹.

Они все заулыбались. То ли потому, что не считали Карла похожим на бухгалтера-биотехнолога, то ли потому, что не поверили, – он точно не знал. В любом случае, вопросов больше не было. Эти парни привыкли к людям, рассказы которых не соответствуют лицам.

– Habla bien el espanol¹², – похвалил его один.

Его испанский был хорош, хотя последние две недели он в основном говорил на языке племени кечуа – произношение марсианское, но сам язык по-прежнему тесно связан с породившим его перуанским. На нем говорят почти все обитатели Альтиплано, и почти все из них – чернорабочие в подготовительных лагерях. И на Марсе до сих пор то же самое. Несмотря на это солдаты говорили по-испански. Не считая почерпнутого в сети и далеко не идеального аманглика, эти парни с побережья другого языка не понимали. Неидеальное состояние дел с точки зрения корпорации, но правительство Лимы было непреклонно, подписывая контракты с КОЛИН. Одно дело передать контроль гринго: фактически, такой одобренный олигархией исторический прецедент уже существовал. Но позволить обитателям Альтиплано стряхнуть с себя хватку прибрежных культурных традиций... ну это просто недопустимо. Слишком рискованно, учитывая былые, и весьма неприятные, исторические события. Вначале, шесть столетий назад, инки тридцать лет отказывались вести себя как подобает покоренному народу, потом – кровавая реприза Тупака Амару¹³ в тысяча семьсот восьмидесятом, маоисты «Сендеро Луминосо»¹⁴ жалкое столетие назад и совсем уж недавние мятежи *familias andinas*¹⁵. Урок усвоили. Больше никогда. Испаноговорящие люди в форме и чинуши жестко настояли на своем.

Машина дернулась, подпрыгнула, и задние двери, висающие на петлях, тяжело распахнулись наружу. Внутри ворвался резкий свет высокогорья, а вместе с ним – звуки и запахи лагеря. Теперь Карл слышал язык кечуа, его знакомые неиспанские модуляции, то тут, то там, вперемежку с рокотом работающих машин. Над шумами носился механический голос, ревавший на аманглике: «Задний ход, задний ход». Где-то играла музыка: певцы хуано¹⁶, наложенные на танцевальный ритм блад-бита. К всепроникающим запахам машинного масла и пластика примешивался аромат темного куриного мяса: кто-то жарил над углями на гриле *антикучос*¹⁷. Карлу показалось, что он может различить вдалеке звук взлетающих вертолетов.

Солдаты повыпрыгивали наружу, волоча за собой снаряжение и оружие. Карл дождался, пока они выберутся, вышел последним и осмотрелся, укрывшись в шумной толчее. Машина

¹⁰ Ты марсианин? (исп.)

¹¹ Я специалист по учету. Специалист по учету в области биотехнологии (исп.).

¹² Хорошо говоришь по-испански (исп.).

¹³ Тупак Амару – последний правитель инков.

¹⁴ «Сендеро Луминосо» (иначе «Сияющий путь» или Коммунистическая партия Перу) – перуанская террористическая организация маоистского толка, основанная в 1960 году. С 1980 года ведет партизанскую деятельность.

¹⁵ Андские семьи (исп.).

¹⁶ Хуано – перуанский музыкальный жанр.

¹⁷ Антикучос – блюдо перуанской кухни, аналогичное шашлыку.

остановилась на бетонном пяточке парковки напротив пары запыленных автобусов, идущих на Куско и Арекипа. Перед ним торчала ребристая ракушка автовокзала, а за ней растянулся, карабкаясь по склону, лагерь «Гаррод Хоркай 9» – сплошь прямоугольные кварталы из одноэтажных сборных халабуд. Через каждые несколько кварталов на столбах реяли белеющими сполохами флаги корпорации со сплетенными буквами «Г» и «Х» в окружении звезд. Сквозь незастекленные окна автовокзала Карл заметил фигуры, одетые в комбинезоны с таким же логотипом на спине и на груди.

Сраные городишки компании.

Он забросил рюкзак в ячейку камеры хранения на автовокзале, спросил дорогу у уборщика в комбинезоне и снова вышел на солнце, оказавшись на улице, идущей вверх. Внизу, у подножия горы, блесло до боли яркосинее озеро Титикака. Он надвинул на глаза умные линзы защитных очков «Цебе», поправил потрепанный перуанский стетсон из кожи и стал подниматься по склону, идя на звуки музыки. Такая экипировка была скорее маскировкой, чем необходимостью, – кожа Карла была достаточно темной и толстой, чтобы не бояться солнца, а линзы и шляпа, вдобавок ко всему, отчасти скрывали черты его черного лица. Такие лица нечасто увидишь в лагерях Альтиплано, а Грей, пусть это и маловероятно, мог держать на автовокзале наблюдателя. Чем меньше Карл выделяется, тем лучше.

Пройдя пару кварталов вверх по улице, он нашел, что искал. Модульный дом в два раза больше соседских сочился благодатным ремиксом *хуано* сквозь забранные жалюзи окна и распахнутые двойные двери. Стены были оклеены шелушащимися плакатами с датами выступления местных групп, а дверь обрамляли два щита с закольцованными видеороликами, воплощавшими представления какого-то рекламного агентства Лимы о ночной жизни Карибов. Белый песчаный пляж с пальмами во тьме, гирлянды разноцветных огней. Облаченные в бикини *criolla*¹⁸ со знанием дела сжимали бутылки с пивом и покачивали бедрами под неслышную музыку в компании европейского вида кавалеров. Только у оркестра – черных, накаченных музыкантов, весело отжигающих на заднем плане в стороне от женщин, – кожа была темнее, чем у разбавленного водкой виски.

Карл ошеломленно покачал головой и вошел.

Внутри благодатный звучал еще громче, но это можно вынести. Крыша находилась на высоте второго этажа, и под пластиковыми стропилами не было ничего, кроме свободного пространства, поглощавшего музыку. За угловым столиком трое мужчин и женщина играли в карточную игру, где нужно было называть ставки, и, судя по всему, без труда слышали друг друга. Разговоры за другими столиками доносились как непрерывное бормотание. Солнечный свет проникал в помещение сквозь двери и жалюзи. Он ярко освещал несколько плиток пола у входа, но не проникал вглубь, и если вы посмотрели прямо на свет, а потом отвернулись, все остальное, казалось, поглощала полутьма.

В дальнем конце собранный из проклепанных жестяных секций угловой бар в форме бумеранга подставил опору полдюжине пьяниц. Он располагался вдалеке от окон, холодильники с пивом у стены за стойкой слабо светились в полумраке. Распахнутая дверь вела в столь же тускло освещенную кухню, по-видимому пустую и заброшенную. Персонал был представлен только низкорослой коренастой официанткой *indigena*,¹⁹ которая понуро слонялась между столами, собирая на поднос бутылки и стаканы. Мгновение Карл пристально смотрел на нее, а потом направился следом за ней к бару.

Он нагнал официантку, когда та поставила поднос на стойку.

– Бутылку «Ред Страйпа», – сказал он на кечуа. – Стакана не надо.

¹⁸ Креолки (исп.).

¹⁹ Туземка (исп.).

Ничего не ответив, она прошла за стойку, толкнув откидную дверцу, и открыла стоявший на полу холодильник. Подцепила там бутылку и выпрямилась, сжимая свою добычу, точь-в-точь как *criollas* на рекламе снаружи. Потом с хлопком открыла пробку висящей на поясе заржавленной открывашкой и поставила пиво на стойку бара.

– Пять солей²⁰.

При нем были только боливийские деньги. Он выудил пластину вафера КОЛИН и зажал ее меж двух пальцев.

– Карты принимаете?

Она одарила его долгим страдальческим взглядом и пошла за сканером. Он засек время в верхнем левом углу очков, а потом снял их. Они все равно подстроились бы под слабое освещение, но ему хотелось смотреть в лицо тому, что грядет. Облокотился на стойку бара лицом к залу, рядом бросил шляпу. Он очень старался выглядеть как человек, который не хочет ничего, кроме как устроиться поудобнее.

В теории он должен был отметить у местного администратора «ГХ» по прибытии. Это прописанная в Хартии процедура. Обширный опыт, порой липкий от собственной крови, научил Карла на нее класть. Существовала целая динамично меняющаяся картина нелюбви к тому, что олицетворял собой Карл Марсалис, и она затрагивала все уровни проводки в человеческих мозгах. На верхнем, когнитивном, находились политики с изысканными манерами и светскими раутами, которые осуждали его профессию за аморальность. На эмоциональном располагалось универсальное социальное отвращение, идущее в комплекте с ярлыком «предатель». А еще ниже пульсировал ужас. Основанный на сухой терминологии Доклада Джейкобсена, но пикирующий в гормональный мрак инстинктов, редко признаваемый, но тем не менее головокружительный ужас того, что Карл, вопреки всему, и поныне *один из них*.

Но хуже всего в глазах корпораций Колонии было то, что Карл – ходячая плохая пресса. Плохая пресса и гарантированная дыра в финансах. Чтобы подготовить кого-нибудь вроде Грея к отправке в дальние края, Гарроду Хоркану приходилось вбухивать в его тренинги и биотехнологический *меш* несколько десятков тысяч долларов. Никому не хочется, чтобы инвестиции такого рода истекали кровью в пыли Альтиплано под вопли прессы о том, что лагеря КОЛИН охраняются из рук вон плохо.

Четыре года назад Карл отметил у администратора лагеря к югу от Ла-Паса, и его цель таинственно исчезла, пока он заполнял документы в здании администрации. Когда он вошел в хибару, на кухонном столе еще дымилась плошка с супом, в ней так и лежала ложка. Задняя дверь была открыта, как и пустой сундучок в изножье кровати. Этот беглец нигде больше не всплыл, и Карл вынужден был заключить и для себя, и для Агентства, что он теперь, по всей вероятности, на Марсе. Никто в КОЛИН не озадачился так или иначе подтвердить это, а Карл не стал утруждать себя вопросами.

Через полгода после этого Карл одним поздним вечером отметил у другого администратора, отложив заполнение бумаг на потом, и на выходе из офиса его встретили пять молодых с бейсбольными битами. К счастью, они не были профессионалами и в потемках только мешали друг другу. Но к тому времени, когда Карл вырвал биты у одного из нападавших и разогнал их, весь лагерь уже не спал. Улицу заливал свет карманных фонариков, новости стремительно распространялись: приезжий, вдобавок чернокожий, устроил беспорядки возле здания администрации. Карл даже не потрудился на глазах у любопытствующих пройти несколько кварталов и проверить дом, где должен был находиться тот, кого он ищет. Он уже знал, что никого там не найдет.

Что до последствий драки – они были столь же предсказуемыми. Прохожих было вдоволь, рядом пара зевак откровенно пялилась на потасовку, но свидетелей, способных дать полезную

²⁰ Соль – перуанская валюта.

информацию, не нашлось. Человек, которого Карл отделал так сильно, что тот не смог бежать, упорно молчал о причинах своего поступка. Администратор не разрешила Карлу расспросить его наедине и даже сократила допрос по медицинским показаниям. «У заключенного есть права, – твердила она медленно, словно Карл был туповат. – Вы и так сильно его избили».

Карл с рассеченной щекой, из которой все еще сочилась кровь, и по меньшей мере одним сломанным пальцем лишь смотрел на нее.

Теперь он являлся к администраторам только задним числом.

– Ищу старого друга, – сказал он официантке, когда та вернулась с терминалом, дал ей вафер КОЛИН и дождался, пока она проведет по считывателю. – Его фамилия Родригес. Очень важно его найти.

Пальцы официантки запорхали над клавиатурой. Она пожала плечами:

– Родригес – распространенная фамилия.

Карл вытащил одну из распечаток клиники в Боготе и отправил ее по стойке бара в сторону официантки. Изображение откровенно льстило клиенту клиники, демонстрируя, как он будет выглядеть, когда спадет послеоперационный отек. В реальности, коль скоро операция была из дешевых, новое лицо Грея, возможно, сошло бы за физиономию жертвы самосуда в Иисусленде. Но мужчина, улыбающийся с распечатки, выглядел вполне здоровым и в хорошем смысле непримечательным. Широкие скулы, большой рот, типичный америндский²¹ облик. Карл, всегда склонный к паранойе, в тот вечер заставил Мэтью перепроверить данные из клиники и удостовериться, что ему не попытались всучить какую-то левую модель из каталога. Мэтью поворчал, но послушался, возможно, просто чтобы доказать: ему это – раз плюнуть. Так что сомнений не было, сейчас Грей выглядел примерно так.

Мгновение официантка безразлично смотрела вниз, на распечатку, потом вывела на экране сканера сумму, и, конечно же, вовсе не пять солей. Она кивнула на другой конец бара, туда, где опирался на стойку грузный блондин, смотревший в стопку с таким видом, словно он ее ненавидит.

– Его спросите.

Рука Карла неожиданно взметнулась, ускоренная мешем, который он уже подзарядил сегодня утром. Он перехватил указательный палец официантки прежде, чем она успела нажать кнопку ввода, совсем чуть-чуть выкрутил его в суставе и почувствовал, как тот согнулся.

– Я спрашиваю тебя, – мягко сказал он.

– А я тебе отвечаю. – Если она и боялась, то не подавала виду. – Мне знакомо это лицо. Он выпивает тут с Рубио два, может, три раза в неделю. Это все, что я знаю. Теперь ты отпустишь мой палец, или мне придется привлечь к тебе чье-нибудь внимание? Может, известить охрану лагеря?

– Нет. Лучше познакомь меня с Рубио.

– Ладно. – Она наградила его уничтожающим взглядом. – Стоило просто попросить.

Он отпустил официантку и подождал, пока та проведет транзакцию. Официантка вернула ему карточку, кивнула и непринужденно пошла вдоль стойки со своей стороны, пока не оказалась напротив блондина и его стопки. Тот бросил на нее взгляд, потом покосился на присоединившегося к ним Карла, потом снова посмотрел на нее. Заговорил по-английски:

– Привет, Габи.

– Привет, Рубио. Видишь этого парня? – Она тоже перешла на английский. Говорила с сильным акцентом, но бегло. – Он ищет Родригеса. Говорит, что его друг.

– Вот как? – Рубио слегка перевалился и посмотрел прямо на Карла. – Вы друг Родригеса?

– Да, мы с ним...

И тут появился нож.

²¹ Американд – коренной обитатель американского материка: алеут, эскимос или индеец.

Потом, когда время вновь пошло в привычном темпе, Карл проработал этот трюк. На рукоятки ножа была присоска, и блондин, судя по всему, прилепил его под стойкой, чтобы тот был под рукой, как только увидел, что официантка беседует с незнакомцем. Беспечная попытка Карла – друг, мол, Родригеса, *да как жевсе* всего лишь замкнула цепь. Эти двое были друзьями Грея. Они знали, что других у него нет.

Итак, Рубио выхватил нож и резко ударил Карла. Лезвие подмигнуло в слабом свете, вынырнув из полумрака под стойкой, рассекло куртку Карла и ткнулось в веблар – так называется генномодифицированная кольчуга-паутинка, дорогая штука. Но противник атаковал с такой яростью и ненавистью, что остановить его оказалось не так просто, и, похоже, у ножа была моно-волоконная кромка. Карл почувствовал, что кончик прошел сквозь кольчугу и впился в тело.

Все это не было в полном смысле неожиданностью, и Марсалис уже начал ответное движение, тем более что с вебларом можно позволить себе роскошь не прикрываться. Он обрушил на Рубио кое-что из *таниндо* — двойной короткий удар основанием ладони, сломал тому нос и здорово врезал в висок, отбросив от бара и свалив на пол. Нож скользнул наружу – противное ощущение металла в теле – и Карл крикнул, когда тот вышел из раны. Рубио извивался и крутился на полу, возможно, на пути к смерти. Для верности Карл пнул его в голову.

Все застыло.

Люди пялились.

Под вебларом он чувствовал, как течет по животу кровь из ножевой раны.

За спиной Габи скользнула в кухонную дверь. Тоже довольно ожидаемо: его источник сообщил, что она близка с Греем. Карл перемахнул стойку – свежеприобретенная рана отозвалась вспышкой дикой боли – и бросился за ней.

Через кухню – тесное, грязное помещение, где на газовой плите стояли почерневшие сковородки, а дверь так и распахнута после того, как в нее выскочила Габи. Пробираясь по узкому проходу, Карл зацепил пару ручек от посуды, все зазвенело и задребезжало. Он вывалился в переулок позади здания. По глазам неожиданно ударил солнечный свет. Прищурившись, он покосился влево, вправо и увидел официантку, пришпорившую вверх по склону. Их разделяло – на глазок – метров тридцать.

Неплохо.

Карл бросился за ней.

Когда началась драка, меш заработал по полной. Теперь он захлестнул Марсалиса, теплый, как солнце, и боль в боку ушла в область воспоминаний, осталось лишь отстраненное знание, что у него идет кровь. Зрение сосредоточилось на убегающей женщине, все остальное казалось размытым из-за яркого света. Когда Габи свернула влево и пропала из виду, разрыв между ними сократился примерно на треть. Достигнув поворота, Карл юркнул в другой проулок, такой узкий, что плечи почти касались домов. Некрашенные стены с маленькими высокими окошками, стопки листов строительного пластика и рамы из какого-то сплава выставляли свои острые углы, в грязи валялись пустые банки. Его ноги на миг запутались в остатках упаковочного полиэтилена. Габи впереди уже нырнула вправо. Он сомневался, что она хоть раз оглянулась назад.

Карл добрался до угла и остановился как вкопанный, подавив желание высунуться. Габи свернула на главную улицу, вымощенную вечным бетоном и запруженную людьми. Он присел на корточки, достал очки «Себе» и выглянул из-за угла примерно на высоте человеческих колен. Чувствуя облегчение из-за того, что не надо шуриться от яркого света, он почти сразу выцепил в толпе бегущую фигуру Габи. Та оглянулась через плечо, но его не увидела. Это было не паническое бегство; глубокий вдох – и женщина быстрой трусцой поспешила дальше. Карл несколько секунд смотрел на нее, позволив оторваться на добрых пятьдесят метров, а потом

скользнул на улицу и двинулся за Габи на полусогнутых, пригибая голову. На него странно поглядывали, но никто с ним не заговаривал, и, что важнее, никто не делал замечаний.

У него было, он рассуждал с обеспокоенной мещанской трезвостью, около десяти минут. За это время новость о драке в баре достигнет ушей кого-то из администрации, и этот кто-то поднимет вертолет над прямоугольниками кварталов «Гаррод Хоркан 9». Если он не найдет Грея за это время, пиши пропало.

Тремя кварталами выше Габи неожиданно перешла улицу и остановилась у одноэтажного модульного дома. Карл видел, как она вынула из кармана джинсов матово-серый прямоугольник ключа-карточки и провела им по считывателю замка. Дверь открылась, и женщина исчезла внутри. Он слишком далеко, чтобы разглядеть табличку с номером дома или фамилией, но снаружи на стене, в подвесной корзине, растет кактус с какими-то желтыми цветами – сойдет за приметку. Карл быстро дошел до ближайшего угла, скользнул в проулок между нужным домом и соседним и пробрался на зады. Там он обнаружил, что окно в ванной приоткрыто, поддел его и забрался на подоконник. Колотая рана отозвалась смутной болью, рассеченная мышца двигалась противоестественно. Он едва не спрыгнул в унитаз, но вместо этого приземлился чуть в стороне и, скривившись, опустился на корточки у двери.

Сквозь стену в палец толщиной доносились голоса, низковатые из-за акустики, но в остальном звучащие отчетливо. Звукоизоляция внешних стен в наши дни довольно неплоха, но если вы хотите того же от межкомнатных перекрытий, придется раскошелиться. «ГХ» точно не станет включать это в базовую комплектацию; улучшенную звукоизоляцию можно оплатить дополнительно, но здешний жилец, будь то Габи или Грей, явно этим не озаботился. Карл снова услышал женский голос, с акцентом произносивший английские слова, а потом и второй, который был знаком ему по аудиофайлам.

– Ты, сучка тупая, *хер ли ты сюда приперлась?*

– Я... ты... – Она запнулась от обиды. – Чтобы предупредить тебя.

– Ага, а он сядет *прямо тебе на хвост, дура!*

Удар плашмя, пощечина. Через стену Карл слышал, как сбилось ее дыхание, и больше ничего. Она была выносливой, или привыкла к подобному обращению, или и то и другое вместе. Карл нажал на дверную ручку, приоткрыл дверь и стал смотреть в щель. В поле зрения дергалась крупная фигура. Поднятая рука, жестикулируя, двигалась слишком быстро для того, чтобы понять, есть ли в ней оружие. Карл полез под куртку за пистолетом «Хааг». В комнате что-то тяжелое полетело кубарем.

– Он, может, *прямо сейчас* идет по твоему следу, может, для того и отпустил тебя. Манда пустоголовая, ты...

Пора.

Карл толкнул дверь и оказался перед ними в крошечной жилой комнате, устланной яркими коврами. Грей стоял вполоборота к нему, нависая над вздрагивающей Габи, которая, пятясь, опрокинула горшок с высоким цветком у входной двери. На ее лице, там, где ударил Грей, все еще краснел отпечаток ладони. В комнате были и другие растения, на полках – дешевая расписная керамика и иконы Пачамамы²², еще на одной полке – статуэтка какого-то святого (или не святого), в рамке на стене – испанская молитва. Они были в доме Габи.

Карл заговорил твердым спокойным голосом:

– Все, Фрэнк. Игра окончена.

Грей повернулся медленно, демонстративно, и, твою мать, да, у него было оружие, большой черный пистолет с целую пушку, чуть ли не вросший в правый кулак. Крошечная частица Карла, невосприимчивая к мещанской и затопившему нервную систему бета-миелину, определила: бесчехольный «Смит и Вессон» шестьдесят первой модели, способен прикончить на раз.

²² Пачамама – женское божество в пантеоне кечуа, прародительница человечества.

Модели больше сорока лет, но, говорят, такой ствол можно забросить в безвоздушное пространство, вывести на околоземную орбиту, дать ему там покружиться, подобрать, и он будет убивать живых тварей, словно его только что собрали на заводе. Впервые за долгое время Карл был благодарен за холодную тяжесть «Хаага» в собственной руке.

Холодная тяжесть не помогла, когда Грей ему улыбнулся.

– Привет, мужик из ООН.

Карл кивнул.

– Опusti пушку, Фрэнк. Все кончено.

Грей нахмурился, словно бы серьезно обдумывая сказанное.

– Кто тебя послал? Иисусленд?

– Брюссель. *Пушку на пол*, Фрэнк.

Но тот даже не пошевелился. Его будто поставили на паузу. Даже нахмуренные брови застыли. Может, нахмурились чуть сильнее, пока Грей пытался понять, как, черт возьми, дошло до такого.

– Я тебя знаю, так? – неожиданно сказал он. – Марсо, да? Парень, который выиграл в лотерею?

Пусть говорит.

– Близко. Марсалис. Мне нравится твое новое лицо.

– Да? – Рука со «Смитом» так и висела вдоль туловища. Карл хотел бы знать, есть ли у Грея меш. Если да, то Грей будет значительно быстрее, хотя скорость – не самая большая проблема. Проблема в том, что это повлияет на поведение Грея. – Старался вписаться в обстановку, знаешь ли. *Deru kui wa utareru*²³.

– Я не согласен.

– Нет? – И медленная, угрожающая улыбка, которую Карл предпочел бы не видеть.

– Ты никогда не сможешь вписаться в обстановку, Фрэнк. Никто из нас не сможет, и в этом наша проблема. И у тебя кошмарное японское произношение.

Хочешь совет? Если соберешься поделиться народной мудростью, делай это по-английски.

– Не хочу. – Улыбка превратилась в широкую, похожую на трещину, усмешку. – Не хочу твоего совета.

– Почему бы тебе не опустить пушку, Фрэнк?

– Тебе весь список причин огласить, мудака?

– Фрэнк, – Карл не двигался, – посмотри на мою руку. Это пистолет «Хааг». Даже если ты меня пристрелишь, мне нужно всего лишь задеть тебя, пока я буду лететь на пол. Все *кончено*. Почему бы тебе не попытаться хоть что-то спасти?

– А ты свое спас? – Грей покачал головой. – Я не буду ничьим щеночком, мужик из ООН.

– Да повзрослей уже, Фрэнк, – неожиданная вспышка злобы в голосе удивила его самого. – Все мы чьи-то щеночки. Хочешь сдохнуть, шуруй прямо мне навстречу, дебил, я тебе помогу. Мне все равно заплатят столько же.

Грей заметно напрягся.

– Да уж готов поспорить, что столько же, сука.

Карл взял себя в руки. Он медленно, спокойно повел свободной ладонью.

– Послушай...

– Нечего тут слушать. – Невеселая ухмылка. – Я знаю свой счет. Три еврокопа, парочка из Иисусленда. Думаешь, мне не ясно, что это значит?

²³ Японское выражение, означающее, что тот, кто выделяется, становится объектом нападок. Дословно: «Торчащий гвоздь забивают».

– Мужик, это же Брюссель. У них собственная юрисдикция. Ты не умрешь. Тебя сошлют, но...

– Вот именно, сошлют. Ты когда-нибудь жил в поселении?

– Нет. Но там не может быть намного хуже, чем на Марсе, а ты все равно туда собирался.

Грей покачал головой:

– Ну нет. На Марсе я буду свободен.

– Все не так просто, Фрэнк.

Габи с криком бросилась на Карла.

Бежать было не далеко, и она преодолела уже больше половины пути, подняв руки, растопырив пальцы и скрючив их, как когти, когда Карл ее подстрелил. «Хааг» издал низкий кашель, и пуля вошла ей в правую руку, ближе к плечу. Габи развернуло на сто восемьдесят градусов и швырнуло на Грея, уже поднимавшего «Смит». Пистолет выстрелил, крохотную комнатку наполнил громовой треск, и стена у левого уха Карла взорвалась. Его оглушило, в лицо впились мелкие осколки. Карл неуклюже отскочил в сторону и выпустил в Грея четыре пули. Тот отлетел, как боксер, пропустивший несколько сильных ударов, врезался в дальнюю стену и, съехав по ней, замер сидя. «Смит» все еще был в его руке. Мгновение он смотрел прямо на Карла, и Карл, осторожно подойдя ближе, дважды выстрелил ему в грудь. А потом, по-прежнему со стволом наготове, внимательно наблюдал за глазами Грея, пока из них не ушла жизнь.

Биотехнологический счет закрыт.

Габи попыталась подняться с пола, но поскользнулась на собственной крови, которая текла широкой струей из раны у плеча по руке и по веселенькому ковру. Гильзы «Хаага» сконструированы так, чтобы оставаться в теле – стена за Греем не была повреждена, – но уж там-то раскурочивали все по полной программе. Габи подняла взгляд на Карла, снова и снова в ужасе покряхтывая.

Он покачал головой и сказал на кечуа:

– Схожу за помощью, – обойдя Габи, он подошел к входной двери и открыл ее.

Потом, в потоке льющегося снаружи света, он молча плавно развернулся и снова выстрелил в нее, на сей раз в затылок.

Глава 2

Конечно же, его арестовали.

На звук выстрелов немедленно примчался, взбежав вверх по улице, отряд охранников в бронезилетах. Бойцы притаились за углами дома и стоящими машинами, как жуки, только ростом с человека. Солнце поблескивало на тускло-синих панцирях и шлемах, сверкало на стволах коротких тупоносых штурмовых винтовок. И шума от них было не больше, чем от жуков, – по всей видимости, защитная экипировка и вооружение с клеймом «ГХ» снабжены микрофонами и наушниками для связи. Карл представил, как все это для них выглядит. Приглушенные, потрясенные голоса в наушниках. Картинка через гогглы.

Охранники обнаружили Карла на ступенях перед входной дверью. Он сидел, скрестив ноги, руки ладонями вверх. Это была одна из тех медитативных поз *таниндо*, что Карл узнал у Сазерленда, но он был занят чем угодно, только не медитацией. Сейчас действие меша прекращалось, и боль начала потихоньку возвращаться в раненый бок. Карл дышал и не шевелился. Внимательно смотрел, как отряд охраны подкрадывается к нему по улице. «Хааг» и удостоверение Агентства лежали в добрых четырех или пяти метрах от того места, где он сидел. Как только перед самым его носом возникла первая фигура в бронезилете со штурмовой винтовкой у плеча, он медленно поднял руки над головой. Парень в защитной экипировке тяжело дышал; черты его юного лица под шлемом и гогглами исказились от напряжения.

– Я генетически модифицированный лицензированный агент, – громко объявил Карл по-испански. – Нанят АГЗООН и работаю на них по контракту. Мои документы лежат вон там на улице вместе с моим пистолетом. Я безоружен.

Подтянулся остальной отряд, продолжая целиться в него. Всем бойцам было не больше девятнадцати лет. Прибыл командир – он выглядел чуть-чуть постарше – и взял ответственность на себя, хотя, судя по потному лицу, особой уверенности не испытывал, – не больше остальных уж точно. Карл сидел смирно и повторял одни и те же слова. Ему нужно было достучаться до них, прежде чем они войдут в дом. Нужно было добиться какого-то порядка, пусть заправлять всем будет кто-то другой. Под высокотехнологичной защитной экипировкой скрывались солдаты-срочники, точь-в-точь как те, с которыми он приехал в город. Большинство из них расстались со школой в четырнадцать лет, а некоторые даже раньше. Европейский Суд мог не значить для них почти ничего, а их отношение к ООН было в лучшем случае двойственное, но удостоверение Агентства, кусок пластика с голофото, выглядело весьма внушительно. Если повезет, оно будет учтено, когда солдатики обнаружат тела.

Командир отряда опустил ружье, встал на одно колено перед удостоверением и поднял его. Так и сяк покрутил голофото, сравнивая его с лицом Карла, потом поднялся и ткнул «Хааг» носком ботинка.

– Мы слышали стрельбу, – сказал он.

– Да, верно. Я работаю по делу АГЗООН и попытался арестовать двух подозреваемых, а они на меня напали. Оба теперь мертвы.

Солдатики принялись переглядываться, глаза на молодых лицах под шлемами заметались туда-сюда. Капитан кивнул двум бойцам, парню и девушке, те скользнули к двери и встали по обе стороны. Девушка закричала, предупреждая, мол, они заходят.

– Там живых нет, – сказал им Карл. – Правда.

Эти двое распахнули дверь, как положено по инструкции, нырнули внутрь и затопали из комнаты в комнату, выкрикивая совершенно излишние требования сдаться. Остальные ждали, по-прежнему направив оружие на Карла. Наконец в дверях показалась девушка из группы захвата со своей штурмовой винтовкой. Она подошла к командиру и зашептала ему на ухо. Карл видел, как темнело от злости лицо капитана, пока тот слушал. Когда девушка закончила

рапорт, он кивнул и снял солнцезащитные очки. Карл вздохнул и встретил привычный взгляд. Все та же старая смесь страха и отвращения. Молодой человек уже снимал с ремня синюю пластиковую стяжку. Он ткнул на Карла, словно на что-то грязное.

– Поднимайся, ты, – холодно сказал он. – Руки за спину, мудила.

К тому времени, как петлю сняли, пальцы онемели, а плечевые суставы болели от попыток сильнее прижать запястья друг к другу. Его связали варварски туго, не помогло даже то, что он сжал кулаки: когда Карл расслабил руки, свободнее не стало. Он пытался разводиться запястья в стороны, но стоило ему начать, как петля впивалась в тело. Только этих ощущений и не хватало – вдобавок к ножевой ране в боку.

Во время обыска солдатики заметили рану, но им интереснее было выворачивать карманы, чем заниматься лечением. Петлю с рук они тоже не сняли. Лишь бы он не умер в заключении, а на остальное плевать. В лагерном пункте правопорядка ему разрезали одежду; слабо заинтересованный медик прощупал рану, объявил ее поверхностной, побрызгал антибактериальным средством и заклеил. Никаких анальгетиков. Потом его оставили в слегка воняющем мочой пластиковом обезьяннике, а начальник лагеря следующие два часа притворялся, что у него есть более срочные дела, чем двойное убийство из огнестрельного оружия во вверенном ему лагере.

Карл провел это время, прогоняя в голове противоборство с Греем и пытаясь мысленно отыграть его так, чтобы Габи не погибла. Прикидывал позиции, вспоминал, что говорил, как развивался разговор. Он дюжину раз пришел к одному и тому же выводу. Только одним способом можно было наверняка спасти жизнь Габи, и способ этот заключался в том, чтобы, выйдя из ванной, немедленно пристрелить Грея.

Он знал, что Сазерленд был бы в ярости.

«Не существует такой вещи, как путешествия во времени, – снисходительно пробормотал как-то раз Сазерленд, – можно только жить с тем, что ты совершил, и стараться в будущем делать лишь то, с чем ты будешь жить счастливо. Так уж все устроено, ловец, смиришься с этим».

Сразу за этим воспоминанием в голове всплыли другие слова, собственные.

Я не хочу больше этого делать.

Наконец пришли двое охранников без бронежилетов, оба – мужчины. Они вывели Карла из камеры, не сняв стяжку, и отконвоировали в маленький кабинет в другом конце охранной организации. На углу письменного стола сидел начальник лагеря. Покачивая ногой, он смотрел, как охранники, не церемонясь, освобождают руки Карла. Струя растворителя оставила на коже арестованного несколько жгучих капель, и вряд ли случайно.

– Я очень сожалею о случившемся, – сказал начальник по-английски и без видимых угрызений совести. Он был обычным – высокий белый мужчина сорока с чем-то лет в дизайнерской повседневной одежде, похожей на экипировку. Его – Карл знал благодаря предварительным изысканиям – звали Аксель Бейли, но он не представился и не подал руки.

– Я тоже.

– Да уж, очевидно, что ваше задержание неоправданно. Но если бы вы отметились у нас перед тем, как стали бегать по моему лагерю и играть в детектива, мы могли бы избежать множества неприятностей.

Карл ничего не сказал, он растирал руки и ждал боли, которая придет, когда восстановится кровообращение.

Бейли откашлялся.

– Да, мы удостоверились, что Родригес действительно был именно тем, кем вы говорите. Похоже, мы где-то прокололись с проверкой. В любом случае, в вашем ведомстве хотят, чтобы вы связались с ними и предварительно отчитались насчет стрельбы, но, так как мы, конечно же, не оспариваем их полномочия, на данном этапе от вас больше ничего не требуется. Тем не менее мне бы хотелось услышать, что вы подадите полный отчет в КОЛИН сразу же, как

вернетесь в Лондон, и, конечно же, упомянете о нашем содействии. Если вы согласны, то вы свободны, и мы даже можем поспособствовать с транспортом.

Карл кивнул. Боль иголочками начала рисовать на его пальцах ветвящиеся узоры.

– Понимаю. Вы хотите избавиться от меня, пока об этой истории не пронюхала пресса.

Губы Бейли сжались в тонкую линию.

– Я отправлю вас вертолетом непосредственно в Арекипу, – сказал он без всякого выражения, – так что вы сможете полететь оттуда прямо домой. Считайте это жестом доброй воли. Ваш пистолет и удостоверение вернут, когда вы будете там.

– Нет, – покачал головой Карл. По мандату АГЗООН он и так мог, в теории, конфисковать для своих нужд вертолет. В теории. – Вы отдадите мне пистолет и удостоверение лично, прямо сейчас.

– Я вас умоляю...

– Пистолет «Хааг» – собственность АГЗООН. Хранить его, не имея специальных полномочий, незаконно. Идите и принесите его.

Бейли перестал качать ногой. Он на миг встретился взглядом с Карлом, видимо, уловил что-то в его взгляде, и прокашлялся. Кивнул одному из охранников, не скрывая, что знает его фамилию лишь по нашивке на нагрудном кармане униформы:

– Так, Санчес. Сходите за личными вещами мистера Марсалиса.

Охранник повернулся, чтобы уйти.

– Нет. – Карл вперился в Санчеса и увидел, как тот застыл с рукой на двери. Он знал, что это ребячество, но не мог остановиться и снова посмотрел на начальника. – Я сказал *вам* пойти и принести мои вещи.

Бейли вспыхнул и слез со стола.

– Послушайте, Марсалис, если вы не...

Карл накрыл болезненно гудящий кулак одной руки ладонью другой. Он сморщился. Голос начальника стих.

– Идите и принесите мне их, – мягко повторил Карл.

Возникла пауза. Все еще красный до корней тщательно подстриженных и уложенных волос, Бейли, задев его плечом, прошел мимо и открыл дверь.

– Следите за ним, – выходя, рявкнул он охранникам.

Карл увидел, как те обменялись ухмылками. Он еще немного потер кулак и переключился на другую руку.

– Так кто из вас двоих такой человеколюбивый, закапал меня растворителем для наручников?

Ухмылки исчезли, сменившись враждебной бдительностью, и холодное молчание стояло до тех пор, пока Бейли не вернулся с имуществом Карла и соответствующими документами.

– Засвидетельствуйте, что все на месте, – сказал он хмуро.

Вещи Карла были герметично упакованы охранниками в пластиковые пакеты, каждый предмет обмотан прокладочной лентой сантиметров сорок в ширину. Карл положил их на стол, разматал ленту и стал проверять, все ли на месте. Он указал на ключ.

– Это от камеры хранения на автовокзале, – сказал он. – Там мой рюкзак.

– Можете забрать его по пути на вертолет, – сказал Бейли и нетерпеливо подтолкнул ему бланк с описью вещей. – Мои люди вас проводят.

Карл взял бланк и положил его на стол, сорвал активационное покрытие с наклейки-голорегистратора в углу и склонился над описью.

– «Карл Марсалис, идентификационный номер s810dr576, – забубнил он привычные, обкатанные на языке от частого употребления слова, – код авторизации АГЗООН 31 гагат. Настоящим подтверждаю, что нижеследующий список является полным перечнем имущества, изъятого у меня охраной лагеря „ГХ” 18 июня 2107 года и возвращенного мне в тот же день».

Он нажал на диск подушечкой большого пальца, заверяя документ, и толкнул его обратно по столешнице. Странное удушье охватило его, пока он читал текст документа, словно бы это его самого, а не его вещи герметично упаковали в прозрачный пластик.

Я не хочу больше этого делать.

Нет, не так. Он поднял глаза и увидел, какими взглядами смотрят на него два охранника и Бейли.

Я не хочу больше этим быть.

Итак.

Покинув лагерь на вертолете, они оставили позади озеро, предварительно заложив вираж над его блистающей голубизной, и сквозь мрачную красоту гор направились в Арекипу. Вертушки вроде этой были оснащены автоматизированными навигационными системами, которые в режиме реального времени обрабатывали спутниковые данные о рельефе и погодных условиях, и это означало, что вертолет практически летит сам по себе. Карл в одиночестве сидел в пассажирском отсеке и смотрел в окно на раскинувшуюся внизу местность, бесцельно сравнивая ее со своими воспоминаниями о Марсе. Сходство было очевидно – не зря же КОЛИН именно здесь воссоздавала марсианские условия, – но в конце-то концов тут была просто родная земля, дом, с небесно-голубым небом сверху, широким горизонтом большой планеты впереди и бременем полного *g*, действующего на кости.

«Мы не признаем суррогатов!» В голове замелькали лозунги из политических передач партии «Земля первым делом». «Не слушайте корпоративных обманщиков. Прочно стойте на Земле. Боремся за лучшую жизнь *здесь* и лучший мир *сейчас*».

В аэропорту Арекипы он воспользовался полномочиями АГЗООН, чтобы получить спальное место на ближайший рейс до Майами авиакомпании Дельта. Он предпочел бы суборбитальный перелет, но тогда ему пришлось бы вылетать из Лимы. Возможно, не стоило тратить время и силы еще на одну поездку. Теперь он, во всяком случае, хоть немного отдохнет. Ждать нужно было около часа, поэтому он купил безрецептурный кодеин, принял двойную дозу и догнал себя чем-то непримечательным из торговой точки франшизы «Мясная компания Буэнос-Айрес». Толком не чувствуя вкуса, он жевал общепитовскую еду на смотровой площадке, глядел на заснеженный конус вулкана Эль-Мисти и гадал, неужели действительно, совершенно точно, для него не существует иного способа зарабатывать себе на жизнь.

И правда. Поговори-ка с Зули, когда вернешься, спроси, не нужен ли ей портье, который выходил бы на работу в середине недели.

Кислая ухмылка. Начали объявлять его рейс. Он прикончил остывшие остатки пампасбургера «Оле», вытер пальцы и ушел.

Во время полета в Майами он плохо спал, терзаемый снами о тихих коридорах «Фелипе Соуза», в обморочном ужасе от того, что призрак Габи медленно плывет за ним в тиши низкой гравитации. Ее лицо спокойно, чудом не изуродовано смертельным выстрелом, мозг вязко сочится из дыры в затылке, которую сделала его пуля. Вариация на привычную тему, но ничего нового – очередная женщина, что скользит за ним по пустынному космическому кораблю, никогда не касаясь его, и шепчет, шипит в ухо среди мертвой звенящей тишины.

Он резко проснулся, весь в поту, от объявления пилота, что начинается посадка в Майами, и что вылет из аэропорта по соображениям безопасности закрыт, так что в обозримом будущем никакие пересадки производиться не будут. По поводу вариантов временного проживания следует обращаться...

Дерьмо.

Виргинский суборбитальный челнок был бы в небе над Лондоном уже через сорок пять минут после вылета из Майами. Карл отправился бы домой, успев предварительно заказать ужин в ресторане «Баннере», и лежал бы в собственной постели, в своей квартире на одной из обсаженных деревьями улиц Крауч-Энда. И проснулся на следующее утро попозже, а за

окном пели бы птицы, и преломленный облаками солнечный свет просачивался бы сквозь яркую листву. Немного британского лета на реабилитацию – учитывая его ранение, Агентство не отказало бы – и между Карлом и удручающей обстановкой лагеря «Марс-Подготовительный» пролегла бы целая Атлантика.

Вместо этого он тащил свой чемодан по широким, ярко освещенным залам, между голоэкранами размером десять метров на два. Они внушали: *думаешь, там только красные скалы и иллюзорные камеры? Подумай еще раз, а мы возьмем и пошлем победителей на Марс*. Майами был трансамериканским транспортным узлом и, значит, транзитным центром всех компаний, участвующих в Колониальной Инициативе Западных Стран. Пару лет назад во время полета он прочел в одном из тех дурацких цветных журналов, что всегда к услугам пассажиров, статью некой сильно переоцененной журналистки, которая писала: «В настоящее время каждый седьмой пассажир в аэропорту „Майами-Интернациональный“ летит по делам, имеющим прямое или косвенное отношение к Марсу и программе КОЛИН. И тенденция такова, что это число растет». Сейчас, скорее всего, это уже один из четырех.

Карл проехал сквозь залы на траволаторах и эскалаторах, все еще чувствуя легкое кодеиновое онемение. Он добрался до задворков терминала, где высилось новое здание отеля «Мариотт», взял номер с панорамным видом и заказал медицинское обследование. Все это Карл оплатил картой Агентства. Как контрактник он имел довольно ограниченный расходный аккредитив – работа по легенде в любом случае предполагала, что он будет расплачиваться пластиной вафера или наличными, а траты впоследствии возмещались ему в гонораре, – но на пару (в худшем случае) дней, пока он не вернулся в Лондон и официально не закрыл дело Грея, на счете была вполне себе кругленькая сумма.

Пора пустить ее в дело.

В номере он снял куртку и рубашку-веблар, свалил грязную одежду в кучу на полу и пятнадцать минут отмокал под горячим душем. Меш исчез, втянулся обратно в свое спинномозговое логово, и Карл превратился в каталог синяков, каждый из которых теперь давал о себе знать сквозь истончающуюся вуаль кодеина. Заклеенная рана в боку болела при каждом движении.

Он вытерся большим мохнатым полотенцем и уже натягивал самые чистые из своих ношенных парусиновых штанов, когда в дверь позвонили. Карл схватил футболку, опустил взгляд на рану и пожал плечами. Особого смысла одеваться нет. Он отшвырнул майку и направился к двери, по-прежнему голый до пояса.

Гостиничным врачом оказалась привлекательная молодая латиноамериканка, которая, видимо, интернатуру проходила в республиканской больнице неблагополучного района, потому что едва подняла ухоженную бровку, когда увидела ножевое ранение.

– Давно в Майами? – спросила она.

Он улыбнулся и покачал головой:

– Это произошло не здесь. Я только что прилетел.

– Понимаю. – Однако ответной улыбки он не дождался. Она встала позади него и принялась нажимать длинными прохладными пальцами на кожу около раны, проверяя, хорошо ли та склеилась, причем делала это не слишком-то осторожно. – Так вы один из наших прославленных военных советников?

Он перешел на английский:

– Вот с этим-то произношением?

Ее губы чуть-чуть изогнулись, когда она снова обошла его и встала напротив.

– Вы британец? Простите, я думала...

– Забудьте. Я тоже этих ушлепков ненавижу. – Он не упомянул, что убил одного в прошлом году в баре Каракаса. Пока, во всяком случае, не упомянул. И снова перешел на испанский: – Ваша семья из Венесуэлы?

– Из Колумбии. Но там вечно одна и та же история – про кокаин, не про нефть. И так давно, еще с тех пор, как мои бабушка с дедушкой оттуда уехали, и это никогда не изменится. – Она направилась к своей сумке – та лежала на письменном столе – и выудила из нее портативный эхоскоп. – Вы не поверите, что иногда мне рассказывают двоюродные братья и сестры.

Карл подумал о мундирах, которые видел на улицах Боготы несколько недель назад. Об избиениях, свидетелем которых стал.

– Нет, поверю, – сказал он.

Она опустила перед ним на колени и снова коснулась раны, на этот раз нежнее. Невежливо, но ее пальцы словно стали теплее. Она пару раз провела туда-сюда эхоскопом и опять встала на ноги. Он на мгновение ощутил ее запах. Когда это произошло, их глаза встретились, и она поняла, что Карл ее учуял. Это был краткий, яркий миг, а потом она вернулась к своей сумке. Извлекла из нее перевязочные материалы, откашлялась, подняла брови над широко расставленными глазами, думая о том, что сейчас произошло.

– Я мало что могу для вас сделать сверх того, что уже сделано, – сказала она несколько торопливо. – Те, кто вас заклеил, свое дело знали. Хорошая работа, должно зажить быстро. Они использовали спрей?

– Да.

– Дать вам болеутоляющее?

– Насчет боли все под контролем.

– Ну тогда я снова сделаю перевязку, если только вы не собираетесь принимать душ.

– Я его только что принял.

– Хорошо, в таком случае я могу идти...

– Не хотите со мной поужинать?

Теперь девушка улыбнулась по-настоящему и сказала:

– Я замужем, – и подняла руку с простым золотым колечком на пальце. – Я этим не занимаюсь.

– Ой, простите. Я не заметил, – солгал он.

– Ничего страшного. – Она опять улыбнулась, но в улыбке сквозило недоверие, а по голосу стало ясно, что она не поверила. – Вы уверены, что не хотите обезболивающих? Они полагаются в таких случаях, я выпишу минимальную дозировку.

– Нет, со мной все нормально, – сказал Карл.

На этом она собрала свою сумку, одарила его еще одной улыбкой и оставила одеваться в одиночестве.

Он вышел из номера.

Возможно, это неразумно, но им двигало воспоминание о докторше-недотроге. Ощущение ее пальцев на теле, ее запах, ее голос. То, как она опустилась перед ним на колени.

Роботакси повезло его от аэропорта на восток, курсируя по широким многополосным улицам. Большинство заведений было еще открыто – освещенные фасады манили, но казались странно далекими, будто огни прибрежного города для корабля на рейде. Он предположил, что дело в кодеине или что это действует меш. Некоторое время ему просто нравилось смотреть, как улицы проплывают мимо. Потом, когда движение на дороге стало плотнее, он вышел из такси в первом же месте, где свет казался особенно ярким. Проспект назван в честь героя возрождения Кубы, о чем напоминает бронзовая памятная доска на кирпичной стене углового дома. Из распахнутых дверей доносился ремикс классики Зекиньи и Рейеса, было видно, как загорелая плоть извивается на танцполе и выкаблучивается рядом со входом. Было тепло и душно, женская одежда сводилась к струящимся лоскутам шелка поверх купальников, мужчины разгуливали в полотняных или кожаных джинсах, с голыми торсами. Если говорить о цвете кожи, Карл неплохо бы сюда вписался – это в Майами ему нравилось, – но вот гардероб

подкачал. Парусиновые штаны, самые легкие кроссовки из тех, что у него имелись, и футболка с картинкой «Купол Брэдбери-97». Он выглядел как какой-нибудь сраный турист.

Наконец, устав от беглых взглядов под названием «Это чужак», которые бросали на него оттягивающиеся по полной местные, он вынырнул из основного потока и погрузился во мрак клуба под названием «Пиканте». Это было убогое полупустое заведение, не похожее на его фантазии о сегодняшнем вечере так же сильно, как рекламные щиты перед баром в «Гаррод Хоркан 9» отличались от карибской реальности. На задворках сознания мелькали смутные картинки: он встречает докторшу из отеля – ладно, пусть очень похожую женщину – в некоем сальса-баре, где огни танцпола отражаются от коктейльных бокалов и жемчужных зубов. Потом они переместились бы в другое место, более интимное, но столь же фешенебельное, с приглушенным светом, а потом – финишная прямая, ведущая к ней домой, где бы этот дом ни находился.

Свежие простыни на большой кровати, не обремененная условностями женщина, ее крики в судорогах оргазма. И постепенно наползающее удовлетворенное забытие, временный уют в ночном доме незнакомки.

Ну, приглушенный свет ты уже получил, с кислой ухмылкой признал он про себя. В «Пиканте» имелась пара светодиодных танцполов размером примерно с ванную комнату в его отеле, обыкновенная прямая стойка бара и настенное освещение, казалось подобранное таким образом исключительно из милосердия к горстке довольно явных проституток, которые сидели за столами, покуривая и дожидаясь приглашения потанцевать. Карл купил выпивку – за неимением «Ред Страйпа» пришлось согласиться на нечто под названием «Тореро», а потом пожалеть об этом – и устроился за стойкой поближе к дверям. Может, это была профессиональная осторожность, а может, его странно подбадривал вид улицы снаружи, создавая ощущение, что он *не обязан* тут оставаться, если ему вдруг не захочется.

Но примерно через час он все еще сидел у стойки, и тут она подошла и пристроилась рядом. Бармен возник напротив, протирая бокал.

– Привет. Сделай мне виски с колой. Побольше льда. Привет.

Последнее «привет», понял Карл, было обращено к нему. Он отвел глаза от осадка в очередной порции пива и кивнул, стараясь разглядеть ее в тусклом свете. Решить, на работе ли она.

– Непохоже, чтобы вы тут особенно веселились, – сказала женщина.

– Непохоже?

– Да. Непохоже.

Она не походила на докторшу из «Мариотта» – бледнее, черты лица резче, формы не столь округлые, а волосы, как бывает у метисов, не слишком ухоженные. И никакого обручального кольца, лишь вычурные серебряные на пальцах обеих рук. Лиф тоже будто бы сделан из металла, он охватывал ее чуть ниже подмышек, юбка, по контрасту темная, доходила до середины бедра, неизбежные высокие каблуки. Тугая, кофейного цвета плоть выставлена на всеобщее обозрение: бедра под юбкой, плечи и приподнятые корсажем груди, полоска живота с пупком между двумя не сходящимися как следует частями наряда – все это могло ничего не значить, обычный вид для уличной прогулки по такой жаре. Несколько чрезмерный макияж, пудра чуть-чуть скаталась на порах носа. Да, она на работе. Он прекратил притворяться перед самим собой, чуть помедлил перед принятием решения, как парашютист перед прыжком, и плюнул на все.

– Я только пришел, – сказал он. – Деловая поездка, до сих пор не расслабился.

– Правда? – Она склонила голову набок, повернулась к нему и закинула ногу на ногу. Юбка на бедрах задралась. – Хотите, немного помогу вам с этим?

Позднее, совсем в другом месте, уже избавленный от напряжения, словно оно было тугими кожаными брюками, которые невозможно снять самому, он лежал, откинувшись на

изголовье кровати, и наблюдал за ее движениями в белой-белой смежной со спальней ванной. От изножья кровати до открытой двери в другую комнату было не более метра, но казалось, будто женщина ушла в параллельную вселенную. Она двигалась словно бы на громадном расстоянии от него; даже звуки в крохотной ванной – плеск и журчание воды, щелчки пудреницы, тубиков и коробочек с тенями – были какими-то приглушенными, точно он смотрел сквозь толстое стекло тесного вивария какого-то инопланетного зоопарка.

Спешите видеть людей.

Вы сможете понаблюдать, как они спариваются в естественных условиях.

Лицо подернула гримаса, но она запряталась так глубоко, что мышцы лица почти не двинулись.

Посмотрите, как самка выполняет ритуал посткоитального спринцевания.

Он почувствовал очередной глубинный позыв встать с кровати, одеться и свалить. Здесь и вправду больше нечего делать. С его пластиной она разобралась сразу же, как они вошли, – провела ею по щели считывателя с той же холодной деловитостью, с которой позднее нанесла защитный слой спрея ему на вздыбленный член и вставила его в собственную щель. Затем Карл получил несколько базовых предоплаченных трюков – она посасывала собственные пальцы, пока он ее жарил, и стискивала груди, скача на нем верхом, – пару своевременно сменившихся поз и крещендо хриплых стонов, пока он не кончил. Теперь дерево за окном отбрасывало в свете уличных фонарей дрожащие желтоватые тени на стену и потолок затемненной комнаты, от опутавших его талию простыней шел солоноватый запах недавнего соития, а он внезапно ощутил себя старым, усталым и слегка приболевшим. Рана на боку снова начала ныть, и он подумал, что повязка могла сбиться.

Позыв достиг наконец его опорно-двигательной системы. Он сел и свесил ноги с кровати. Из параллельной вселенной ванной раздался звук спускаемой воды. По какой-то причине это заставило Карла заторопиться, и к тому времени, как женщина вышла, он уже отыскал брюки и сунул в них ноги.

– Уходишь? – глухо спросила она.

– Да, думаю, уже вроде как пора. – Он подобрал свою футболку на подлокотнике дивана и натянул ее на плечи. – Я устал, а тебе... ну, я думаю, у тебя же есть еще какие-то дела?

Молчание. Она стояла и смотрела на него. Карл услышал, как она сглотнула, потом – влажное хлопанье, и со всей очевидностью понял, что она плачет в темноте. Карл застыл в неловкой позе, в наполовину надетой футболке, и уставился на нее. Хлопанье превратилось в настоящий всхлип. Она отвернулась и обхватила себя руками.

– Послушай... – начал он.

– Нет, иди. – Ее голос был твердым, в нем почти не слышались слезы.

Профессиональная выучка, решил он. Но она была расстроена по-настоящему, если не считать, что горе она изображает куда лучше, чем экстаз во время секса. Он стоял у нее за спиной и смотрел на неприбранные волосы, туда, где они вились мелким бесом от влаги и жары.

Перед глазами возник раскуроченный затылок Габи.

Карл скривился и, поколебавшись, положил руку ей на плечо, опасаясь, что это покажется грубым фарсом после дешевой близости, которую он купил у нее двадцать минут назад. От его прикосновения она слегка вздрогнула и сказала:

– Я беременна.

Слова отрикошетили от стенки его сознания, и ему на миг подумалось: ослышался. Потом, когда она повторила, Карл убрал руку с ее плеча. Ведь совсем недавно она выудила из сумки баллончик спрея «Троян» с ловкостью циркачки, у которой завязаны глаза, и с такой же ловкостью обработала им Карла! Когда он наблюдал за этими действиями, то ощущал приятную успокаивающую уверенность, мол, он (идиотская ухмылка) в хороших руках. Теперь столь

же идиотская часть его личности сочла себя преданной из-за признания в уже произошедшей ошибке, словно бы обвиняли его.

– Ну, – сказал он для пробы, – в смысле, ты же можешь... Сама понимаешь.

Ее плечи тряслись.

– Это Флорида. Здесь такое запрещено уже десятки лет. С этим надо в Штаты Кольца или в Союз, а этого моя страховка не покроет. Даже если я продам все, что у меня есть, денег будет недостаточно.

– А нет кого-то, кто...

– Мужик, ты что, не слышал меня? Это, блин, *незаконно*.

Появилось и окрепло ощущение профессиональной компетентности, того, что он в своей тарелке.

– Да законность вообще ни при чем. Я не об этом. Есть же места, куда ты могла бы пойти.

Женщина повернулась к нему лицом, смахнула ладонью слезы со щеки. Оставшиеся мокрые дорожки блестели в свете с улицы. Она фыркнула.

– Ага, пожалуй, *ты* мог бы туда пойти. Или дочь губернатора. Думаешь, у меня есть такие деньги? Или, может, ты думаешь, я рискну сунуться в какой-нибудь абортарий на задворках, а потом вернусь домой, истеку кровью или сдохну от сепсиса, потому что они слишком скупы, чтобы использовать качественные инструменты? Откуда ты, мужик? Медицина тут стоит херову кучу денег.

Он был готов послать ее подальше, и нужные слова уже вертелись на кончике языка. Это не его проблемы, он не подписывался на такое дерьмо. Но вместо этого он снова увидел, как разлетается на части голова Габи, и словно бы издалека услышал собственный тихий голос:

– Сколько тебе нужно?

«Шло б оно все! – В нем поднималась злость на себя и на эту женщину, и он перенаправил ее на северо-восток, на собственное начальство. – Пусть в этом сраном АГЗООН для разнообразия заплатят за что-нибудь стоящее. Они вполне могут это себе позволить. А этот кусок дерьма, ди Пальма, пускай делает запрос, если, мать его, осмелится».

Успокоив ее, Карл остановил поток слез и благодарностей, пока те не стали звучать неубедительно. Он объяснил, что для перевода денег на ваферы, которыми она может воспользоваться, нужен инфобункер, и что для этого, вероятно, придется вернуться в отель. Тут женщина сжала его руку, и он догадался, что она боится выпустить его из виду, что он передумает. Оказывается, она знает вполне надежный инфобункер всего в нескольких кварталах отсюда, один ее клиент из центра города регулярно пользуется этим местом. Она могла бы отвести Карла туда прямо сейчас, вот только одеться надо, много времени это не займет.

Улицы были почти пустынные, в такую пору обитатели полузаселенного района эконом-класса либо спят, либо кутят в центре. Витрины магазинов прятались за металлическими ставнями; ярко-желтые наклейки предупреждали взломщиков, что ставни под напряжением. Парочка баров до сих пор работала, и тусклые неоновые вывески над угловыми входами вспыхивали, как тщедушные городские маяки. Рядом с одним из них припаркованные автомобили и стену облюбовала стайка начинающих хулиганов, с угрозой поглядывавших на редких прохожих. Карл ощутил, как мягко, ненавязчиво ожил меш, но проигнорировал его и, избегая взглядов, приобнял девушку за плечи, чуть ускоряя шаг. Когда они прошли, он услышал, как парни обсуждают его на загадочном диалекте, смеси испанского и английского. Впрочем, чтобы понять сказанное, особого воображения не требовалось. «*Ублюдочные* туристы, *поганые* иностранцы *трахают* наших женщин». Известная жалоба. Он не винил этих ребят. Потом Карл с девушкой свернули за угол, и голоса заглушила музыка, льющаяся из распахнутого в жару окна, неуклюжий кубинский джаз – казалось, кто-то молотит по пианино кулаками.

Инфобункер напоминал архитектурную опухоль на стене какого-то нежилого здания и представлял собой безвкусный бетонный нарост – два метра в высоту и примерно столько же в

ширину. Он был оборудован надежной дверью из танталовой сплава и зарешеченными лазерными панелями на крыше, которые отбрасывали вниз белый хрустальный свет. Карл шагнул в это сияние с нелепым ощущением, что он – артист, выходящий на сцену. Набрал на клавиатуре свой пароль, и вращающаяся дверь открылась. Старые воспоминания и полученный в Каракесе шрам заставили Карла пропустить девушку вперед и ударить кулаком по кнопке быстрой блокировки дверей, как только оба оказались внутри. Дверь снова повернулась.

Комплектация почти не отличалась от других защищенных модулей, которыми ему доводилось пользоваться по всему миру: считывающая радужку маска на гибком шнуре, широкий экран со встроенными динамиками по краям над устройством для приема ваферов, вырастающий из пола стул с сиденьем вдвое шире обычного, рассчитанный скорее на тучного посетителя, чем на воркующую парочку. В любом случае, девушка благоразумно осталась стоять, демонстративно отвернувшись от экрана. Она действительно бывала тут прежде со своими клиентами.

– Здравствуйте, сэр, – оживленно заговорил инфобункер. – Не желаете ли прослушать список доступных...

– Нет.

Карл приспособил над головой считыватель радужки, пару раз моргнув в линзы камер и подождал звона, подтверждающего опознание личности. От нечего делать он подумал, а что произойдет, если придется проделывать это с подбитым глазом.

– Благодарю вас, сэр. Вы получили доступ к своим счетам.

Он перевел средства на десять лимитированных ваферов, сообразив, что девушка не захочет довериться подпольной клинике настолько, чтобы авансом оплатить все услуги. Вручая ей ваферы в тесной кабинке, Карл понял, что не знает ее имени. Еще через пару секунд он понял, что и не хочет его знать. Она молча взяла ваферы, ее взгляд метнулся вверх, а потом вниз, отчего ему подумалось, что она хочет отблагодарить его, сделав минет прямо в бункере. Но потом она пробормотала благодарности так тихо, что Карл почти не расслышал, и даже призадумался, а не был ли он, в конце концов, еще одним больным на голову ушлепком с чересчур живым воображением. Он отпер замок, коснувшись считывателя подушечкой большого пальца, раздалось шипение сжатого воздуха, и вращающаяся дверь открылась. Вслед за девушкой он вышел на улицу.

– Давай, парень! Подними-ка свои шаловливые ручонки, чтобы я мог их видеть!

Этот вопль донесся слева, и с обеих сторон к нему метнулись люди. Меш радостно взвыл, пробуждаясь к жизни. Карл схватил чью-то руку, блокируя удар, и швырнул ее хозяина в сторону эха отзвучавшего крика. Кто-то споткнулся, послышались проклятия. Другой попытался с ним сцепиться, и даже не без кое-каких приемчиков, но... Карл сильно рванул книзу руку нападавшего и ударил того локтем в лицо, ощутив, как ломается нос. От боли его противник издал высокий визг. Карл сделал шаг, подставил нападавшему подножку и снова толкнул. Тот, что со сломанным носом, был побежден. Оставался второй, он снова наступал слева. Карл крутнулся (свирепая ухмылка, согнутые руки), увидел свою цель. Его враг был здоровенным, с покатыми плечами – исчезающий типаж, вроде профессионального рестлера. Карл сделал ложный выпад, а потом, когда противник повелся, пнул его ногой в живот. Всхлипывающее хрюканье, ощущение хорошо нанесенного удара; но здоровяк по инерции продолжил движение вперед, и Карлу пришлось отскочить в сторону, попутно разворачиваясь, чтобы его не сшибло.

Потом кто-то ударил его сзади по голове.

Карл слышал, как к нему приближаются, ощутил движение воздуха возле уха, начал разворачиваться, но слишком поздно. Внутри взорвалась чернота, испещренная крошечными-крошечными искрами. Его развернуло и выбросило обратно в хрустальный свет вокруг инфобункера. Зрение исчезло, потом вернулось вновь. Расплывчатый силуэт подошел и оста-

новился над ним. Сквозь вальсирующие перед глазами цветные пятна Карл увидел наведенное на него дуло пистолета и перестал вырываться.

– Майами, полиция нравов, козлина. Лежи как лежишь, или я сделаю в твоей сраной башке еще одну дырку.

Конечно, они его арестовали.

Глава 3

6:13 утра.

Длинные пряди облаков на выполосканном предрассветном небе. Капли накрапывавшего ночью дождика все еще блестели на черных металлических панцирях челноков, от капель влажна была посадочная площадка из вечного бетона, и мелкие частицы влаги до сих пор наполняли воздух. Джо Дрисколл вышел из походной кухни, разведя руки в стороны, чтобы удержать равновесие, и держа в каждой по высокой саморазогревающейся фляге с кофе. Веки отяжелели от полудремы, которая накапывает к концу вахты. Он зевнул так, что чуть не вывихнул челюсть.

Завыла сирена, словно включилось гигантское стоматологическое сверло.

– Ох, какого хера...

Мгновение он постоял в тоскливом неверии – а потом фляги ударились о бетон, а сам он смиренно побежал к складскому помещению. Сирены над головой перевели дыхание и снова начали раздражающий скулеж. Большие лазерные панели на притолоках ангаров замигали янтарно-желтым. Где-то слева за звуком сирен послышалось глубокое хриплое стрекотание турбин – заработали челноки быстрого реагирования. Не более полутора минут, прежде чем они наберут обороты. Еще две минуты на то, чтобы экипаж занял свои места, и они взлетят и повиснут и завертятся в упряжи, как собаки на слишком коротком поводке. А всякий опоздавший на борт может распрощаться со своими яйцами.

Джо добежал до дверей склада, как раз когда оттуда вылетела Здена, ее разгрузочный жилет с подвешенным шлемом был еще не до конца зашнурован, а в руках девушка держала автомат и приклад. Когда она увидела Дрисколла, ее губы растянула широкая славянская улыбка.

– И где мой кофе, Джо? – Из-за сирен ей приходилось кричать.

– Вон там на бетоне разлит. Хочешь, пойдешь да слижи. – Он сделал раздраженный жест. – Вот херня же, а? Сорок минут до смены, и тут начинается это говно.

– За это нам и платят, ковбой.

Она со щелчком вогнала на место приклад, зафиксировала его, сунула оружие в чехол на бедре и сосредоточилась на шнуровании разгрузочного жилета. Джо отодвинул ее плечом, проталкиваясь на склад.

– А нам платят?

Когда раздался сигнал тревоги, на складе закипела жизнь. Дюжина бойцов орала, проклинала устаревшее снаряжение, смеялась от напряжения лающим смехом. Джо хватал из неаккуратных кучек на стойке жилет, шлем, Т-образную маску, даже не пытаясь все это надеть. Опыт научил его одеваться в чреве челнока, уже над Тихим океаном. Он ухватился за ствол автомата, вертикально стоявшего в гнезде на стойке, немного повозился, не сумев вытащить оружие с первого раза, наконец освободил его и побежал к двери.

Сорок сраных минут, мужик.

Здена уже сидела на откинута заднем борту челнока «Лазурь-1», в незакрепленном шлеме, без маски, и ухмылялась, пока он, пытаясь, подтягивался на руках, взгромождая на борт задницу. Она нагнулась к нему, чтобы перекричать визг турбин:

– Эй, ковбой, готов к рок-н-роллу?

Он никогда не мог понять, нарочно она говорит с «акцентом Наташи» или нет. Они работали вместе недостаточно долго: Здена с остальными новичками появилась тут только в конце мая.

Джо считал (а, согласно этикету, спрашивать не полагалось *никогда-никогда*) что она иностранка с трудовой лицензией, и с точки зрения закона у нее все в порядке, по крайней мере,

не хуже, чем у него в последнее время. Впрочем, вряд ли она сиганула через ограду на границе, как когда-то он сам. Вероятнее, что девушка явилась с сибирского побережья или, может быть, с одного из тех русских плавучих заводов, что гораздо южнее; из-за них в Штатах Тихоокеанского Кольца постоянная, чтоб ее, текучка кадров, о которой столько разговоров. Конечно, судя по тому, что он знал, Здена даже могла родиться и вырасти на Западном Побережье. Тут искаженный английский был в порядке вещей. Не то что в Республике, где повсеместно насаждали аманглик и наказывали детей в школах, если они говорили на другом языке. В ШТК английский был всего лишь языком торговли – им овладевали в той мере, в которой он был нужен. В некоторых районах нужда в нем была совсем невелика.

– Тебе, – он все еще отдувался после пробежки, дыхания на крик не хватало, – перестать бы смотреть эти старые киношки, Зе. Просто, мать его, поплаваем с шестом вокруг отметки о большой глубине. Перепугаем до усрачки какого-нибудь идиота-фермера с его планктоном, который забыл продлить разрешение еще на месяц. Пустая, блин, трата времени.

– Я так не думаю, Джо, – Здена кивнула вдоль ряда челноков. – Поднимают аж четыре борта. Многовато огня для фермы планктона.

– Точно-точно. Вот увидишь.

Стартовали довольно гладко, для их корабля во всяком случае. Учения в этом месяце вроде бы пошли впрок, хоть все и были недовольны. Внутри борта – восемь вояк, стандартный личный состав, все припутаны-пристегнуты к противоаварийным креслам вдоль внутренних стен челнока, улыбаются напряженными улыбками. К тому времени жилет Джо был застегнут, датчики показателей жизненно важных функций подключены, пусть сам он и удивился бы, озабочен кто проверить все это дерьмо теперь, когда в рубке осталось два члена экипажа вместо трех. Но так хотя бы в бою за ним присмотрят автомедики, да и есть куда распахать запасные магазины к автомату и абордажные инструменты.

Начался инструктаж: зазвучал из комсета в ухе, загремел, отдаваясь эхом, из вмонтированных в крышу челнока динамиков:

«Нарушение воздушного пространства второго класса, повторяю, **второго** класса, боевых действий не ожидается...»

Он подался вперед и торжествуя кивнул в сторону Здены:

– Ну, что я тебе говорил, блин!

«...но тем не менее вам следует оставаться в состоянии боевой готовности, не снимать маски и перчатки на протяжении всей миссии, использовать антиконтаминантный гель, как при биологической опасности. Пожалуйста, обратите внимание, что причин предполагать биологическую опасность нет, это мера предосторожности. У побережья потерпел крушение космический корабль КОЛИН...»

Здена выстрелила в него ответным взглядом.

– С хрена ли *космический*? – выкрикнул кто-то с кресла у противоположной стены.

«...медики не приступят к работе, пока „Лазурный отряд“ не закончит зачистку. Будьте готовы столкнуться с жертвами крушения. Выдвигаемся в следующем порядке: команда альфа: – Дрисколл – впереди, Эрнандес и Чжоу замыкающими. Команда бета...»

Джо отключился – тоже мне, новости. Как ни крути, в ближайшие три недели его очередь лезть в пекло. Он не мог понять, злит это или радует. Это ж, едрить его налево, прямо экскурсия получается. Он никогда не видел настоящих космических кораблей – визор да пара виртуальных туров по музею КОЛИН в Санта-Крузе не в счет, – но одно знал точно: эти чертовы машины на Землю не сажают. Так повелось с тех пор, как везде понаставили наностыковочных башен, которые исчезают в облаках, словно черно-стальные бобовые стебли из дебильных бабушкиных сказок времен его детства. Единственные космические корабли, о которых Джо знал не из исторических документальных фильмов, время от времени появлялись на новостных каналах, ближе к концу выпусков. Они преспокойно состыковывались с похожими на шляпки грибов

верхушками этих небесных бобовых стеблей и влияли только на экономику. «Только что возвратившийся с Хабитата-9²⁴ транспортный буксир „Вивер“ в этом квартале нанесет, как ожидается, существенный удар по рынку драгоценных металлов. Меры, предложенные Ассоциацией металлодобывающих стран Африки, призванные защитить добычу полезных ископаемых на Земле, ждут рассмотрения Всемирной торговой организацией. Представители консорциума „Харба-9“ утверждают, что подобные ограничения торговли...»

И так далее. В наши дни космические корабли остаются в своем космосе, где им и место, а грузы перемещают вверх-вниз на подъемниках наностыковочных башен. «Идеальный карантин, – как в одной ночной передаче охарактеризовала все это телевизионная говорящая голова, – к тому же чрезвычайно энергоэкономичный». Упавший на землю космический корабль – это же сценарий для низкопробного фильма-катастрофы или еще более низкопробного сериала о вторжении инопланетян на каналах Иисусленда. Если подобное произошло в реальности, значит, что-то где-то пошло не так.

Блин, я должен это увидеть...

Он все еще наносил на лицо биогерметик, когда челнок накренился, и задний борт с треском откинулся, открываясь. Внутри ворвался холодный тихоокеанский воздух вместе с воем турбин и сереньким утренним светом. Джо отцепился от кресла и пристегнулся к спусковому устройству. Пульс легонько стучал в висках, в крови струилось что-то слишком радостное, чтобы называться страхом. Он надел Т-образную маску, вывел под подбородок дыхательный фильтр, прижал края, чтобы те схватились биогерметиком. Снаружи ветер хлестал океанские волны, холодя только что намазанную гелем кожу щек по обе стороны маски. Изогнутое ударопрочное стекло, прозрачное только с одной стороны, с его теплыми и бдительными защитными экранами янтарного цвета давало иллюзию безопасности, оно словно укрывало все тело, а не только часть лица. Их постоянно предупреждали об этой херне. В низкопробном виртуальном инструктаже, сделанном на техасском программном обеспечении и сожравшем весь бюджет на обучение личного состава службы безопасности «Филигранная Сталь», об этом беспрестанно твердил некий коверкающий слова сержант. Необъяснимо, но у изображения, слабо шевелившегося губами не в такт словам, было британское произношение. «Осознавай все тело, ничтожество, – ревел он, когда кто-то совершал ошибку. – Ты что, напрокат ноги взял? А грудь – временный довесок? Осознавать все тело – это, мать твою, единственный способ сохранить все тело».

Ну да, ну да. Как скажете.

Джо со щелчком пристегнул к жилету трос, обернулся к камере наблюдения в потолке салона и показал ей сложенные колючком указательный и большой палец, мол, в порядке все. Кашлянул в микрофон у горла.

– Первый к высадке готов.

– Вас понял, Первый. По моей команде. Три, два, один... пошел.

Трос рывком пришел в движение, Джо обеими руками нащупал автомат, привел его в боевую готовность и высунулся так, чтобы видеть происходящее внизу. Вначале, куда ни глянь, лишь перекачивался и пенился гребнями волн бескрайний Тихий океан. Потом Джо заметил космический корабль. Совсем не такой, как ожидал: похож на гигантский притопленный пластмассовый ящик, еле-еле плывущий по воде. Корпус был по большей части черным, обгоревшим, но виднелись и белые полосы с остатками наногравировки, какие-то буквы, корпоративная символика, которую, решил Джо, выжгло жаром падения. Опустившись ниже, он разглядел нечто похожее на открытый люк, ведущий в затопленный отсек.

– Э-э, командир, эта штука точно не утонет?

²⁴ Хабитат – местообитание.

– *Первый, подтверждаю. Специалисты КОЛИН сказали, она останется на плаву навечно.*

– Просто у меня тут открытый люк, а с таким ветром и волнами, думаю, она нахлебается воды.

– *Повторяю, Первый. Корабль останется на плаву. Исследуйте люк.*

Ботинки Джо с громким лязгом коснулись обшивки чуть дальше люка, где-то в десятке метров от него. Океанская вода накатывала, вихрилась вокруг ног, доходя до щиколоток, потом отступала. Он вздохнул и отстегнулся от троса.

– Вас понял. Отстегнулся.

– *Оставайтесь на связи.*

Немного пригнувшись, он добрался до люка по слегка наклонной поверхности и заглянул внутрь. Там хлопала вода; Джо видел, как она влажно поблескивает на ступенях трапа, ведущего ко второму, внутреннему люку, которым должна заканчиваться шлюзовая камера. Пока он смотрел, через водозащитный порог плеснула новая волна, вода побежала по трапу, капая и брызжа на дно люка. Он поглядел еще немного, потом пожал плечами и стал спускаться по трапу, пока не оказался в трех ступеньках от нижнего люка. Воды тут было где-то на три пальца, ее болтало туда-сюда от того, что корабль покачивался на волнах. Крышка второго люка казалась неестественно чистой, будто нечто лежащее на дне горного пруда, и была несколько углублена в пол. На ней предупреждение: «Осторожно! Не открывать, пока давление не выровняется».

Джо счел, что внутреннее давление должно было уже прийти к местному, потому что крышка внутреннего люка оказалась уже кем-то или чем-то разгерметизирована. Она провисла вниз, приоткрывшись ровно настолько, чтобы вода могла потихоньку стекать в щель. Джо крикнул.

Если бы не это, хренова шлюзовая камера уже на четверть наполнилась бы помоями.

Он постучал по микрофону:

– Командир? Тут взломанный внутренний люк. Не знаю, системы его распечатали или...
гм... человек.

– *Вас понял. Действуйте осторожно.*

Джо скривился. Он-то надеялся, что его отзовут.

Ага, или завалите миссию на хер, так, командир? Эта малютка прибыла из космоса, правильно, а вероятнее всего – с Марса. Хрен узнаешь, какие тут могут оказаться микроорганизмы. Для того ведь и карантин на нанопричалах, верно?

Мгновение он думал, не вернуться ли ему.

Но...

Ты полностью экипированон почти слышал терпеливый разъясняющий голос, – на случай биологической угрозы, которой все равно не предвидится, у тебя есть маска и гель-биогерметик. У тебя нет уважительной причины нарушить приказ.

И голос Здены: «За это нам и платят, ковбой».

И насмехающиеся голоса остальных.

Он избавился от мелкой дрожи, спустился еще на две ступеньки и осторожно надавил ботинком на крышку люка. Та немного подалась.

– Круто.

– *Первый?*

– Ничего, – кисло сказал он. – Просто действую исключительно, чтоб его, осторожно.

Упершись рукой в стену шлюзовой камеры, он нажал на крышку люка, уже нетерпеливо, и...

...она прогнулась под его ногой.

Тяжело отъехала на шарнирах вниз, и вода обрушилась во внутреннюю тьму с долгим, гулким плеском. Произшедшее застало его врасплох, и он разжал пальцы, до того державшиеся за ступеньку. Падая, он неуклюже попытался ухватиться за что-нибудь рукой в перчатке, но не сумел и приложился головой об лестницу. Соскользнул прямо в открытый внутренний люк, успев издать сдавленный крик.

– Ууууу-ухх, – и закончил полет в какой-то куче, наваленной на бывшей стене нижнего коридора.

При ударе он прикусил кончик языка и зашиб плечо, автомат долбанул по ребрам. Джо зашипел от боли сквозь скрежетнувшие зубы.

Впрочем, кажется, его тело приземлилось на что-то мягкое. Он полежал секунду, ожидая, не донесут ли об ущербе его лежащие в замысловатых позах конечности.

Полное осознание всего тела, так точно, сержант.

Джо выдавил улыбку. Вроде бы ничего не сломал. Подняв голову, он обнаружил, что упал всего лишь метров с трех, и испустил сквозь фильтры маски глубокий, радостный вздох облегчения. Закончил его тихим ругательством.

– ...твою налево.

– *Первый?* – проснулся командир, *наконец-то*, мать его, забеспокоился. – *Доложите свое состояние. Вы ранены?*

– Я в порядке. – Он приподнялся на одной руке, сощурился, разглядывая тьму, и включил фонарик на шлеме. – Просто провалился. Ничего...

Луч фонарика выхватил что-то, что не имевшее никакого смысла. Голова дернулась, луч уперся в то, что он уже видел...

– Вот херня, мужик, ты, должно быть...

Внезапно нахлынуло понимание пополам с неверием, и его стошнило прямо в маску. Нос и горло обожгло, и Джо впервые как следует увидел, чем было то мягкое, что прервало его падение.

Глава 4

Севджи Эртекин проснулась со странным убеждением, что над городом широкими серыми простынями висит дождь.

В шоне?

Она моргнула. Где-то за открытым окном квартиры выла сирена по ее душу. Знакомая и вызывающая тоску, как звуки азана²⁵, по которому она, переехав в другой район, до сих пор скучает, но наполненная адреналиновым предвестьем, которого нет в молитве. Заржавевший профессиональный рефлекс было всплыл, но потом перевернулся вверх дном и затонул, когда на борт взошла память. Сирены больше не вызывают ее. В любом случае, наводящий меланхолию и перехватывающий дыхание вой полицейской машины доносился откуда-то издали. Его почти заглушали звуки уличной торговли шестью этажами ниже. Там раздавались крики, в основном добродушные, и музыка из центра на прилавке: неистовые неоарабески, слушать которые она была не в настроении. День начался без нее.

Вопреки здравому смыслу Севджи повернулась к окну. В лицо ударили лучи солнца и заставили ее прищуриться. Вариполярные занавески волновались на ветерке и словно горели, раскаленные добела в утреннем свете. Видимо, она забыла переключить их обратно в непрозрачный режим. Там, где край занавесок подметал пол, торчала бутылка из-под виски «Джеймсон», кто-то – *ага, кто-то, конечно, Сев, и кто бы это мог быть?* – закатил ее туда по полированным половицам гостиной, когда она опустела. Той самой гостиной, где Севджи, судя по всему, спала на диване одетой. Минутное раздумье – и сонный разум нашел в памяти подтверждение. Она осталась тут сидеть после того, как вечеринка закончилась, и единолично приговорила эту бутылку. Пришли смутные воспоминания о тихом разговоре с самой собой, о дымном тепле сбегавшего по пищеводу виски. Все это время она думала, что выпьет еще один бокальчик – и все, еще один – и все, а потом она встала и...

Она не встала. Она вырубилась.

Это что-то новенькое, Сев. Обычно ты вырубаетесь в постели.

Сделав судорожное усилие, она смогла все-таки сесть, но потом пожалела, что поспешила. Содержимое головы будто поехало в сторону на какой-то внутренней ножке. Накатила долгая волна дурноты, одежда показалась вдруг смирительной рубашкой. В какой-то момент она скинула ботинки – те валялись в противоположных углах комнаты, почти на максимально возможном расстоянии друг от друга, – но рубашка и штаны были на ней. Сохранилось смутное воспоминание, как она превесело перекатывалась на спине, пытаясь стянуть ботинки, а потом и носки. Хотя бы в этом она, судя по всему, преуспела, но перед всем остальным приходилось признать очевидное поражение.

И вот теперь рубашка бугрилась складками в подмышках, а чашечки слетели с грудей, пока она ворочалась с боку на бок во сне, и теперь болтались сами по себе. Одна вроде бы тоже в итоге оказалась под мышкой, а вторая и вовсе куда-то пропала. Брюки ниже талии как-то перекрутились и уже не сидели свободно; в животе тоже несколько напряженно. Мочевой пузырь был неприятно полон, а в голове монотонно пульсировало.

И дождь идет.

Севджи подняла глаза, и ее охватила внезапная первобытная злость, когда она отследила настоящий источник низкого шипящего звука. В углу комнаты все еще работала допотопная развлекательная панель JVC. Какой-то трек прокрутился на ней до конца, и капризная система не обрушилась по умолчанию в синий экран. Вместо него на мониторе плясали снежинки ста-

²⁵ Азан – в исламе призыв к молитве, который муэдзин возвещает с минарета.

тических помех, и мягкое шипение лилось в уши вместе со звуками города за окном. Заполняло все, будто...

Губы сжались. Теперь ясно, что за трек она смотрела. Севджи не помнила этого – она просто знала.

И ни хера это не дождь никакой, разумеется.

Она, пошатываясь, встала на ноги и ударом заставила панель замолчать. Потом с минуту стояла в собственной квартире, как в чужой, словно она вломилась сюда, чтобы что-то украсть. Чувствовала, как сердце равномерно бьется в горле, и знала, что вот-вот расплачется.

Вместо этого Севджи яростно мотнула головой, и вместо слез пришла сильная, пульсирующая, как сонар, боль. Ковыляя через спальню в смежную ванную, она прижимала пальцы к вискам. Там на полке стояли таблетки от головной боли в пластмассовой бутылочке, а рядом – блистер из фольги с сином. Если говорить точнее, это был синадрайв к37— разработанные для военных целей суперэффективные капсулы, еще точнее – ее доля изъятого с черного рынка полицией Нью-Йорка препарата, в несколько раз более сильного, чем тот, что обычно называют сином на улицах. Она уже несколько раз принимала эти капсулки и нашла их пугающе действенными: они стимулировали симпатическую нервную систему и координацию, отодвигая на второй план все остальное, и делали это быстро. Севджи поколебалась мгновение, осознавая, что на сегодня у нее есть дела, пусть даже прямо сейчас она не помнит, какие именно.

Да все равно весь этот хренов город в наше время занимается самолечением, Сев. Так что не парься.

Она выдавила на ладонь две «военные» капсулы и как раз собралась проглотить их, не запивая, когда засекла периферийным зрением какое-то движение.

И шагнула обратно в спальню.

– Привет.

Девушка в постели была никак не старше восемнадцати или девятнадцати лет. Моргая спросонок, она казалась даже моложе, но тело под единственной простыней было слишком округлым для беспризорного подростка. Девушка села, и простыня соскользнула с неправдоподобно выпирающих грудей. Судя по тому, как они качнулись, это были не импланты, а синтетическая подкожная ткань, что странно. Дороговато для такой молодой. Севджи решила, что эта псевдобонобо-цыпочка²⁶ – чей-то трофей, подружка на одну ночь, но из-за похмелья не было сил ломать голову, вспоминая, кто присутствовал на вечеринке. Может, тот, кто приволок ее сюда, слишком надрался, чтобы, уходя домой, забрать все свои аксессуары.

– Кто тебе разрешил тут спать?

Девушка снова моргнула:

– Ты.

– Ох. – Ярость Севджи угасла, сменившись новой волной дурноты. Севджи сглотнула. – Ладно, собирай свои манатки и дуй домой. Вечеринка окончена.

Она вернулась в ванную, тщательно прикрыла дверь, а потом, словно подчеркивая последние слова, согнулась и блеванула в унитаз.

Когда она уверилась, что сможет удержать к37 в организме, то проглотила капсулы, запив стаканом воды, а потом влезла в душ и стояла там, прислонившись к стене, под теплыми струями, ожидая, когда лекарство подействует. Много времени не понадобилось. Химический состав такой, чтобы действовать быстро и сохранять ум в ясности; от того, что в желудке пусто, процесс пошел еще быстрее. Пульсация в голове стала стихать. Севджи отлепилась от кафельной стены, нащупала баночку с гелем и стала осторожно втирать его в кожу головы. Спутанная и мокрая масса волос поддалась и опала шелковистой волной, пена клочьями стекала по

²⁶ Бонобо – человекообразные обезьяны, известные, главным образом, благодаря своей активной и разнообразной половой жизни.

телу. Это было словно скинуть одежду, которую носишь пять дней. Она ощутила целеустремленность и свежие силы, словно в нее вставили новый скелет. Когда десять минут спустя она вышла из душа, боль скрылась за дымкой фармакологического происхождения, ее место заняла острая, кристально чистая ясность.

Сомнительное приобретение. Вытираясь перед зеркалом, Севджи заметила отложившийся на ляжках жирок и поморщилась. Она месяцами не посещала зал, а программа ее домашнего АстроТона Кэсси Роджерс – *используется персоналом «Марс Трина» во время перелетов!* – погружалась в забытие, как сложенный шатер цирка шапито. И вот, пожалуйста, наглядное тому подтверждение. Жирок военными пилюлями не стонишь, это тебе не боль. В сознании промелькнули до смешного идеальные бока девчонки в ее постели. И безупречно сконструированный, выдающийся бюст. Она посмотрела на холмики собственных грудей, чуть обвисших и смотривших в разные стороны.

Да ну на хер, тебе же уже за тридцать, Севджи. Тебе же незачем впечатлять парней с Босфорского моста, ведь так? Угомонись уже. К тому же у тебя месячные, от них всегда выглядишь хуже.

Волосы уже высохли и стояли вокруг головы привычным непокорным черным колоколом. Она пару раз провела по ним расческой, потом пришла в раздражение и сдалась. Из зеркала на нее неласково смотрело собственное лицо, в котором читались ее, по большей части, арабские корни: высокие и широкие скулы, крючковатый нос, полные губы в сочетании с яркими янтарными глазами под тяжелыми веками. Итан однажды сказал, что в ее лице есть нечто тигриное, но Севджи, сегодня резкой от действия сина и еще ненакрашенной, подумалось, что она больше похожа на ворону в дурном расположении духа. От этой мысли на лице появилась ухмылка, и Севджи каркнула на свое отражение. Отшвырнула полотенце и пошла одеваться. Обнаружила, что хочет кофе.

Кухня – что предсказуемо – выглядела как зона военных действий. Все доступные поверхности заставлены грязной посудой. Среди мусора Севджи рассмотрела кушанья со вчерашней вечеринки: тарелки с остатками темно-зеленой, похожей на лоскуты, виноградной долмы, ломкие куски пирожков *сигара берек*, остывшие баклажаны с помидорами в оливковом масле, перевернутая половинка *лахмаджуна*, похожая на высохшую жесткую мочалку. В раковине пьяно дыбилась башенка из кастрюлек, похожая на робота из коробки с сюрпризом. На полу вдоль стены ровными рядами выстроились бутылки из-под пива «Эфес». Кухню заполнял исходивший от них слегка кисловатый дух.

Вечеринка удалась.

Когда она выпроваживала гостей, кто-то из них пробормотал эти слова. Неожиданная лавина воспоминаний подтвердила это: вот друзья, роящиеся тут и там по всей квартире, развалившиеся на диванах и напольных подушках, вот выпивка и закуска, жестикуляция с набитыми ртами, ненапряжное веселье. Вечеринка *действительно* удалась.

Ага. Жаль только, что тебе потом пришлось прикончить ту бутылку виски.

Почему это произошло, Сев?

Она ощутила, как дернулось лицо, и знала, что ее глаза остекленели и стали несчастными и, кажется, закатились куда-то внутрь головы.

Ты знаешь, почему.

За этой мыслью, четкой и колючей, стоял син. Севджи внезапно поняла, как легко, должно быть, убить кого-нибудь в таком душевном состоянии.

Заговорил телефон, мягко, убедительно – как вату кусал:

– На линии Том Нортон. Вас соединить?

Воспоминание о том, что нужно сегодня сделать, обрушилось на нее, как кирпич.

Она застонала и пошла за обезболивающими.

Первой неправильностью была машина.

Обычно Норт разъезжал на нелепом здоровенном доисторическом кадиллаке с откидным верхом. Решетка его радиатора напоминала ухмылку, а на капоте можно было загорать. Норт до смешного гордился этим драндулетом, что, учитывая историю последнего, вообще-то странно. За езду по Нью-Йорку на этой машине, построенной на какой-то алабамской потогонке еще до его рождения, Нортону без всяких церемоний арестовали бы, если бы он не установавил на ней, заплатив почти две аукционные цены, оригинальный магнитный двигатель, снятый с японского моторного катера устаревшей модели. Потом он вбухал месячную зарплату на то, чтобы полимеризовать машину от носа до хвоста, увековечив каталог царапин и вмятин, полученных ею за предыдущую жизнь в Иисусленде. Севджи не могла заставить Нортону увидеть, что у него получилась практически метафора идиотизма прошлых времен – тех, в которые и появилась эта таратайка.

Сегодня, благодаря неожиданному озарению – спасибо сину, – она вдруг поняла, что Итан хотел бы подобную машину, и что именно это отступление от в остальном безупречной мужской манхэттенской светскости Нортону раз за разом будит в ней молчаливую желчную ярость.

Сегодня он был на другой машине.

Когда она вышла на улицу, натягивая по пути строгую летнюю куртку, попавшуюся под руку, Том выбирался с заднего сиденья снабженной автопилотом темно-синей «капли», очевидно принадлежащей автопарку КОЛИН. Стоя возле машины, Нортон выглядел таким же лощеным и самодостаточным, как и его машина, – ходячая ода холеному профессионализму. Нити седины в его коротко остриженных волосах блестели на солнце; загорелое европейское лицо будущего-кандидата-в-президенты (он клялся, что черты эти – его собственные) собиралось морщинками у светло-голубых глаз.

Он улыбнулся ей своей фирменной широкой кривоватой улыбкой.

– Доброе утро, Сев. Проснись и пой.

– Ага, как же.

– Во сколько все наконец-то закончилось? – Он ушел задолго до полуночи, и, насколько могла припомнить Севджи, химически не затронутым.

– Не напоминай. Поздно.

Она отстранила его и плюхнулась в машину, подвинувшись, чтобы он мог сесть рядом. Дверца опустилась, «капля» плавно двинулась вперед, свернула на Сто Восемнадцатую западную и поехала дальше. Движение стало оживленней. Они проехали четыре квартала, когда Севджи заметила направление, и это стало второй зацепкой на гладком полотне ожидаемого течения дня. Она покосилась на Нортону:

– В чем дело, что-то в офисе забыл?

– Мы не в офис, Сев.

– Да, я тоже думала, что мы вчера на этом сошлись. Тогда почему мы едем на восток?

Нортон снова улыбнулся.

– Мы и не в Каку тоже. Планы изменились. Никакого тебе сегодня свободного падения.

Облегчение прокатилось по ней, как солнце, согревая кожу, и сопровождалось проснувшимся любопытством. Ее вовсе не бодрила перспектива подниматься в лифте на наностыковочную башню Каку (внутренности при этом, наоборот, будто падают куда-то вниз) или ползать в невесомости, когда они вернутся на место. Существуют препараты, призванные облегчить оба этих ощущения, но Севджи не была уверена, что они совместимы с сином, который уже бежал по ее венам. А от мысли о том, чтобы начать расследование в подобном состоянии – с изнасилованным мозгом, кишками, возмущенными нулевой гравитацией, и Землей, вращающейся где-то далеко внизу, – ее ладони уже сейчас слегка влажнели от пота.

– Ладно. Не хочешь тогда сказать мне, куда мы?

– Конечно. Нам нужен суборбитальный терминал аэропорта Кеннеди. А там постараемся успеть на одиннадцатичасовой шаттл в Сан-Франциско.

Севджи выпрямилась на сиденье.

– Что там случилось, «Гордость Хоркана» промахнулась мимо причального слота?

– Можно и так сказать. – Его тон был сухим. – Промахнулась мимо Каку, промахнулась мимо Сагана, приводнилась в ста километрах от побережья Калифорнии.

– Приводнилась? Вроде эти штуки не должны садиться на планету.

– А то я не знал! Насколько мне известно, неповрежденным остался только отсек с криокапсулами. Обломки разлетелись от Юты до побережья или сгорели в атмосфере. Власти Штатов Кольца отбуксировали то, что осталось, обратно в Область Залива²⁷, где мы с тобой докопаемся до истины и потрясем всех четким анализом того, что именно, *мать его, пошло не так*. Это, между прочим, Николсон сказал – не я.

– Да, понимаю.

Нортон прибежал к нецензурным словам так же, как скряга расходует ваферы, – когда это совсем-совсем неизбежно или когда они за чужой счет. Впрочем, казалось, этот его заскок обусловлен скорее лингвистическими, чем моральными причинами, потому что, цитируя других, он не выказывал смущения или отвращения, равно как и слушая матюги Севджи, которая сквернословила постоянно.

– Что ж ты мне раньше со всем этим дерьмом не позвонил?

– Уж поверь мне, я пытался, только ты не отвечала.

– О-о.

– Вот именно, так что перед Николсоном, если тебе интересно, я тебя прикрыл. Сказал, что ты где-то в городе, разбираешься в происшествии на Спринг-стрит и встретишься со мной в терминале.

Севджи кивнула:

– Спасибо, Том. Буду должна.

Она была ему должна уже не в первый раз, за последние-то два года, но ни один из них никогда бы в этом не признался. Этот долг лежал между ними невысказанным, как соучастие, как родство. К тому же оба были согласны, что Николсон, в любом случае, мудака.

– Думаешь, там остался кто-то живой? – поинтересовался Нортон.

Севджи смотрела в окно на машины, выстраивая в голове цепочку известных ей фактов.

– «Гордость Хоркана» – корабль пятой серии. Его строили учитывая возможность аварийной посадки на Марсе, а там нет никаких океанов, где можно было бы потерпеть крушение.

– Да, но гравитация там намного меньше, поэтому о ней не надо особо беспокоиться.

Бок о бок с ними шла полицейская «капля», непрозрачная, если не считать водительского стекла. Девушка-коп вела ее вручную, лениво опираясь загорелой рукой на окошко. Она с кем-то разговаривала, но Севджи не понимала, – ее собеседник в машине или на аудиосвязи. Лицо девушки под козырьком летней вебларовой фуражки выглядело компетентным и заинтересованным. Память болезненно ворохнулась, и Севджи поняла, что думает о Хюлье. Иногда ей правда хотелось позвонить бывшей коллеге, узнать, сдала ли та на сержанта и таскает ли по-прежнему свой тугой, притягивающий мужчин зад на Босфорский мост каждую субботу по вечерам. А иногда засесть вместе где-нибудь и устроить хороший вечер воспоминаний, может, открыть по бутылочке-другой «Эфеса».

От мыслей о пиве и о запахе, который стоял сегодня в кухне, живот Севджи скрутило, и она поспешно отложила ностальгию на потом. Полицейская машина свернула и исчезла в потоке транспорта. Севджи решила проявить компетентность в своей сфере.

²⁷ Восточная часть залива Сан-Франциско вместе с расположенными на ее побережье населенными пунктами.

– Криокэпирующая жидкость должна нейтрализовывать удары, – медленно проговорила она. – Раз эта секция не повреждена, значит, вхождение в плотные слои атмосферы каким-то образом контролировалось, так?

– Вроде того.

– У нас есть еще какая-то информация о том, что было перед катастрофой?

Нортон покачал головой:

– Обычный запрос в Каку, обычные интервалы в трансляции. Ничего нового.

– Круто. Хренов корабль-призрак до самого конца.

Нортон поднял руки со скрюченными растопыренными пальцами, издавая при этом некие «призрачные звуки». Севджи постаралась сдержать улыбку.

– Ни хера это не смешно, Том. Понятия не имею, почему воздушная полиция ШТК не превратила эту фиговину в пар, как только она пересекла границу. Это был бы не первый случай, когда тупицы, которые сидят на повременке, распыляют на конфетти летательный аппарат, который должным образом не ответил на их запрос.

– Может, они жизнь потерять испугались, – сказал Нортон со странным выражением лица.

– Ага.

– Теперь вот что. Надеюсь, что вы, милая дама, оставите свои замашки тут. Вероятно, местные и без них не будут к нам особо дружелюбны. Это наша консервная банка свалилась с неба им на головы.

Она пожала плечами:

– Они платят налог на КОЛИН, как и все остальные. Так что это и их консервная банка тоже.

– Да, но предполагается, что именно мы отвечаем за то, чтобы подобного не происходило. Именно *для этого* они и платят налоги.

– Ты уже разговаривал с кем-то из них?

Нортон покачал головой:

– Нет. Как раз перед выездом попытался поймать кого-то, кто занимается этим делом, но поймал только автоответчик. Стандартный телефонный интерфейс. Он сказал, в аэропорту нас подхватят ребята из службы безопасности ШТК. Они будут в штатском, а звать их Ровайо и Койл.

– Видел их документы?

Нортон похлопал по нагрудному карману куртки:

– На хард скачал. Хочешь посмотреть?

– Почему бы и нет.

Копы Штатов Кольца оказались сбалансированной с точки зрения пола и расы парочкой. С фотографии под табличкой «ДЕТ. а. ровайо» смотрела молодая темнокожая афролатино-американка со стиснутыми челюстями и сжатыми губами, очевидно – и без особого успеха – стараясь спрятать свою полногубую, кареглазую красу. Ниже с того же листка серьезно глядел «ДЕТ. р. койл», европеоид средних лет с резкими чертами лица. У него были коротко, почти по-военному стриженные волосы с проседью. На фотографии были запечатлены лишь голова и плечи, но она все равно передавала ощущение величины и нетерпеливой силы.

Севджи пожала плечами.

– Ну, увидим, – сказала она.

И они увидели.

Койл и Ровайо встретили их с суборба в аэропорту Сан-Франциско формальными приветствиями и сканером радужки. Стандартная процедура, сказали они. Нортон стрельнул предупредительным взглядом в Севджи, которая явно закипала. В Нью-Йорке с приехавшими копами обошлись бы совершенно иначе. А тут сложно было сказать, гнобят их или нет; Койл,

именно такой, каким казался на голоснимке, большой и неразговорчивый, продемонстрировал им удостоверение и коротко поздоровался, а дальше в дело вступила Ровайо. Она подалась вперед и раздвинула их веки теплыми, слегка огрубевшими пальцами, приложила сканер и отступила. Все это было проделано с безучастной сноровкой и в потоке прибывающих пассажиров обрело оттенок задушевности, вроде европейского поцелуя в щечку. Во всяком случае, похоже было, что Нортон наслаждался происходящим. Ровайо, игнорируя его улыбку, глянула на зеленый огонек, который выдал сканер, и убрала аппарат обратно в сумку на плече. Койл кивнул на лифты в конце зала прибытия.

– Сюда, – коротко сказал он. – У нас вертолет с автопилотом.

Они поднялись в молчании, свернули в крытый проход верхней части аэропорта, состоящий из стеклянных пузырей и белых балок, потом другой лифт привез их на бетонную площадку, где подрагивал винтами глянцевиый красно-белый автокоптер. На востоке залив мерцал темным серебром в предвечернем солнце. Поднявшийся ветер разогнал дневную жару.

– Так вы, ребята, занимаетесь этим делом? – попытался завязать разговор Нортон, когда они поднялись на борт.

Койл невозмутимо посмотрел на него.

– Этим делом занимается весь наш штат, сука. – Он, крикнув, с усилием закрыл дверь. – Код идентификации 2347. Полет по заданному маршруту. Поехали.

– Спасибо. Займите свои места, пожалуйста.

Автопилот говорил голосом Айши Бадави – низким, медоточивым, узнаваемым даже с нескольких слогов. Севджи смутно припомнила статью в бессмысленном журнале, которую прочла в приемной юриста, о контракте на обслуживание программного обеспечения, который Бадави подписала с «Локхид»²⁸. Широкая рекламная улыбка, рукопожатия, возмущенные протесты фанов. Зевок, щелчок. *Не желаете ли пройти, госпожа Эртекин?* Винты взялись за дело всерьез, приглушенный шум двигателя перерос в глухое крещендо по другую сторону окна, и они оторвались от взлетной площадки. Все расселись по местам. Автокоптер поднялся, накренился и понес их над заливом.

Севджи тоже сделала попытку:

– Исследование обшивки дало какие-то результаты?

– Бригада сканирования работает сейчас с корпусом. – Места в кабине были расположены друг напротив друга, и Койл сидел к ней лицом, но, отвечая, смотрел в окно. – К вечеру у нас будет полная, пригодная для работы модель.

– Быстро они управались, – сказал Нортон, хотя это было неправдой.

Ровайо посмотрела на него:

– Они внутри работали, это вроде как в приоритете.

Миг все молчали.

Севджи переглянулась с Нортоном.

– Внутри? – с опасной вежливостью спросила она. – Вы уже вскрыли люки?

Копы ШТК обменялись понимающими усмешками. Севджи, сытая по горло тем, что целый день она информирована хуже других, почувствовала, что ее норы вот-вот даст о себе знать.

– «Гордость Хоркана» – собственность КОЛИН, – сухо сказала она. – Если вы нарушили целостность...

– Спрячьте наручники, агент Эртекин, – сказал Койл. – К тому времени, как береговая охрана добралась до вашей собственности, кто-то уже взорвал люки изнутри. Карантинная печать была давно снята.

²⁸ Lockheed Martin Corporation – американская компания, занимающаяся, в числе прочего, автоматизацией авиакосмической техники.

Это невозможно, чуть было не сказала Севджи. Вместо этого она спросила:

– Криокапсулы взломаны?

Койл изучающе смотрел на нее.

– На самом деле, лучше будет, если вы подождете и увидите все своими глазами.

Автокоптер накренился, и Севджи наклонилась вперед, чтобы посмотреть в окно. Под ними, на островной базе, вздымалась станция Аляктрас, принадлежащая отделу ШТК-Безопасность, с ее светло-серыми площадками и волнорезами в заливе. На юге, у берега, – ясный, как схема, комплекс плавучих сухих доков: чистые линии и промежутки между ними, с высоты все крохотное, люди – точки, машины как игрушечные. Громада уцелевшего отсека «Гордости Хоркана» ясно виднелась в центральном доке. Даже с оторванными наружными системами, даже обожженная и покореженная во время полета сквозь атмосферу, она бросалась в глаза, как знакомое лицо на групповом фото. Севджи время от времени доводилось видеть корабли такого же типа на орбитальных площадках над нанопричалом Каку, и в ее ноутбуке имелись архивные съемки «Гордости Хоркана», сделанные как раз перед тем, как корабль перестал говорить с диспетчерской службой КОЛИН. В частые минуты ожидания в приемных юристов, во время бессонных и трезвых ночей она снова и снова вглядывалась в детали хроники, пока глаза не начинали болеть. «Детали – это еда, сон и дыхание грамотного детектива, – сказал ей как-то Ларри Касейбиан, – только так ты поймаешь плохих парней». Привычка укоренилась. Она знала внутреннее устройство корабля так хорошо, что могла бы с завязанными глазами прогуляться по нему из конца в конец. Она выучила наизусть характеристики аппаратуры и программного обеспечения. Фамилии криокэпированных пассажиров были ей так же привычны, как названия фирм, продукцию которых она обычно покупала, а детали биографии каждого из них невольно возникали в голове при виде их лиц.

На самом деле, лучше будет, если вы подождете и увидите все своими глазами.

А теперь все они, предположительно, мертвы.

Автокоптер с механической точностью приземлился на взлетную площадку в углу комплекса доков. Двигатели замерли, дверь со щелчком открылась, и Койл первым выпрыгнул наружу. Севджи последовала за ним.

Ее нагнал принесенный ветром медовый голос Бадави:

– Внимательно смотрите под ноги. Пожалуйста, закройте за собой дверь.

Койл спустился по ступенькам с посадочной площадки. Внизу уже поджидали официальные лица. Три представителя службы безопасности Штатов Тихоокеанского Кольца в форме сопровождали старшего по званию офицера в штатском, лицо которого Севджи помнила из парочки виртуальных инструктажей по подделке генокода, на которых она побывала в прошлом году. Благодаря гладким чертам азиатского лица этот человек выглядел моложе, чем, по ее предположению, был на самом деле; густые седые волосы и некоторый беспорядок в одежде противоречили испытующему, внимательному взгляду. Из-за этого взгляда и по тому, как он держит себя, она заподозрила, что он, возможно, прибежал к услугам пластического хирурга – обычное в ШТК дело для служащих любого ранга, – но это было всего лишь догадкой. Потом, во время неформального общения, он говорил тихо и сдержанно, по большей части о своей семье, и его глаза практически не останавливались на бюсте Севджи, за что та была ему тихо благодарна. Теперь она пыталась вспомнить его имя, и син ей в этом помог.

– лейтенант Цай! Как поживаете?

– Капитан, – сухо поправил он. – В январе повысили. Со мной все в порядке настолько, насколько это возможно, учитывая обстоятельства, благодарю вас. Полагаю, вы хотите сразу же осмотреть ваш корабль. То, что от него осталось.

Севджи хмуρο кивнула:

– Это было бы целесообразно.

– Мне сказали, – Цай сделал жест людям в форме, и они отступили назад, – что часам к семи у нас будет работающая виртуальная модель. Сейчас наши команды заканчивают с корпусом, но Ровайо, вероятно, уже сказала вам о люках.

– Что их взорвали изнутри, да.

– Капитан, – вступил в разговор Нортон, – нам важно узнать, в каком состоянии пассажиры «Гордости Хоркана». В частности, повреждены ли криосистемы.

Цай, который уже собирался повернуться, чтобы следовать за своими подчиненными, остановился, и его взгляд, казалось, внезапно устремился куда-то вдаль, через док, через залив, настраиваясь на что-то, а память вернулась к событиям, которых сам капитан предпочел бы не касаться. До Севджи вдруг дошло, что за показной горделивой холодностью Койла и Ровайо стояла та же нервозность, а вовсе не зависть к полномочиям столичных гостей, как она раньше думала.

«Они напуганы, – внезапно поняла она. – И мы – их единственная надежда».

У Севджи было однажды подобное прозрение, когда она еще только начинала в нью-йоркской полиции и работала по делу о наркотиках и домашнем насилии. Разговаривая с матерью преступника, чье опухшее лицо было покрыто синяками, она вдруг с той же тошнотворной неожиданностью поняла, что эта женщина смотрит на нее как на некое решение своей проблемы, ожидает, будто патрульная Эртекин двадцати трех лет от роду *сделает* что-то со всем этим дерьмом в ее семье и ее жизни.

Так приятно быть нужной.

– Повреждены, – медленно проговорил Цай. – Да, я думаю, можно и так сказать.

Крышки внешних люков отсутствовали как таковые, их сорвало вместе с крепежом – теперь они, должно быть, где-то на дне Тихого океана. Почерневший огрызок «Гордости Хоркана» стоял на подпорках в сухом доке настолько ровно и устойчиво, насколько вообще позволяла его конструкция. Им все равно пришлось спуститься в четвертый входной люк, напоминающий колодец, прорубленный в корпусе пассажирской секции. Трап, приспособленный для эксплуатации в невесомости, привел их на дно шлюзовой камеры, а оттуда они с трудом спустились в нижний люк, оказавшись в наклонном главном заднем коридоре. От лазерных панелей по бокам прохода исходил мягкий голубой свет, но подчиненные Цая установили повсюду, начиная от шлюзовой камеры, яркие аварийные лампы. Белое сияние отбрасывало блики на грязные кремовые стены и зубцы.

Севджи зацепилась взглядом за *это*, стоя на нижней ступеньке трапа, и даже притормозила. Ухмылка, разорвавшаяся до самых десен, на изуродованной человеческой голове. Та едва держится на безруком и безногом человеческом торсе, распластанном на полу.

– Понимаете, что я имел в виду? – Цай спустился вниз вместе с ней.

Севджи стояла, пытаясь справиться с собственным желудком. Тут и без похмелья вполне можно блевануть. Ее последний год в полиции Нью-Йорка был милосердно скуп на кровавые ужасы; перевод из убойного отдела в отдел взаимодействия с КОЛИН не прибавил ей друзей, но уж точно снизил количество искалеченных человеческих останков, которые ей по долгу службы приходилось осматривать. Теперь у нее возникло смутное ощущение, что без сина она вывалила бы скудное содержимое своего желудка прямо на место преступления.

*Ты хочешь сказать, на **твое** место преступления.*

Оно твое, Сев.

Она слегка наклонилась, впившись взглядом в мертвеца. Вступая во владение.

– Альберто Толедо, – тихо сказал Цай. – Инженер Купола Стэнли, специалист по атмосферной нанотехнологии. Тридцать шесть лет. Возвращался домой с вахты.

– Да, я знаю.

Детали биографии будто поднимались с призрачным шепотом от изуродованного, ухмыляющегося лица и роились в воздухе. Должностные обязанности, резюме, происхождение. У

него где-то была дочь. Обе его щеки срезаны до самых скул, за которые все еще цеплялось несколько волокон кожи. Нижняя челюсть выбита. Глаза...

Она сглотнула – ее все же подташнивало. Подошел Нортон, положил руку ей на плечо:

– С тобой все нормально, Сев?

– Да, все в порядке. – Она сосредоточилась на фактах. В своем долгом пути обратно на Землю «Гордость Хоркана» не выходила на связь почти семь с половиной месяцев.

– Капитан, это... выглядит свежим.

Цай пожал плечами.

– Мне сказали, в бортовых атмосферных системах присутствует что-то антибактериальное. Но да, мы полагаем, что Альберто, вероятно, был одним из последних.

– Из *последних*?

Когда Нортон произнес это, Севджи посмотрела на него и с удовлетворением подметила, что тот выглядит ничуть не лучше, чем она себя чувствует. Она рассеянно отметила в замкнутом пространстве корабля кислый запах чьей-то рвоты. Осознав, что до нее другие люди видели то же самое и отреагировали так же, как хотелось бы ей, она удивительным образом успокоилась. Так легче держаться.

– А что случилось с конечностями? – Ей удалось спросить это почти небрежно.

– Ампутированы. – Цай махнул рукой вдоль коридора. – Записи с автохирурга еще не загрузили, поэтому мы точно не знаем, как это было сделано, но объяснение просто напрашивается.

– Как он тут оказался?

Капитан кивнул:

– Да, тут несколько сложнее. Может, тела разбросала ударная сила. Мы обнаружили, что большинство криокапсул открыто, а биоген разбрызган по стенам и полу. Похоже, у того, кто это сделал, не все вышло аккуратно, во всяком случае под конец.

– Когда корабль начал падать, коридоры должны были заблокироваться, – отрывисто проговорил Нортон. – В чрезвычайных обстоятельствах такие суда делятся на изолированные отсеки. Не может быть, чтобы что-то мотало по этой машине из конца в конец. Это исключено.

– Ну, это только теории. – Цай снова провел рукой туда-сюда вдоль незаблокированного коридора. – Вы сами увидите. Там мало что заблокировано, на самом деле. Хотите взглянуть на отсек с криокапсулами?

Севджи пристально смотрела в конец коридора, тоже залитый светом аварийных ламп на штативах. Она видела, как там движутся человеческие фигуры, слышала несколько голосов. И короткую дробь смеха. Этот звук вернул ее в прошлое, она почти физически ощутила, как ее уносит в те дни, когда она служила в убойном отделе и выезжала на преступления. Черный юмор и закаленный дух товарищества, сосредоточенный ритм напряженной работы, непонятный тем, кто не бывал в подобных условиях, и отстраненность, которая приходит с привычкой. Так странно, девочка, что ты ностальгируешь по этому дерьму, подумалось ей. Ее немного встревожило понимание того, до какой степени ей захотелось, несмотря на бунтующий желудок, вернуться в этот мир, к этой мрачной рутине.

– Другие тела, – сказала она, а голову дурманил син, – они изуродованы так же, как это, верно?

Лицо Цая было маской.

– Или еще хуже.

– Конечности нашли?

– Не совсем.

Севджи кивнула:

– Одни кости, да?

Ох, Итан, тебе бы все это увидеть. Все произошло именно так, как ты вечно мне втирал.

– Совершенно верно. – Цай посмотрел на нее, как учитель на умного ребенка.

– Это у вас, должно быть, шуточки такие херовые, – сказал Нортон очень тихо.

Севджи повернулась, чтобы хорошенько его разглядеть. Последние слова были вызваны рефлексивным отрицанием, потрясением, а вовсе не несогласием.

– Это правда.

– Кто-то шинковал этих людей на автохирурге... Она кивнула, не вполне уверенная в том – действовали син и шок внезапного озарения, – что именно чувствует, что *должна* чувствовать.

– Да. И ел их.

Глава 5

Это походило на пейзаж Дали.

Виртуальный осмотр места происшествия – стандартная криминалистическая процедура, которую Севджи помнила еще со времен в нью-йоркской полиции; везде, куда ни глянь, простирается первозданная аризонская пустыня, синее небо безоблачно, на нем виднеется лишь призрачный месяц с логотипом разработчика. Данные расследования рассортированы по нескольким глинобитным сооружениям высотой в три этажа, которые стоят сверхъестественно аккуратным полукругом. Эти строения не имеют фасадов и заканчиваются разрезом, словно архитектурная модель; они оборудованы лестницами, чтобы можно было подняться на любой этаж. В воздухе возле каждого здания парит аккуратно подписанный ярлычок: «Информация о нарушении»; «Патанатомия»; «Данные наблюдения»; «Досье приводов». Здания по большей части были еще пустыми, данным пока только предстояло появиться, но на стеллажах павильона патологической анатомии лежали обезображенные тела из «Гордости Хоркана», похожие на пострадавшие от вандалов музейные статуи. Не все органические образцы были уже собраны, но трехмерные сканы с трупов введены в систему с самого начала. Теперь они расположились на помосте, как на выставке, а цвет и детализация были такими, что при взгляде на них плоть смотрящего содрогалась. Севджи, уже видевшая их вблизи, сосредоточилась на необъяснимо зачаровавшем ее аккуратном срезе плечевой кости с остатками мяса в нескольких сантиметрах от плеча, а потом пожалела об этом. Действие сина улетучивалось, его место постепенно занимали тошнотворные признаки похмелья.

Интерфейс н-джинна лаборатории патологической анатомии, безупречно красивая евразийка в строгой голубой хирургической форме, со спокойствием автомата комментировала этот ночной кошмар:

– Преступник выбрал конечности, потому что с ними проще всего использовать систему автохирурга в целях мясника, а не врача. – Элегантный жест. – Ампутация входит число в предустановленных функций автохирурга, жизнь пациента при этом не подвергается опасности. После каждой хирургической процедуры несложно было переместить объект, по-прежнему живой, в криогенную капсулу, обеспечив себе постоянный и легкодоступный запас свежего мяса.

– А автомед вот так запросто допустил всю эту хренотень? – Койл сердито осмотрелся, его мужское негодование не находило подходящей цели. – Это, твою мать, что такое?

– Это, – устало сказала Севджи, – вмешательство в отборочные системы. Кто-то проник в главный уровень протокола и выключил корабельного джинна. Хорошему инфоястребу это несложно. На всех кораблях так или иначе возможно передать управление человеку и действует протокол самоуничтожения н-джинна в случае обнаружения потенциальной опасности. Нужно только обманом заставить джинна поверить, что он заражен, и он самоустранился. Существует целый ряд вторичных блокираторов, которые не допускают проникновения в отдельные системы и нанесение вреда, но, как мы только что услышали, преступнику не пришлось об этом беспокоиться. Он не предлагал медицинским системам делать то, на что они не запрограммированы.

– «Он»? – Это Ровайо. Севджи уже определила ее как лояльную к мужчинам женщину, и вот подтверждение – получила подозрение в феминализме. – Почему сразу «он»?

Севджи пожалла плечами.

«По статистике, мать твою», – не сказала она.

– Извините, просто фигура речи.

– Ага, до тех пор, пока мы не получим результаты анализа мазков и не выясним, что это сделал мужчина, – протянул Нортон.

Игнорируя возмущенный взгляд Ровайо, он шагнул ближе к белостенному открытому павильону лаборатории патанатомии и его экспонатам. Джинн лаборатории отступила и стояла теперь в почтительном молчании, ожидая, когда обратятся непосредственно к ней. Видимо, высшие функции межличностного общения не активированы. Нортон кивнул на широкий оскал одного из женских трупов, и тот прыгнул на них. Визуальное расстояние до модели было невыраженным: те ее фрагменты, на которые обращал внимание наблюдатель, тут же изгибались и раздувались, словно на них наводили увеличительное стекло.

– Чего я не понимаю, так это почему там такой бардак. Ясно, зачем их всех поубивали, – никому не нужны свидетели, хоть с руками-ногами, хоть без, – но почему кровь на стенах? Почему лица так изуродованы?

– Потому что он на всю голову звезданутый, – прорычал Койл. – Он, похоже, еще и жрал все это, так?

– Трудно сказать, – снова вскинулась евразийка, представитель лаборатории, выделяя и притягивая к себе пузырь с информацией от другого строения. – Вещдоки, собранные в кухонном отсеке, позволяют предположить, что мясо с черепа, возможно, подвергалось кулинарной обработке и поглощалось. Это не касается глаз, которые выдавливались и впоследствии выбрасывались.

Севджи едва взглянула на данные под виртуальным увеличительным стеклом. Эта информация в любом случае слишком абстрактна, чтобы легко воспринимать ее, – схематичные молекулярные следы и заключение о СВЧ-излучении, небрежно накарябанное тут же. Позднее она пойдет в инфопавильон из своей квартиры и еще раз все разглядит. А сейчас она по-прежнему смотрела в изуродованное лицо Хелены Ларсен. Специалиста в области демодинамики, психиатра-эксперта. Женщины, прошедшей развод и вскоре завербовавшейся на Марс. В КОЛИН таких было много. Вы бросаете все, что вам знакомо, а почему бы нет? Столпы, поддерживавшие вашу жизнь, рушатся, возможно, вы нуждаетесь в деньгах. Три года – минимум для квалифицированного специалиста – контракта неожиданно кажутся разумным сроком. Заработки на Марсе хорошие, а работа будет относительно недолгой, и вы сможете потом благополучно спустить свои денежки.

Вы вернетесь домой богачкой, Хелена Ларсен. Вы вернетесь домой с рассказами о горизонтах иной планеты, вы поведаете о них детям, которые у вас когда-нибудь появятся. У вас будет полезная для дальнейшей карьеры репутация спеца, побывавшего в дальней командировке, и резюме, которое это подтвердит. Вы должны двигаться дальше. Это же лучше, чем сидеть на руинах прежней жизни, верно? Лучше, чем цепляться за отдельные ее фрагменты, которые...

– Следователь Эртекин?

Севджи моргнула. Она прослушала, что именно говорил Койл.

– Извините, я задумалась, – честно сказала она. – Что вы...

– Я спрашивал, – с ударением ответил коп, – считаете ли вы вероятным, что кто-нибудь мог выжить?

Воздух виртуального пространства, и без того неподвижно-стерильный и прохладный по сравнению с ярким ландшафтом, словно бы стал холоднее еще на несколько градусов. Нортон посмотрел на Севджи, и она скорее интуитивно почувствовала, чем увидела, как он еле заметно кивнул.

– Кто-то взорвал люки, – отметила Ровайо.

– Это могли сделать автоматизированные системы. – Койл с надеждой поглядел на представителей КОЛИН. – Так?

– Такое возможно, – сказала Севджи. – Пока мы не оценим повреждения систем и н-джинна, трудно сказать, как должен был вести себя корабль, оставшийся без контроля.

Но в голове зашумело, на задворках сознания разнесся равномерный рокот, как гул двигателей под палубой, как речитатив Итана, который читал ей вслух пассажи из Пинчона, пока она лежала в постели с гриппом, а его голос то накатывал, то отступал вместе с волнами лихорадки. Она решительно заперла память на замок. Окунулась в искрящийся холодок сина, будто омыла лицо струями фонтана.

– Слушайте, мы узнаем, выжил ли кто-нибудь, когда...

– Придут результаты мазков, – закончила за нее Ровайо. – Ладно. А прямо сейчас как *вы* думаете? Поделитесь плодами своей проницательности, специалист КОЛИН. Мог кто-нибудь пройти через подобное крушение целым и невредимым?

– Вне криокапсулы подобное маловероятно, – сказал ей Нортон. Ага, девиз КОЛИН – осторожность в публичных заявлениях. – Но даже если это произошло, до ближайшего берега сотня километров. Далеко плыть.

– Может, его было кому подобрать. – Ровайо сделала жест в сторону пустых этажей с данными. – У нас пока нет ни потоковых записей со спутников, ни информации по предшествующим событиям. Мы не знаем, что происходило до прибытия поисково-спасательной группы.

Койл покачал головой:

– Вряд ли предположение верное, Алисия. Спасатели прибыли сразу, как получили координаты места крушения.

– Какие именно спасатели? – спросила Севджи, стараясь, чтобы ее голос звучал нейтрально. У полиции Нью-Йорка был давний комплекс превосходства, когда дело доходило до политики найма спасательных служб в Штатах Кольца; такое отношение родилось и подкреплялось из-за злополучного флирта Нью-Йорка с подобными системами в прошлом.

Ровайо взглянула на Койла:

– «Филигранная сталь», да? Хотя подожди, – она прищелкнула пальцами. – Разве они не проиграли недавно тендер «ЭксОп»-ам?

– Это в Сизтле. А тут по-прежнему «Филигрань». – Койл оглянулся на Севджи и Нортон. – Неплохая команда, «Филигрань» эта. Они сделали больше, чем входит в их обязанности. Прибыли за двадцать минут, сразу высадились и приступили к работе. Никто не мог оказаться на корабле раньше них. Так что либо этот парень умер вместе со всеми остальными, либо нырнул в воду, когда люки вскрылись, и просто уплыл в сторону восходящего солнца.

– Тогда он выбрал неправильное направление, – сухо заметил Нортон.

Койл покосился на него:

– Я просто использовал метафору.

– Это с ним иногда бывает, – невозмутимо заявила Ровайо.

– Не думаю, что он в воду полез, – сказала Севджи. – Чтобы совершить такую ошибку, надо быть самоубийцей или психом со справкой.

Койл уставился на нее:

– Разве вы не побывали там сегодня, госпожа Эртекин? Высокую кухню для дальних полетов видели? Неужели, по-вашему, этот гондон сраный может быть *не* психом?

Севджи скривилась:

– Этот *гондон сраный*, как вы изволили выразиться, провел последние несколько месяцев в полном одиночестве посреди открытого космоса. «В полном одиночестве» – это если не считать периодического общения с товарищами по путешествию, которых он приводил в чувство на время, достаточное для того, чтобы срезать с них годное в пищу мясо. Конечно, он, по меньшей мере, психически не уравновешен, но...

Ровайо фыркнула:

– До усрачки не уравновешен. Это насколько же нужно потерять долбаное равновесие, чтобы...

– Нет. – Сила, прозвучавшая в этом слогe, заставила женщину-копа замолчать. Из уст Севджи полились слова, те самые, которые, она помнила, когда-то произносил Итан; она воспроизводила их почти в точности. В ней росла холодная уверенность: – Чтобы совершить все это, необязательно быть сумасшедшим. Достаточно иметь цель и готовность ее достигнуть. Давайте проясним это с самого начала. На борту «Гордости Хоркана» мы видели не признаки сумасшествия, а свидетельство громадной силы воли. Свидетельства планирования и воплощения задуманного без оглядки на какие бы то ни было налагаемые социумом ограничения. Если у этого человека к концу перелета возникли какие-нибудь проблемы с психикой, то они – результат этих действий, а не их причина.

– Кстати о планировании, – сказал Койл. – Люди, вы что, хотите сказать, что корабли Колонии ничем не укомплектованы на случай чрезвычайных ситуаций? Знаете, чем-нибудь вроде *пищи*? А вдруг кто-то неожиданно проснется?

– Никто не просыпается неожиданно, – сказал Нортон.

– Блин, простите, конечно, – здоровенный коп демонстративно огляделся, – но я бы сказал, что в этом полете кто-то как раз взял и проснулся. Совершенно неожиданно, и очень, мать его дерь, голодным.

– Или он пробрался на борт тайком, – предположила Ровайо. – Такое возможно?

– Почти невозможно, – сказала Севджи. – В протоколах запуска прописано множество мер безопасности. Чтобы сесть на корабль зайцем, пришлось бы хакнуть их все в промежутке между активацией систем корабля и стартом.

Ровайо кивнула:

– А сколько это по времени?

– Около сорока пяти минут. Системам старых кораблей требуется больше времени на загрузку.

– Слушайте, насчет пищи. – Койл не дал себя отвлечь. – Все мы знаем, что «Колониальная Инициатива» не любит тратить наши налоговые денежки на все, что хоть отдаленно напоминает человека, но неужели вы настолько стеснены в средствах, что не можете раскошелиться на ящик аварийных пайков? А если что-то случится посреди полета?

Нортон вздохнул:

– Ладно. Слушайте. Все суда КОЛИН имеют на борту резервный паек. Но вы упускаете вот что. На каждом рейсе есть два квалифицированных сотрудника по космическим перелетам, которые криокэпированы отдельно от че... от пассажиров.

– Что за «че»? – любопытствовала Ровайо.

«Человеческий груз, – закончила про себя Севджи слова, которые чуть было не сорвались с языка Нортонa. – Да, у нас в КОЛИН есть ряд премилых терминов. Договорное принуждение. Незначительные потери. Скрытые факты. Снижение прибыли. Управление общественным мнением».

Она вступила в разговор в стиле нью-йоркского копа. Называется «да забей ты на их возвышенные чувства и церемонии и поддержки своего напарника». Резко:

– Мы пытаемся донести до вас, что существуют две системы. Пассажирские криокапсулы по умолчанию находятся в режиме заморозки. Нет необходимости будить пассажиров при чрезвычайных обстоятельствах. Они же штатские. Все, на что они способны, это бегать и кричать: «О нет, неужели мы все умрем?» Искусственная атмосфера на борту слишком дорого стоит для таких развлечений. Никто от этого не выиграет. Поэтому, если что-то выходит из строя, вся система блокируется. И ее не разблокировать, пока корабль не причалит.

Койл мотнул головой:

– Ага, а если выйдут из строя именно криокапсулы, и пассажиры оттают?

– Как? – Севджи бросила на него свой лучший взгляд из серии «только идиот до такого додумается». – Речь об открытом космосе. Вы знаете, какой там дьявольский холод? Нигде

на корабле нет такой температуры, которая могла бы привести систему криокэппирования к повышению температуры хоть на градус выше критической. Это может сделать только реактор, и на случай его поломки запрограммирован сброс.

– Ладно, хорошо, – слегка поддержала своего напарника Ровайо. Севджи поймала себя на том, что внезапно почувствовала к ней симпатию. Словно прошла мимо зеркала. – Так что насчет этой другой системы? Эти ваши космолетчики. Для них-то пробуждение предусмотрено, так?

– Для них пробуждение возможно, – снова вступил Нортон. – При определенных обстоятельствах. Если возникнет внештатная ситуация с навигацией. Курс собьется, или, может быть, автоматику закоротит. Тогда корабль приостанавливает работу этих двух капсул. Космолетчики устраняют проблему либо, если не могут, вызывают спасателей.

«Народ! Там на самом деле один космолетчик, один-единственный, – раздраженный голос в голове все никак не затыкался. – Потому что – хотя налогоплательщикам, конечно, этого знать не надо – тому уже лет десять, как мы на пятьдесят процентов сократили штат аварийной службы. Просто, знаете ли, капец как дорого вот так не по-умному использовать такую замечательную криокапсулу, а все эти неприятности, на самом деле, почти никогда не случаются, а если даже и случатся, то кому нужны два пилота, если вполне справится и один? Это же просто раздутый штат, верно?»

– Верно, – сказал Койл. – И эти ребята должны есть и пить, так?

– Да, конечно, – Нортон принялся жестикулировать. Севджи уступила ему инициативу. У нее разболелась голова, возможно, от долгого пребывания в виртуальности. – Баки с водой там есть в любом случае: для реактора, для экранирования радиации, для систем охлаждения. Одних только запасных баков хватило бы этим двум парням на пару лет, да и не им одним. И, конечно, еда там тоже есть. Но ее запасы рассчитываются исходя из предположения, что эти двое будут на ногах не слишком долго. Если проблема несложная, они устранят ее и снова лягут в криосон. А если сложная, то пошлют сигнал бедствия, а потом все равно лягут в криосон до тех пор, пока не прибудет корабль спасателей.

– А что, если система не допустит повторной заморозки? – Койл не собирался пересматривать свою позицию, состоящую, вероятно, из недоверия к технологиям. Может, кисло подумала Севджи, он вырос в Иисусленде, а потом иммигрировал в Штаты Кольца?

Нортон заколебался:

– Статистически вероятность этого так близка к нулю, что...

– Она не равна нулю, – лениво сказала Ровайо. – Потому что, если мне не изменяет память, такое случилось с каким-то бедным ушлепком лет семь-восемь назад. Именно так все и было. Он проснулся, не смог уйти обратно в криосон и вынужден был бодрствовать до упора.

– Да, я тоже это помню, – кивнул Нортон. – Криокапсула выбросила его и никак не перезагружалась, какой-то системный сбой. Мужу так и пришлось там сидеть, пока до него не добрались спасатели. Понимаете, если транспорт недалеко от пункта отправления, аварийные системы разворачивают его и отправляют навстречу кораблю-спасателю, что сокращает время возвращения. Если транспорт ближе к концу маршрута, для ускорения сжигается аварийный запас топлива. Как ни посмотри, много еды до момента спасения не потребуется.

«Ну, – в скобках заметила про себя Севджи, – это только в том случае, если вам повезло, и орбитальная конфигурация оказалась достаточно удачной. Но мы, ребята, не любим об этом распространяться. Это как раз то, что в нашей профессии называется „скрытые факты“. Такие вещи даже аккредитованным сотрудникам КОЛИН знать незачем. И чтобы их раскопать, приходится повозиться».

Но раз уж «Гордость Хоркана» безгласно и неумолимо рухнула в воды океана на родной планете, Севджи пришлось раскопать. «Детектив Эртекин обладает здоровым аналитическим подходом к делу, – говорилось в рапорте, посвященном первому году ее работы в убойном

отделе, – и демонстрирует энергию и энтузиазм, выявляя новые сопутствующие детали. Обладает талантом быстро приспосабливаться к меняющимся обстоятельствам». Она выполнила свое домашнее задание – вот что означали эти слова, и теперь, почти десятилетие спустя, в сердце КОЛИН, она снова это сделала. Выполнила домашнее задание и обнаружила, что расстояние между Землей и Марсом может варьироваться, изменяясь в разы. Оказалось, что у Марса эллиптическая орбита, и это в сочетании с разными орбитальными скоростями двух планет означает, что они могут отстоять друг от друга как на шестьдесят, так и на четыреста миллионов километров, в зависимости от того, когда измерять. Даже во время противостояний – когда Марс и Земля выстраиваются в одну линию, временно идя, так сказать, ноздря в ноздю, – расстояние между ними может разниться на миллион километров, а то и побольше. КОЛИН учитывает это при запуске транспортов, порядок рассчитан на несколько лет вперед, поэтому невозможно прекратить любые перелеты, сидеть и ждать, когда расстояние станет наименьшим. Этому ползнаменитому парню восемь или около того лет назад еще повезло, что внеплановая побудка произошла где-то в районе противостояния, когда длина перелета оказалась изрядно меньше ста миллионов километров.

А вот нынешнему парню повезло куда меньше. Полет «Гордости Хоркана» пришелся на большое расстояние между двумя планетами – на пути к дому корабль преодолел по холодному, пустому космосу больше трех миллионов километров.

И никаких остановок на ланч.

– Хорошо, – сказала Ровайо, – так сигнала SOS не было, потому что н-джинна выключили. Но помощь можно вызвать вручную, так?

Нортон кивнул:

– Да, это нетрудно сделать. Возле коммуникаторов висят пошаговые инструкции.

– Но наш парень предпочел их проигнорировать.

– Выходит, да. Он просидел тихо весь путь домой, причем, предположительно, почти от самого Марса. Для такого длительного периода времени пищи на борту не хватит даже на одного. А если хочешь сидеть тихо и ждать до самого конца полета, нужно найти еще какую-то еду.

– Так этот парень все-таки чокнулся на хер, – в интонациях Ровайо отчетливо слышалось *а-я-сразу-сказала*. Вот и возврат к ее первоначальному предположению. Ладно, она соглашается, что это мужчина, но не допускает, что он мог быть в здравом уме. – Чокнулся. Ему не надо было...

– Нет, надо, – сказала Севджи в пространство, отстранение. Пора уже для общего блага забросить эту мысль. – Ему надо было хранить молчание в эфире. Он не мог вызвать спасательный корабль и не мог вернуться в криокапсулу, даже если предположить, что технически это возможно, потому что в обоих случаях он не добился бы своей цели.

Короткое молчание. Севджи заметила, как Ровайо выстрелила в Койла коротким раздраженным взглядом. Большой коп развел руками:

– А его целью было?..

– Свободное возвращение на Землю.

– Как-то это чересчур, – сардонически сказала Ровайо, – вам не кажется?

– Нет, не кажется, – Севджи слышала себя, но слова оказались неожиданно тяжелыми, произносить их было трудно. Син изменил ей, отступил от речевых центров, и оставил с угасающим светом озарения, но без понимания, как четко изложить свою мысль. – Смотрите, космические перелеты – система замкнутая. Вы причаливаете в бессознательном состоянии, начинается карантин, медицинский осмотр после криокэпа, проверка документов. Обычно, чтобы вам разрешили покинуть нанопричал, приходится ждать неделю. Кем бы ни был этот парень, он не хотел через все это проходить. Он не мог прибыть на место криокэпированным, как все остальные, и, конечно, не мог допустить, чтобы им занимались спасатели. Это все про-

ходит через нанопричал. А ему нужно было покинуть корабль незамеченным, незарегистрированным. И он выбрал единственный возможный способ.

– Да, но *почему?* – хотел знать Койл. – Шесть или семь месяцев каннибализма, изоляции, возможно безумия. С риском неудачного приводнения в конце. Плюс быстрое отключение криокапсулы – это же тоже рискованно, так? В смысле не слишком ли? Это ж насколько нужно хотеть *свободно вернуться на Землю?*

Нортон криво ухмыльнулся, но ничего не сказал. Мол, такое не для широкой публики. Севджи отбросила дипломатию:

– Вы упускаете главное. Ни для кого не секрет, что на Марсе есть люди, которые жалеют, что подписали контракт, и хотели бы вернуться домой. Но они – пешки, дешевая рабочая сила. Этот человек – не пешка. Мы говорим о человеке, который с легкостью управляется с криогеном и медицинскими системами, который способен разобраться с бортовыми протоколами аварийной посадки...

– Да, я еще кое-чего не понимаю, – сказала, нахмурившись, Ровайо. – Весь рейс этот парень вытаскивает пассажиров из криокапсул и запикивает их обратно, чтобы питаться. Почему он просто не убил одного из них и не занял его место в морозилке?

– Сложновато будет объясняться по прилете, – сухо ответил Койл.

Его напарница пожала плечами:

– Допустим, берешь и настраиваешь капсулу так, чтобы проснуться за неделю до прибытия. Потом...

Нортон мотнул головой:

– Это невозможно. Криокапсулы имеют индивидуальные настройки для каждого пассажира, на наноуровне, и параметры программы очень жесткие. Любое другое тело они не примут. Чтобы это изменить, нужно быть специалистом по криогеновым биотехнологиям, но даже специалист, вероятно, не сможет ничего сделать посреди полета. Подобные вещи программируются, пока корабль еще не стартовал, для этого вся система разбирается до основания. Ну и на раннее пробуждение капсулу тоже не перестроить по схожим причинам. То, что было сделано в данном случае, и это самое главное, укладывается в возможности и границы наших автоматических систем. Они запрограммированы на временное выведение пассажира из криосна для медицинских процедур. Замена пассажира или досрочное пробуждение не предусмотрены.

– И наш пассажир оказался достаточно умен или достаточно опытен, чтобы это понять, – сказала Севджи. – Подумайте об этом. Он точно знал, в какие системы можно вторгнуться, и сделал это так, что сигнализация ни разу не сработала.

– Ага-ага, а еще он преуспел в альтернативной кулинарии, – проворчал Койл. – К чему вы ведете?

– К тому, что всякий обладающий навыками и хладнокровием, которые продемонстрировал этот человек, должен был отправиться на Марс в качестве квалифицированного спеца, что означает контракт на срок от трех до пяти лет, не требующий продления. Он мог подождать и вернуться домой в криокапсуле и с симпатичным банковским счетом. – Севджи оглядела присутствующих. – Почему он этого не сделал?

Ровайо пожала плечами:

– Может, просто не выдержал. Три года кажутся долгими, если смотреть от линии старта. Спросите любого новичка в Фолсоне или Квентине-2, а ведь им всего лишь на Земле срок мотать. Вдруг наш парень вышел из челнока в Брэдбери, поглядел разок на все эти красные скалы и понял, что сделал большую ошибку и не справится.

– Не вяжется – то, что он совершил, требует большой силы воли, – здраво заметил Нортон.

– Точно, не вяжется, – согласилась Севджи. – И в любом случае, убравшись с территории, которую обслуживает Марс, он мог бы вызвать спасательный корабль.

– Какая такая территория? – Ровайо вопросительно нахмурилась в сторону Нортон. – Что это?

Нортон кивнул:

– В общем, так. Если вы запускаете транспорт КОЛИН с Марса на Землю, с ним что-то случается и требуются спасатели, то отправлять помощь с Марса рентабельно только до определенной точки. После этой точки транспорт уходит уже так далеко, что разумнее послать спасателей с Земли. Тот, кто хочет вернуться домой, должен дожидаться хотя бы этого момента, иначе все будет зря. Спасатели с Марса доставят вас обратно, и вы снова там застрянете, да еще и КОЛИН назначит какие-нибудь санкции. Вам нужно дожидаться помощи с Земли. Тогда уж, что бы ни произошло, оно, по крайней мере, произойдет дома. Никто не станет исключительно вам назло тратить на то, чтобы отправить вас обратно.

– Просто из любопытства спрашиваю, – сказал Койл, – о каких санкциях вы говорите? Что сделает с тобой КОЛИН, если ты станешь своевольничать на Марсе?

Нортон снова перевел взгляд на Севджи. Та пожала плечами.

– Там то же самое, что и здесь, – проговорил Нортон с наработанной осторожностью. Всех их натаскали давать приемлемые ответы на подобные вопросы. – Есть система санкций, называемая контрактным принуждением, она такая же, как у любого другого работодателя, правила обычные. За нарушение контракта установлены штрафы, в некоторых серьезных случаях – лишение свободы. Краткосрочники должны потом без компенсации отработать время тюремного заключения. Так что, если хочется домой, лучше не выделываться и соблюдать правила.

– Угу, – заломила бровь Ровайо. – А если вы сбегаете на Землю? В смысле самовольно?

Нортон колебался. Севджи ответила за него:

– До сих пор такого никогда не случалось, – и рассеянно удивилась тому, что улыбается, произнося эти слова. Холодной, жесткой, короткой улыбкой.

Итан улыбнулся ей в ответ из глубин памяти.

– Ого! – сказал Койл.

– Что, *никогда*? – Это снова Ровайо. – За тридцать лет такого ни разу не случилось?

– За тридцать два года, – сказал Нортон. – А если считать первые команды, которые строили купола, еще до того, как нанореструктурирование планеты действительно заработало, то времени прошло вдвое больше. Как сказала Севджи, это закрытая система. Ее очень трудно победить.

Койл покачал головой:

– Я все еще не понимаю. Он же мог вызвать спасателей с Земли. Хорошо, может, отсидел бы сколько-то, но, бога в душу, он же все равно отсидел, только на корабле. Неужели срок в тюрьме для белых воротничков может быть хуже, чем все это?

– Так легко он бы не отделался, – мягко сказала Севджи.

– Погодите, – Койл ее не слушал. Он все еще искал, куда бы излить ярость. – Вот чего я так и не понял: почему ваше начальство не послало спасательный корабль, как только н-джинн вышел из строя?

– Потому что «Гордость» таких денег не стоит – вот, блин, почему, – пробормотала Ровайо.

– Потому что смысла не было, – ровно сказала Севджи. – «Гордость Хоркана» все равно шла домой. Насколько нам было известно, персонал не пострадал.

– С хрена ли? – Это снова Койл, неверяще.

Нортон закрыл собой амбразуру:

– Да, я понимаю, как это звучит. Но вы должны понять, что произошло. С нами всего лишь перестал говорить н-джинн. Такое случалось и раньше, нам просто не хотелось предавать

гласности подобные факты. Бывали случаи, когда джинн уходил в офлайн, а через несколько дней снова проявлялся. Иногда они просто умирают. Мы, на самом деле, не знаем, почему.

Он развел руки так, будто держал в них невидимый куб. Севджи смотрела в другую сторону, ее лицо превратилось в неподвижную маску.

– Дело в том, что это не самое важное. Корабль отлично долетит на автоматических модульных системах. Н-джинна можно сравнить с капитаном корабля. Если капитан одной из этих плавучих тихоокеанских фабрик умрет, вы же не станете посылать спасательное судно, чтобы отогнать ее в порт, правда? – Риторический вопрос сопровождался примирительной улыбкой. – Так жене «Гордостью Хоркана». Утрата н-джинна не влияет на протоколы безопасности корабля. В службах контроля трафика и на Марсе и на Земле у «Гордости Хоркана» горели стандартные зеленые огоньки. Бортовая атмосфера и искусственное тяготение в норме, повреждений корпуса нет, все системы криокэппирования на связи, траектория полета неизменна, системы пилотирования работают. Все базовые комплексы функционируют по-прежнему, только сам корабль с нами больше не разговаривает.

Ровайо тряхнула головой:

– А тот факт, что этот *hijo de puta*²⁹ доставал людей из криокапсул и кромсал, что, никак не был зарегистрирован?

– Нет, – подтвердил Нортон устало. – Нет, никак.

– Без джинна невозможно узнать, что там происходит, – монотонно прогудела Севджи, отчасти скучая, отчасти пытаясь похоронить мрачную уверенность в том, что Ровайо догадывается об истинных мотивах КОЛИН. Любой руководитель полета знает, что возвращать корабль с половины пути невообразимо дорого. – Базовая система на то и называется базовой. Она сообщает, если что-то неисправно. Тут видимых неисправностей не было, и коли уж, предположительно, все пассажиры находилась в криокапсулах, это означало – логически, – что никто из них не может пострадать. Способа узнать что-то еще у нас не было. И корабль шел верным курсом. В такой ситуации остается только ждать. Так уж устроена система космических перелетов.

Ровайо, не моргнув глазом, проигнорировала учительский тон последнего замечания.

– Да? А если корабль с вами не разговаривает, как он состыкуется с нанопричалом?

Нортон развел руками:

– Ответ тот же. Автоматически. Когда корабль на подлете, стыковочный комплекс перехватывает управление у систем пилотирования. У нас не было причин думать, что этого не произойдет.

– Сдается мне, – сказал Койл, – что тот, кто это сделал, знает ваши системы, как облупленные.

– Да, это так. – Он и нашу убогую сущность с этим вечным снижением стоимости тоже знает, подумала Севджи и отогнала эту мысль. Пора возвращаться в нужную колею: – Он знает наши системы, потому что изучил их и потому что весьма хитроумно просчитал, как в них проникнуть, а это означает, что у него высокий уровень разведывательной подготовки и есть опыт подпольной деятельности. И он поставил собственное выживание превыше всего остального, что подразумевает наивысший уровень устойчивости и интеллектуальной дисциплины. А еще этот же человек очень боялся, что его прибытие будет зафиксировано, и, чтобы такого не случилось, совершил *все это*.

И Севджи жестом обвела окружавшую их виртуальность. Тела и вещдоки, на которые она указывала, выпрыгивали вперед и увеличивались, потому что системы реагировали на движение ее руки. Шокирующие факты, маркированные кричащими цветами раны разнообразных

²⁹ Шлюхин сын (исп.).

типов, кадры съемки: жидкости для криокэппирования, разлитые по чистым полам, кровавые пятна по стенам и оскалы оголенных черепов.

Она глубоко вздохнула:

– А теперь кто-то, может быть, хочет сказать, чей портрет мы получаем?

Она не слишком обогнала их в своих выводах. Гнев в глазах Койла наконец погас, потушенный чем-то другим, и сменился пониманием. Ровайо совершенно притихла. Нортон – Севджи извернулась, чтобы встретиться с ним взглядом, – выглядел задумчивым. Но никто не сказал ни слова. Странно, но вызов приняла дама-интерфейс. Она расценила слова Севджи как вопрос.

– Характерные черты, которые вы описываете, – уверенно заявила изготовленная женщина, – соответствуют преступнику, который является одним из генетически измененных существ мужского пола, известных как модификация тринадцать.

Севджи кивнула ей, мол, спасибо:

– Да. Так оно и есть.

Они стояли, пока медленно осознавая происходящее.

– Здорово, – сказал наконец Койл, – мутант-преступник – это как раз то, чего нам не хватало.

Глава 6

Они выяснили, что контроллер цикла влажности на семнадцатой технологической линии вышел из строя где-то в пятницу ночью, а сигнальные системы опять не сработали. Суббота была туманной, поэтому сперва никто не заметил, что защитные экраны перешли в режим полной прозрачности. Но когда к середине дня калифорнийское солнце наконец прожгло себе путь сквозь туман и озарило стекло, находившиеся под ним культуры получили зашкаливающее количество ультрафиолета. Сирены на пристани взвыли. Скотт и Рен, запаниковав, бросились к месту происшествия на ревущем «Зодиак», но к тому времени, как они влезли в гидрокостюмы и плюхнулись в воду, почти весь урожай был потерян. Они немного походили вокруг на веслах, чтобы оценить ущерб, отключили систему и позвонили Ночере сообщить детали. Потом поплыли обратно к причалу в мрачном, хлюпающем молчании. Скотту незачем было произносить вслух то, что они оба и так знали. Семнадцатую низку прожарило до корней – а там находилось около четверти месячного урожая. Когда Улисс Вард вернется с проверки глубоководных шпалер и услышит о том, что произошло, он просто взбесится. А ведь это уже третий за лето случай.

– Вот что бывает, если покупать программное обеспечение в долбаном Техасе, – осклабился Ночера, забросив ноги на консоль, когда они со Скоттом дожидались некоего приглашенного-в-последний-момент консультанта по оборудованию, который должен был найти и устранить неисправность. – Вард никогда ничему не научится. Хочешь качество ШТК, плати цены ШТК.

– Дело не в программном обеспечении, – сказал Скотт, главным образом потому, что был уверен в своей правоте, но, кроме того, он устал от постоянных выкрутасов Ночеры, – а в герметизации.

– Хрена с два, в софте. Вард купил его за три копейки у кучки иисуслендской деревенщины, которая, наверно, думала, что он берет видоизмененный углерод для барбекю на балкончик. Технологии этих красавцев хорошо если лет на пять отстают от того, что выпускают сейчас в долине.

– Все с софтом нормально, – огрызнулся Скотт. – Такая же хрень у нас и в мае случилась, еще до этого блядского обновления. – Он не добавил: «И до того как тебя наняли». Потом он услышал, что сказал, и покраснел от стыда. До того как начать тут работать, он никогда так не сквернословил.

– Ага. Такая же хрень случилась, потому что софт – из говна. – Ночера был в ударе и не собирался затыкаться. Он обвел жестом рубку. – Вард все обновления купил там же, где и саму систему. В «Му-му-технологии», Канзас. Свежачок прямо из коровьей жопы.

– Минуту назад ты говорил про Техас.

– Техас, Канзас... – пренебрежительно отмахнулся Ночера. – В конце концов, какая, хер, разница? Это все...

– Оставь его в покое, Эмиль. Все мы где-то родились.

Кармен Рен стояла в дверях кабины с незажженным косяком в уголке рта, руки в карманах комбинезона. Она ушла, как только вылезла из гидрокостюма, не сказав ни словечка. Скотт уже знал, что за ней не нужно ходить, когда она в таком настроении. Ну или хотя бы до тех пор, пока она не курнет немного.

Ночера многозначительно вздохнул:

– Слушай, Карм, это не то, что ты подумала. Я же не из-за того достаю Осборна, что он через ограду сиганул. Многие осудили бы, но не я. Я считаю, человек должен зарабатывать себе на жизнь, даже если для этого ему приходится копать проход под заборчиком и лезть туда

башкой. Только не надо сидеть тут и рассказывать мне, что дешевое дерьмо, которое делают в Иисусленде, работает так же, как техника ШТК. Потому что, блин, это не так.

Рен устало улыбнулась Скотту.

– Не обращай на него внимания, – сказала она. – Когда Варда нет, Эмиль под кайфом прямо с утра. Одному дьяволу известно, сколько этого своего дерьма он уже втянул носом.

Ночера предостерегающе погрозил ей пальцем:

– У тебя своя химия, Карм. У меня – своя.

– Это? – Рем вынула изо рта косяк и подняла его над головой, выставив на всеобщее обозрение. – Это *дешевый* наркотик, Эмиль. Это не я буду выпрашивать деньги вперед за неделю до полочки.

– Эй, да пошла ты на...

Она снова сунула косяк в рот, зажгла его, сдавив кончик между загрубевшими большим и указательным пальцами, затянулась. Самокрутка разгорелась с отчетливым треском. Кармен выпустила клуб дыма и секунду смотрела сквозь него на Ночеру.

– Спасибо, – сказала она, – на этой неделе у меня есть предложения лучше.

– Что, вроде того, которое тебе сделал этот служка?

Скотт почувствовал, что снова вспыхнул. Кармен Рен была самой прекрасной женщиной, которую он когда-либо видел во плоти, а с тех пор, как они вместе работали на обслуживании линий, он этой самой ее плоти повидал изрядно. Она раздевалась в подсобке без всякого смущения, которое, Скотт знал, пастор Уильям назвал бы спесивым и не подобающим женщине. Скотт вежливо поворачивался спиной, стоило ей начать обнажаться, но все равно мимолетно подмечал, как она застегивает гидрокостюм или в жару раздевается в «Зодиак» до пояса. Ее кожа была как светлый мед, и округлости стройного тела просматривались даже под мешковатыми форменными комбинезонами «БиоПоставок Варда», которые она носила на причале. Но еще, вдобавок ко всему этому, у Кармен Рен были длинные прямые волосы, которые падали на плечи черным водопадом, когда она вытаскивала из них заколку в форме паука, и своеобразная манера беспечно склонять при этом голову набок. У нее были блестящие, темные, ироничные глаза со слегка приподнятыми уголками, и скулы, будто уступы в Гималаях, и когда она на чем-то сосредотачивалась, ее лицо застывало в фарфоровой неподвижности, от которой его сердце каждый раз разбивалось, издавая тот же звук, что и уголек ее косяка.

В последние несколько недель Скотт обнаружил, что часто думает о Рен, когда идет вечером домой, и мысли его, понятное дело, были грешными. Он изо всех сил старался противостоять искушению, но все без толку. Кармен непрошеной являлась в сны юноши, и то, что она там выделяла, заставляло краснеть средь бела дня, когда он вспоминал, что ему снилось. Он не раз пробуждался в полной боевой готовности, с руками на причинном месте и вкусом имени Рен на устах. Хуже того, у него было ощущение, что Рен видит его насквозь, до самого его потного, вождедеющего нутра, и презирает за это.

Сейчас она курила и смотрела на Ночеру, словно тот – нечто вытекшее из помойного бачка.

– А ты сегодня действительно сварливый мелкий хрен, правда? – Она повернулась к Скотту: – Не хочешь выпить кофе на набережной?

– Э-э, в смысле с тобой, вместе? – Когда она кивнула, Скотт вскочил на ноги: – Конечно. Да. Здорово.

– Э-э, с тобой, э-э, ага? – съехидничал Ночера, дергая руками, как издыхающее насекомое – лапками. Он говорил с гротескным иисуслендским акцентом, будто персонаж комедийной мыльной оперы. – Ах, дарагая, как я отк-жу такой *да-а-аме*. Ох, ва-асхвалим всемиластивого *Бога*.

Скотт почувствовал, как сжимаются кулаки. Раньше, на родине, ему доводилось драться достаточно, чтобы понять, что он не слишком хорош как боец, и чтобы-при взгляде на Ночеру

понять, что тот как раз *хорош*. Об этом говорили шрамы, которые Скотт видел у более взрослого Эмиля во время переодеваний, поза и явный вызов в недобрых глазах. Это было все равно, что смотреть на версию старшего брата Джека Маккензи, который завербовался на военную службу в свой шестнадцатый день рождения и вернулся через год загорелым, с кучей баек из тех мест, о которых никто из земляков отродясь не слышал.

Но превосходство жителя Штатов Кольца, которое Ночера постоянно демонстрировал, изрядно надоело Скотту, поэтому...

Рен скользнула между мужчинами, когда Скотт еще только начал осознавать, что поворачивается к Ночере лицом.

– Я говорила о кофе, Скотт. Не о сломанном носе. – Она кивнула на дверь: – Идем. Оставь этого гондона, пусть сам с собой позабавится.

– Это гораздо веселее, чем забавляться с тобой, Рен. – Ночера наклонился к бедрам Рен, все еще не вставая с кресла, все еще скалясь. – Говорю тебе, малыш, я таких вдоль и поперек знаю. Не одну такую манду видал, да и побывал не в одной. Ты получишь больше удовольствия, если подружишься.

Скотт рванулся вперед, выставив кулаки. Новый приступ прошел сквозь тело – так, что зачесалось у корней волос и разгорелись щеки. Он увидел, как ухмылка сползла с лица Ночеры, сменившись неожиданной заинтересованностью, а ноги не спеша соскользнули с консоли на пол. Скотт знал, что ему сейчас навешают, ну и хрен с этим...

Но внезапно он очутился прижатым к Рен. Всплеск запаха ее волос, все еще влажных, тепло кожи, мягкие изгибы тела прямо перед глазами. А потом она сильно толкнула Скотта к дверям. Выражение ее лица вовсе не было дружелюбным:

– Вали давай. – Она уперлась твердой рукой ему в грудь, и голос ее был столь же твердым – Подожди наверху.

Он ушел, слегка спотыкаясь, в нем пульсировали стыд и облегчение, смешанные примерно в равных долях. Дверь закрылась, отрезая еле слышное глумливое бормотание Ночеры и перекрывающий его сердитый голос Рен. Ему захотелось остаться и подслушать, но...

Он тихо прошел по залитому светом ламп металлическому коридору, поднялся по клацющей металлической лестнице к верхним помещениям и оказался, все еще тяжело дыша, под солнечным светом клонящегося к вечеру дня. Перебрался на причал, обеими руками вцепился в перила, сплетенные из углеродистых волокон, как будто хотел их разорвать, и уставился на свои побелевшие костяшки.

Херов Ночера, херовы сволочи из ШТК, херова страна...

Но ты ведь *знал*, что так будет, напомнил ему тихий холодный голос где-то в глубине сознания. Знал из рассказов дяди Лиланда, побывавшего в Штатах Тихоокеанского Кольца еще до его рождения. Пастор Уильям тоже говорил ему об этом, в выражениях с оттенками адского пламени. Мать плакала и тоже говорила об этом, снова и снова. И друзья зубоскалили и тоже говорили.

Все говорили ему это на разные лады, потому что всякий знал, что думают о республиканцах в нечестивых Штатах Кольца. Тяжелый труд да ненависть – вот что ему предложили. Довели до изнурения, плюя на него по ходу дела, и если иммиграционные службы пока не достали его, то долговые обязательства и посредники по найму достанут точно. Тут у него нет прав, обратиться не к кому. Он всегда будет ничем, меньше чем ничем, одним из безгласных представителей низших классов, которые дешевле машин и должны быть тихими, безропотными и исполнительными, потому что иначе – хлоп! – и средний гражданин Штатов, взыскательный приверженец высоких технологий, без всякого шума и пыли тут же и заменит его кем-то или чем-то, делающим ту же работу быстрее, дешевле, лучше.

– *Однако же я не уговариваю тебя остаться. – В последнюю неделю перед побегом Скотта дядя Лиланд сидел рядом с ним у деревянного забора, глядя на окрашенное закатом*

небо над горами. Дядя не знал, но Скотт тогда уже заплатил посреднику в Бозмене задаток, половину всей суммы, и ждал транспорта в следующий вторник. – Я не уговариваю остаться, потому что тут тебя не ждет что-то получше. Люди ненавидят Штаты Кольца, и на то существует вагон и маленькая тележка причин, но там есть возможности, которых у тебя не будет, если ты проведешь здесь всю свою богоданную жизнь. Там деньги не осели, не то что тут. Они все еще крутятся, а не лежат по полочкам, и можно отследить, где они водятся, и двинуться туда. Если повезет, урвешь немного и для себя. А если ты останешься, легализуешься, обзаведешься семьей, то твои дети, быть может, будут иметь еще больше. Знаешь, образование в ШТК бесплатное. Я имею в виду, действительно бесплатное, и действительно образование, не то что наша галиматья.

Они немного посидели, и цвета заката стали наливаться, темнеть. Воздух начал холодать.

– Почему ты вернулся, дядя? – спросил наконец Скотт.

Тот усмехнулся и опустил взгляд на свои натруженные руки.

– Ты всегда задаешь хорошие вопросы, Скотти. Почему я вернулся? Не знаю, может, просто оказался недостаточно сильным, чтобы остаться. Я жутко тосковал по этому месту, знаешь ли. Мы оба тосковали, я и твой папка. Мы всегда говорили о возвращении, и я думаю, это помогало нам держаться. А потом с Даниелем произошел несчастный случай, разговор не стало, **не с кем** стало разговаривать, и тогда ностальгия начала грызть меня всерьез.

Скотт прекрасно знал, как грызет ностальгия. Иногда он побеждал ее, порой даже на несколько дней, тогда, в начале, в первые дни, на первых говенных работах, когда он так выматывался, что не оставалось ни сил, ни времени, мысли были только об этой самой работе и сне. Но тоска всегда возвращалась, и теперь, теперь у него было время и отложенные деньги, он ощущал то же томление, что, должно быть, охватывало тогда дядю. Каждый вечер он молился, как обещал маме, ходил в христианскую церковь, если мог ее найти, но в последнее время не знал, о чем просить Господа.

– Пришел в себя?

Он вздрогнул. Не услышал, как Рен подошла и встала за спиной.

– Там, откуда я родом, – не задумываясь, с нажимом сказал он, – при женщинах о таком не говорят.

Она наклонила голову и ласково улыбнулась ему.

– Ну, там, откуда я родом, разговоры не фильтруют. Но все равно спасибо. Ты все правильно сделал. Особенно когда Ночера попытался ноги об тебя вытереть.

Он поганец, Скотт, но это не значит, что он не должен держать себя в руках.

– Я знаю. Повидал уже таких.

– Правда? – Она несколько секунд вглядывалась в него. Подняла бровь. – Да, правда, так и есть. Тогда ладно, то, что ты попытался сделать, очень смело.

Он почувствовал, как внутри него что-то расцвело. И зачихло, когда Рен покачала головой:

– Охрененно глупо, но очень смело. Мы наконец пойдем пить кофе?

Фирма «БиоПоставки Варда» начиналась как одна из многих компаний морских биотехнологий на базе коммерческих пристаней Квока, но со временем поглотила соседей-конкурентов и теперь распласталась аж до северной оконечности комплекса лоскутным одеялом из сборных домиков-офисов, причалов подводных лодок и недавно построенных складов. Чтобы отыскать что-то, не принадлежащее Улиссе Варду, нужно было пройти по одному из узких подвесных мостиков к югу – туда, где стояли забегаловки с видом на море, обслуживавшие работников причала.

Они нырнули в заведение Чанга, считавшееся лучшим по кофейным делам. На дисплеях шли записи блад-бита, сделанные на сценах сингапурских клубов.

– Здорово, – сказала Рен, указав кружкой с кофе на экраны. – Лучше местного приторного дерьма.

– Угу. – Вышло угрюмо – Скотт еще слегка страдал от того, что она назвала его глупым. Кроме того, ему больше нравилась местная музыка. И на самом деле он не слишком одобрял большое количество извивающихся и почти нагих тел, которые терлись друг об друга на экране.

Рен отпила, кивнула, одобряя вкус.

– Да. Накофеиниться тоже хорошо, раз уж на то пошло. Если Вард начнет на нас орать, я хотела бы не засыпать при этом. Не сплю с четырех часов утра.

– А что делала?

Она пожала плечами:

– Ну, ты же знаешь, как это бывает.

Он знал – это намек на то, что у нее есть и другая работа. Значит, она тоже нелегалка, потому что всякому, кто обладает гражданскими правами, одной зарплаты вполне хватает на жизнь. Этим ШТК в корне отличаются от Республики.

Намек на их общность смягчил его скверное настроение.

– Когда немного поживешь тут, все сглаживается, – сказал он в ответ. – Я работал все время, когда не спал, в трех разных местах, пока не зацепился за этот вариант. Вард много орет, если дела идут неважно, но в остальном он неплохой босс.

Рен кивнула.

– Думаю, там, откуда ты, все было довольно мрачно, да? – проникательно заметила она. – А откуда ты, кстати? Думаю, из Небраски? Или, может, из Дакоты?

– Из Монтаны.

Она подняла бровь.

– Край засухи и борьбы за воду. Мужик, там, наверно, не просто расти.

– В других местах еще хуже, – сказал он, защищаясь, хотя навскидку не смог бы назвать ни одного такого места. – Просто, ну... ты знаешь. Трудно найти оплачиваемую работу, если не знаком с нужными людьми.

Она снова кивнула.

– *Plus ça change*³⁰.

– Извини?

– Неважно. – Она смотрела на экраны. – Вард говорил, когда вернется?

– Ничего определенного. Сказал, это может занять почти весь день. Думаю, он намечает какой-то серьезный ремонт. На обычные поездки, шпалеры проверить, ему пары-тройки часов хватает туда-сюда обернуться. – Он поколебался. – Кармен, можно я задам тебе вопрос?

– Конечно. – Это прозвучало рассеянно, на самом деле она пропустила его слова мимо ушей.

– А ты откуда?

Внезапный взгляд искоса. Вот *теперь* он привлек ее внимание.

– Это долгая история, Скотт. – Она отхлебнула кофе. – Уверен, что хочешь поскучать?

– Я не заскучаю. Я люблю слушать о местах, где никогда не бывал.

– Считаешь, я из таких мест? – Но она улыбалась, когда это говорила, так, будто приглашала его присоединиться.

Он улыбнулся в ответ, лишь слегка покраснев.

³⁰ Сокращенное французское выражение «Plus ça change, plus c'est la même chose», означающее: «Сколько ни меняй – все одно и то же будет».

– Ладно тебе, Кармен. Ты не работала бы на Варда, если бы родилась и выросла в Штатах Кольца. Никто из нас не работал бы. – Он кивнул на клиентуру, благоразумно понизив голос: – Все здесь из других мест. Не думаю, что ты – исключение.

Она подняла бровь:

– Ты детектив, а?

– Я просто внимательный, – сказал он.

– Да, похоже на то.

– Так что давай, расскажи мне. Откуда ты?

Возникла долгая пауза. Скотт ждал. У него и прежде бывали такие моменты со знакомыми нелегалами: пропасть невесомости перед признанием, перед тем как каждый сбросит груз подозрительности, и начнется разговор вроде тех, что могли бы вести два свободных американца до того, как подонки-интернационалисты и китайцы – *партийные китайцы*, напомнил он себе, *ты же не расист, Скотт*, – раскололи величайший земной народ на мелкие куски так, как Моисей разбил скрижали.

– Из Тайваня, – сказала Рен, и его сердце возликовало от нового знания: да, она *действительно* ему доверяет. – Слышал о Тайване?

– Да. В смысле конечно. – Он пылал рвением. – Это же в Китае, правда? Это вроде китайской провинции.

Рен фыркнула:

– Им до усеру хочется, чтобы так и было. Тайвань – остров, и находится он у берегов Китая, тут ты прав. Но мы – независимое государство. Так сказано в каждом торговом соглашении Штатов Тихоокеанского Кольца за последнюю сотню лет. У нас то, что вы называете тепличной экономикой, с такими же бешеными объемами производства и таким же статусом, как у Вольной Гавани Ангелин, и никто не хочет возиться с последствиями, если все это вдруг рухнет, потому что всем Штатам Кольца мало не покажется. Вот там я и выросла.

– А почему ты уехала?

Она бросила на него колючий взгляд, хотя вопрос вроде бы совершенно невинный. Скотт не мог придумать никакой причины покинуть такое замечательное место, особенно если ты там вырос.

– В смысле, – он запнулся, – ну, я имею в виду, ты не была там счастлива, да? Но, знаешь, судя по твоему рассказу, в таком месте невозможно не быть счастливым.

Она слегка улыбнулась.

– Ну, свои плюсы у Тайваня есть. Но как и везде, там есть победители и проигравшие. Я имею в виду, что не каждый в Вольной Гавани – кинозвезда или лицензиат нанотехнологий, так?

– В самую точку попала. – Ему доводилось подрабатывать в Вольной Гавани, и без особой нужды он ни за что бы туда не вернулся.

– Так вот, значит, я говорю, победители и проигравшие, а если ты неудачник, то...

– Ты не должна так говорить, Кармен. – Скотт нагнулся через стол, заговорил убежденно – Ты не становишься неудачницей только на том основании, что тебе пришлось ехать куда-то за лучшей жизнью. Никто из нас тут не неудачник, мы просто ищем возможность вернуться с победой.

Мгновение она смотрела на него пустым взглядом. Потом замешательство ушло с ее фарфорового лица.

– Ах да. Культурная пропасть. Нет, я не говорю о неудачниках в том смысле, в каком это подразумевается у вас. Я имею в виду, в сравнении. Кто-то выигрывает, кто-то проигрывает, колесо крутится, и тому подобное.

– «У вас»? – он попытался скрыть боль. – Что значит «у вас»?

– Ну, у ребят вроде тебя, – она сделала нетерпеливый жест. – Старых американцев, жителей центральных регионов. Из Республики.

– О-о, ясно. Но послушай, Кармен, – он позволил себе улыбку превосходства, – мы не *старые* американцы. Так называют жителей Союза, торговых тварей с востока, этих обожаемых ООН. А Конфедеративная республика – это *Новая* Америка. Мы – восставший из пепла феникс, Карм.

– Хорошо.

– В смысле э-э-э, – он опять запнулся, ища необидные слова. – Слушай, я знаю, ты, возможно, не ходила в церковь так, как это делал я, всегда, полагаю, у тебя там какое-то святилище было или что-то в таком роде, но в конце концов это все едино, правда? – Он был доволен собой, потому что сумел вытравить из себя влияние эмоциональных тирад пастора Уильяма о неугасимом адском пламени и Единственной Истинной Церкви и увидел в лучшем свете более умеренные церкви, которые вынужден был посещать в последнюю пару лет. – В смысле, что бы вы ни назвали Богом, любая нация, которая принимает его в качестве руководящего принципа, как это делается в Республике, должна преуспеть, правда же? В конце концов она добьется процветания, и неважно, какие ловушки расставит на ее пути Сатана.

Рен в раздумье посмотрела на него:

– Так ты реально, э-э, христианин?

– Да, мэм.

– Значит, ты веришь...

Зазвонил ее телефон. Она выудила его и поднесла к уху:

– Да? – Черты ее лица стали напряженными, такими же, какими Скотт видел их утром, когда стало известно о поломке контроллера. – Поняла. Сейчас будем.

Щелкнула телефоном и сунула его обратно.

– Вард, – сказала она. – Вернулся и охренеть какой злющий.

Сказать «охренеть какой злющий» значило не погрешить против истины. Еще из дальнего конца коридора Скотт услышал рык Варда, летящий сквозь металлические стены рубки. Он шел за Рен по узкому проходу, стараясь поспевать за удивительно длинными, быстрыми шагами женщины. Он попытался бы обогнать ее, вдруг Ночера опять поведет себя как мудака, но было слишком тесно, и в любом случае...

Дверь открылась, впуская их. Гнев Варда кипел – теперь на всю громкость. Скотт привык к начальственному ору, но на этот раз ему подумалось, что в голосе шефа прорывалось нечто, чего он не слышал прежде, нечто, изрядно выходящее за пределы злости.

– ...смысл в этом, мать-перемать, *планировании*, если мы...

Увидев их, он заткнулся. Улисс Вард был мужчиной крупным, смахивающим на медведя, мускулистым, потому что ему требовалось плавать как под водой, так и на воде – бизнес обязывал, – а такие лысины, как у Варда, по эту сторону границы встречались нечасто. Когда он злился, как сейчас, то краснел и подкреплял свою речь энергичными движениями рук и головы. Скотт никогда не видел, чтобы его босс в действительности ударил кого-то, но часто казалось, что это может случиться. Ночера (возможно, мудро) уступил Варду центр рубки, и тот стоял посередине, сжав кулаки.

– Мы вернулись, – сказала Рен без всякой нужды.

– Охереть открытие, а то я не вижу! – Вард словно бы заметил Скотта впервые. – Ты, дуи на причал подлодок и проверь воздухоочистители «Ластмана». Последний час на обратном пути я по ходу дышал пердежом и гарью, мне чуть, сука, всплывать не пришлось, так херово было.

Примерно полсекунды Скотт думал отказаться, чтобы не оставлять Рен, пока Вард не успокоится, но почти сразу осознал идиотизм подобной затеи. Вместо этого он сглотнул и сказал:

– Может, это проблема совместимости, программное обеспечение... э-э... оно...

Вард злобным взглядом пригвоздил его к полу:

– Сможешь все исправить, если так?

– Ну, нет, но...

– То-то и оно, что нет. Потому что я, мать твою, нанял тебя не в качестве специалиста по софту. Так что почему бы тебе не убраться на хер отсюда, как я велел, и не посмотреть бы, на хер, что ты там можешь, на хер, сделать. Ясно? Я достаточно просто объяснил?

Скотт смотрел на Варда, понимая, что краснеет. Тяжело дыша, он кивнул, стиснув зубы и закусив губу.

– Отлично, тогда почему ты все еще тут стоишь?

Скотт повернулся и бросился обратно в коридор, в нем, словно жар, вздымалась ярость. «Еще один месяц, – пообещал он себе. – Один *хренов* месяц, и все». До сегодняшнего дня он думал, что Вард нормальный, думал, что этот человек – *американец*. Конечно, шеф сплошь и рядом начинал психовать, ну так с кем не бывает. Обычно он знал, когда остановиться. Но теперь он говорил и вел себя со Скоттом так, словно тот только что явился из-за кордона и стал источником всех его бед, хотя именно Скотт предупреждал Варда, что, мол, коль вы намерены снять модули с одной подложки и переставить на другую, *нельзя ожидать*, чтобы системы немедленно закрутили жаркий роман без проверки совместимости каждого участка.

Скотт был уже на ведущей к причалу лестнице, когда осознал, что в освещении коридора за его спиной что-то изменилось.

Он остановился на верхней ступеньке, оглянулся.

И увидел высокого человека, приближавшегося с другого конца коридора. Узкое пространство казалось чуть темнее всякий раз, когда он оказывался между Скоттом и очередной лампочкой на потолке, заслоняя собой источник света. Он был действительно высоким и крупным и надвигался со спокойной неотвратимостью. Этот человек не привык, чтобы его останавливали, ему не могли понравиться все эти офисы наверху и таблички, которые просят позвонить, присесть и подождать, и тогда один из наших сотрудников скоро к вам подойдет. Он был из тех, кто вместо этого просто спустится вниз и найдет то, что ищет, чем бы оно ни было.

Скотт поднял руку и помахал ему.

– Эй! – позвал он.

Человек не подавал никаких признаков того, что видит или слышит Скотта. Он уверенно двигался по коридору в сторону рубки, вроде бы на нем был длинный плащ, и одна его рука неподвижная пряталась в складках одежды...

И внезапно, откуда ни возьмись, у Скотта возникло ощущение, будто в его кишках провернули лом. Что-то было не так. Пришла беда.

Он бросился с лестницы обратно в коридор, навстречу незнакомцу, не пытаясь снова позвать его: бессмысленно. Ему было известно, как гремят в коридоре голоса, эхом отдаваясь от металлических стен, – так что этот мужик прекрасно его услышал. И да, в его скрытой плащом руке определено что-то было, Скотт видел, как топорщилась вокруг нее ткань. Он перешел на трюсу, потом побежал.

Они встретились у дверей. Бег Скотта оборвался, завязнув прямо перед незнакомцем. Во рту пересохло, и он не мог вымолвить нужных слов. Он застыл в изумлении.

То самое лицо, пронеслось в его голове. Это было лицо, *то самое* лицо.

Лицо из комикса о конце света, который им раздавали в церкви каждое четвертое воскресенье и от которого малышам потом снились кошмары, а старшие дети зарабатывали возможность посмотреть его, получая красные галочки в «Книге Деяний» (ее вел пастор Уильям). Те же впалые щеки и сжатые губы, длинные, неприбранные волосы, жестко очерченные скулы и нижняя челюсть, те же горящие глаза.

Взгляд Судии. Том второй, выпуск шестьдесят третий.

Колени у Скотта дрожали. Губы шевелились. Он не мог...

Дверь зажуужала – он никогда прежде не обращал внимания на этот звук – и скользнула назад. Донеслись голоса, все еще сердитые.

Плащ взвихрился, правая рука незнакомца высвободилась, поднялась, качнулась. Что-то ударило Скотта сбоку по черепу, он споткнулся и просел на неуклюжих, раскорячившихся ногах. Голову прошила молния, оставив после себя искры в глазах. Тот самый взгляд ненадолго упал на Скотта, потом снова скользнул прочь, в сторону открытой рубки. Незнакомец вошел туда.

Раздались вопли Ночеры и Варда, почти в унисон:

– Это долбаная частная собственность, козлина, что ты...

Внезапно – звенящая тишина влилась в онемевшую голову, туда, где его ударили. Потом – снова крик Варда, с неприкрытым неверием:

– Ты? Что, сука, ты тут делаешь? Какого...

Низкий, слабый кашель – он откуда-то знает этот звук.

И взметнулся крик.

Скотт чувствовал, как от этого звука его поры исходят потом, а по коже от ужаса бежит щекочущий озноб. То же самое было, когда рука Аарона угодила в камнедробилку Дуги Страйкера, – звук полон агонии, ужас повреждения столь серьезного, что из голоса исчезают личные признаки, остается только вопль протеста, который мог издать кто угодно и что угодно.

Кармен!

Скотт дернулся. Панический страх за нее поднял его на колени, потом на ноги. Он чувствовал, как кровь струится по волосам. Споткнулся и почти упал, ухватился за край двери, которая снова начала закрываться. Она задрожала, когда Скотт в нее вцепился, и отъехала назад, опять открывшись полностью. Скотт выпрямился и ввалился внутрь.

Ему хватило времени на один беглый, краткий, как вспышка, взгляд.

Кровь, везде кровь, окрасившая яркими пятнами консоли и стену, нечто, напоминающее пригоршню потрохов, тех, что мясники продают со скидкой, медленно стекало по мониторам. Ночера лежал с неловко повернутой головой и открытыми глазами, крепко прижавшись щекой к плохо выметенному, грязному полу, будто прислушиваясь к шебуршанию крыс внизу. Больше крови, широкая лужа натекла вокруг его туловища, струйки цвета темного вина змеились, прокладывая себе путь в пыли. Над его телом Рен боролась с незнакомцем за какое-то короткоствольное оружие – Скотт связал его со слабым кашляющим звуком, который слышал раньше, это было одно из ружей-гарпунников для отпугивания акул из шкафчика наверху. Шкафчик нужно запирать, он *всегда* говорил об этом Варду, но...

Вард лежал на спине немного в стороне.

Больше крови, еще больше, этот крупный мужчина корчился и извивался в ней, зажимая – с немым ужасом понял Скотт – грубую красную дыру на месте живота. Искромсанные кишки тянулись веревками, падали клубками на пол и размазывались по пальцам, словно какой-то красный полуфабрикат, в который Вард зачем-то сунул руки. Рот его как зияющий розовый туннель – с виднеющимися коренными зубами и вибрирующим языком, покрытым беловато-желтым налетом, – и крики исторгались из него мерзкими волнами. Глаза впелись в стоявшего у дверей Скотта, пригвоздили к месту. Расширившиеся и молящие глаза, безумные от боли, Скотт не понимал, узнает его босс или нет. Он попытался заставить себя броситься в бой, но вместо этого его вырвало так, что чуть кишки не вывернуло. Рвотные массы смешались с кровью Ночеры.

Кармен закричала, отчаянно.

Кашель противоокульного гарпунника.

Снова удар, на этот раз в шею, ниже уха. Он попробовал ухватиться за что-то, хоть за что-нибудь. Пол приближался. Кровь и рвота, тепло и влага на лице, он упал. Скотт попытался

закрыть рот или отвернуть голову на чистое место, но не смог. Горячая кислая вонь, вкус – и желудок снова вывернуло, слабо. Ноги согнулись, как у покалеченного насекомого. Лужа красного с желтобелыми вкраплениями поблекла перед глазами. Он искал в памяти молитву, нашел, но не смог заставить губы шевелиться, мысленно собрал в кучку нужные слова...

Отче наш... избави меня...

И чернота.

Глава 7

К вечеру все новости были плохими.

Генетический след, обнаруженный на борту «Гордости Хоркана», не принадлежал ни одному из расчлененных трупов. Отделить его от прочих оказалось несложно: он включал полный набор изменений, присущих тем, кто был известен под расхожим термином «модификация тринадцать». Или, как сказал Койл, «ебаным мутантам».

Им предстоял розыск.

Секция восстановленных аудио- и видеозаписей в виртуальной модели упорно оставалась наименее заполненной. Там были куцые фрагменты съемки со спутников, которые вообще-то занимались совсем другими делами, и все они были сделаны с большого расстояния. Метеорологический спутник, геосинхронизированный с Гавайями, проявил слабый интерес к рухнувшей в Тихий океан «Гордости Хоркана»; еще оборонные системы ШТК зарегистрировали вторжение, когда корабль находился в верхних слоях атмосферы, но утратили к нему интерес, получив информацию от КОЛИН. «Гордость Хоркана» осуществила сброс реактора в рамках протокола аварийного вхождения в плотные слои атмосферы, оружия на ней не было, сесть она должна была в океан, не причинив никому вреда. Один из оборонных спутников отследил ее предположительную траекторию и тут же вернулся к наблюдению за передвижением войск по Неваде.

На записях никто не пытался покинуть корабль до прибытия спасателей. Не попадалось там и одинокой фигуры, бросающейся прямо в океан. Даже с использованием наисовременнейшей оптики ничего нельзя было сказать однозначно, так что записи оказались совершенно бесполезными.

Им предстоял розыск, но начать было не с чего.

В гостинице Севджи села перекусить с Нортоном, хотя ей не хотелось ни есть, ни разговаривать. Романтичное слабое освещение ресторана воспринималось как темнота, периферийным зрением она вообще почти ничего не видела. Действие сина окончательно прекратилось.

– Ну и как тебе все это? – спросил ее Нортон, пока она вяло ковыряла салат с осьминогом.

– А сам как думаешь?

Это называется дефлексия; термин она вынесла – *да, блин, только его и вынесла* — из оплаченных департаментом психотерапевтических сессий, когда на нее обрушилось это дерьмо с Итаном и все остальное. Консультант сидел наискосок от нее, мягко улыбаясь, и вот в этой самой приводящей в ярость манере переадресовывал ей каждый вопрос, который она ему задавала. Через некоторое время Севджи стала поступать с ним так же. «Я не смогу помочь вам, если вы не поможете мне» – сказал под конец консультант, и в его успокаивающем, терпеливом голосе зазвучали нотки пробуждающейся злости. Он не понимал главного. Она не хотела, чтобы ей помогали. Она желала разрушений, чтобы все вокруг истекало кровью, алело и орало от боли, чтобы провалилась в тартарары вкрадчивая социальная сдержанность, опутавшая ее, как паутина.

– Николсон, возможно, взбрыкнет, – спокойно проговорил Нортон. – Скажет, что ты сама не знаешь, чего хочешь.

– Ага.

– Осьминог невкусный, что ли?

– Я не голодна.

Нортон вздохнул:

– Знаешь, Сев, если хочешь, можно просто в этом не участвовать. Люди Цая в любом случае не желают, чтобы мы тут были, а копы ШТК будут только рады возможности поиграть мышцами. Если этот мужик не утонул в Тихом океане, он теперь на их земле. Вдобавок он

один из тринадцатых, поэтому АГЗООН тоже есть до него дело. Почему бы нам не отступить, и пусть тогда ООН и Штаты Кольца разбираются, кто должен этим заниматься.

– Вот уж хрен им. – Севджи бросила палочки для еды на тарелку. Откинулась на стуле. – Я работаю на КОЛИН не ради легкой жизни, Том. Мне нужны деньги, и все. Тут их тоже можно заработать – ничуть не хуже способ, чем черный рынок марсианских технологий накрыть или сектантов от нанопричалов гонять.

Ты разве *не видел*, какую он хрень с телами сотворил? Блин, Хелену Ларсен на Земле ждала целая жизнь. Это же первое стоящее дело тут больше чем за два года. Это *наше*.

Минуту Нортон молча смотрел на нее. Потом кивнул:

– Хорошо. У меня будут данные с осмотра места происшествия, которые Цай переслал в нью-йоркский офис КОЛИН. Это должно несколько прояснить ситуацию. Что думаешь насчет Койла и Ровайо?

– Пусть остаются. Объединенная опергруппа, жизненно необходимая поддержка местных силовых органов. – Она нашла в себе силы улыбнуться. – Для средств массовой информации Штатов замечательно подойдет. В КОЛИН облажались, один из судов рухнул в Тихий океан, копы Западного побережья примчались спасать. Это откроет нам многие двери.

– И уберезет от излишней беготни.

– Да, и это тоже. Ты же неплохо знаешь Область Залива, правда? Вроде бы у тебя тут сестра?

Нортон пригубил вино.

– Невестка. Брат переехал сюда лет пятнадцать назад, он специальный координатор по приютам фонда «Гуманитарные ценности». Занимается проверками, программами социальной интеграции. Но ты, наверно, слышала, как я говорил о его жене, Меган. Мы с ней, ну, неплохо нашли общий язык.

– Повидаешься с ними, раз уж мы тут?

– Может быть. – Нортон нахмурился, уткнувшись в свой бокал. – Скольким из того, что у нас есть, мы поделимся с репортерами?

Севджи зевнула:

– Не знаю. Посмотрим, как пойдет. Если ты о модификации тринадцать, я за то, чтобы об этом не болтать.

– *Если я о модификации тринадцать?* Боже, не знаю, а о чем еще, по-твоему? Это я, Сев. Не могла бы ты на некоторое время перестать по всякому поводу делать большие глаза?

Она уставилась мимо него в полутьму ресторана. Ее взгляд зацепился за темноватую движущуюся рекламу из пятидесятых – какой-то нанотехнологический сон о переменах, синезеленая рябь устремляется к самому горизонту по красным марсианским ландшафтам, и синхронно с ней восходит новое яркое солнце.

– Достаточно будет, если мы заявим о безбилетнике и преступнике, – сосредоточенно проговорила она. – Скажем, что он перебил пассажиров, а детали разглашать не станем, чтобы нам поменьше названивали всякие психи, от которых все равно не избавиться. Наш парень вернулся с Марса, это само по себе плохо. Сообщить, что он – тринадцатый, значит напрашиваться на неприятности. Ты видел, как Койл отреагировал. Помнишь прошлогоднюю историю с Сандерсенем? Нам не нужна еще одна паника под девизом «Это гнусное отродье среди нас».

– Думаешь, все повторится? После той порки, которую устроила им комиссия по журналистской этике?

Севджи пожала плечами.

– Репортерам нравится паника. Она повышает рейтинги.

– А его расовую принадлежность укажем?

– Если криминалисты сумеют ее выяснить. А что?

– Я тут подумал, – медленно произнес Нортон, – а не китаец ли он часом.

Севджи мгновение обдумывала его слова.

– Да уж. Не хотелось бы, чтобы повторилась лихорадка Чанга. Это было ужасно. В истории с Сандерсеном хотя бы никто не умер.

– Не считая самого Сандерсена.

– Ты понимаешь, о чем я. Ты хоть видел кадры самосуда? Нас в школе заставляли смотреть. – Севджи массирует виски кончиками пальцев. – Сука, я их до сих пор вижу, будто вчера.

– Плохие были времена.

– Да. – Она оттолкнула тарелку и уперлась локтями в стол, сложив руки аркой. – Слушай, Том, может, нам вообще нужно молчать. Во всяком случае, до поры до времени. Просто сказать журналистам, что во время крушения погибли все, включая этого парня. В конце концов, весьма правдоподобно. Блин, мы же сами *не понимаем*, как ему удалось выжить.

– С одной стороны, если биоматериал даст нам фото для идентификации...

– Весьма сомнительно.

–.. тогда лучше будет обнародовать его, так мы вернее всего выйдем на этого мужика.

– Он может изменить лицо, Том. Любой салон на задворках Области Залива сделает это за пару сотен баксов. К тому времени, как мы дадим журналистам его фото, он сменит шкуру и уйдет в подполье. Тут может сработать только генетический след.

– Если по генокоду он китаец, и это станет известно, ты столкнешься все с той же проблемой.

– Но тогда у нас будет код человека, которого мы ищем.

– А в истории с Чжаном искали конкретное лицо. Не вижу большой разницы. Черт, Севджи, – ни с того ни с сего Нортон вдруг стал пародировать Николсона, – ты же знаешь, все эти проклятые китайцы так похожи между собой.

Севджи принужденно улыбнулась:

– Вряд ли тут так. Мы же не в Иисусленде.

– Идиотов везде хватает, Сев. У Республики нет на них эксклюзивных прав. Возьми хоть Николсона, он родился и вырос в Нью-Йорке. Откуда бы в нем столько идиотизма?

– Не знаю. Может, от спутникового канала «Истинная вера»?

– Ал-ли-луйя! Во славу Божию, грядет Иисус, он уменьшит мои налоги!

Они еще немного поухмылялись, но не рассмеялись. В полумраке перед ними все еще висели тела из виртуальной реконструкции. Вскоре подошел официант и спросил, закончили ли они. Севджи кивнула, Нортон поинтересовался десертами. Официант собрал тарелки и ушел. До Севджи медленно доходило, что для своих лет этот парень выглядит слишком худым, а его речь странно отрывистая, будто ему больно говорить. Черты его лица казались северокитайскими, но кожа была темной. Осознание ударило под дых. Севджи вперила в удаляющуюся фигуру.

– Думаешь, это один из тех, кем твой брат занимается? – спросила она.

– Гм, – Нортон проследил за ее взглядом. – О-о! Вряд ли. Я имею в виду, статистически. Джефф говорит, что за год через них проходит минимум пара тысяч черных беглецов из подпольных лабораторий. И в любом случае, он, по большей части, занимается управлением, старается свести концы с концами. Там у них от случая к случаю работает около сотни консультантов, а дел все равно по горло.

– «Гуманитарные ценности» ведь благотворительная организация, правильно?

– Да. Их финансируют Штаты Кольца, но не слишком щедро. – В голосе ее напарника внезапно зазвучало оживление. – И потом, знаешь, это тяжелая работа. Из тех, что выматывает. Некоторые истории брата о тех, кто выходит из этих подпольных лабораторий... Не думаю, что я смог бы работать в таких условиях. И совсем не понимаю, как Джефф может. Это очень странно. Когда мы были моложе, всегда казалось, что это у меня призвание к восстановлению

справедливости. А он был весь такой человек власти и влияния. А теперь, – Нортон сделал широкий жест рукой с бокалом, – как-то вышло, что он работает в благотворительности, а я кончил тем, что нанялся в КОЛИН.

– Люди меняются.

– Да.

– Может, это Меган.

Он внимательно посмотрел на Севджи:

– Что?

– Может, она изменила его. Ну, он изменился, встретив Меган.

Нортон крикнул. Подошел официант с картой десертов, но ничего не порекомендовал. Они остановились на генно-усовершенствованном кофе, которым, очевидно, славилось это место, и попросили счет. Севджи обнаружила, что опять смотрит на старую рекламу Марса.

– Знаешь, – сказала она медленно, потому что они оба весь вечер избегали этой темы, – настоящий вопрос не в том, кто этот мужик. Настоящий вопрос в том, кто помог ему вернуться на Землю.

– Ах, это.

– Кто вырубил корабельного джинна? Если мужик был в криокапсуле, и она его разморозила, должна была сработать тревога. Еще до того, как он проснулся, а уж времени взломать систему у него тем более не должно было быть. А если его не криокэппировали, и он просто где-то прятался, н-джинн, для начала, не должен был разрешить запуск.

– Думаешь, Койл и Ровайо сообразили? Я старался не дать им до этого додуматься.

– О, да! «Такое случалось и раньше, нам просто не хотелось предавать этот факт гласности. Иногда они просто умирают». Хороший ответ.

Нортон усмехнулся:

– Сам по себе он верный, Сев.

– Ну да. За шестьдесят с гаком лет перелетов раз десять такое случалось. И если не ошибаюсь, ты говорил, что каждый раз дело было в аппаратном сбое.

– Думаешь, они клюнут?

– Что, на тайные изъяны в искусственном интеллекте н-джинна? – Севджи скорчила гримаску. – Не знаю, в этом что-то есть. Машины не заменят человека, прочее дерьмо в таком роде. Ну и всякому нравится быть посвященным в тайну. Намекни людям на возможность заговора, и если повезет, у них вообще мозг откажет на хрен. Тайная секта пожирателей младенцев, многовековые козни с целью поработить человечество. Черные вертолеты, летающие яйца. Говно такого типа всегда собирает полные залы. А критическое мышление вырубает на раз...

– А между тем...

– Между тем, – Севджи перегнулась через стол, и шутливое выражение исчезло с ее лица, – мы оба знаем, что на Марсе к этому приложили руку те, кто недурно разбирается в софте и электронике. Наш таинственный каннибал был криокэппирован вместе со всеми остальными, а значит, он пробрался на борт под чужой личиной и был запрограммирован на раннее пробуждение, которое...

Нортон покачал головой.

– Вот тут я не понимаю. Зачем такое раннее пробуждение, если потом приходится жрать других пассажиров, чтобы выжить? Почему было не разбудить его за пару недель до прибытия на Землю?

Севджи опять пожала плечами:

– Тебя интересует мое предположение? Это был сбой. Тот, кто вырубил н-джинна, недостаточно хорошо разобрался в криокэппировании, и мужик проснулся в двух неделях лета не от той планеты. Через две недели после начала, а не за две недели до конца. Может, криокэп коротнуло, так что он не смог заморозиться по новой, может, нет, но он, в любом случае,

остался бодрствовать, потому что не мог себе позволить прибыть на место в криокапсуле и проходить карантин. Но как бы оно ни было, сбой там или не сбой, ему кто-то изрядно помог. Речь сейчас не о побеге из заключения на Землю, Том. Этого мужика сюда *послали*. А значит, у тех, кто это сделал, на уме какая-то цель.

Нортон скривился:

– Ну, причин, по которым кто-то мог нанять «тринадцатого», не много.

– Да.

Они немного помолчали. Наконец Севджи подняла взгляд на напарника и вяло ему улыбнулась:

– Лучше бы нам побыстрее его найти, Том.

Глава 8

Он успел на последний паром через залив на Тибурон, потом поймал роботакси и направился в Милл-Вэлли³¹. Окна были затемнены, салон наполнял теплый, пахнувший зеленью воздух, остро напоминая о прогулке с Меган по Мьюирскому лесу³² под кронами секвой. Нортон бережно отодвинул воспоминание, держа образ за краешки, как старинное фото, которое можно нечаянно испачкать, или как осколок разбитого зеркала. Он смотрел на мягкое свечение пронсящих мимо уличных фонарей и полускрытые листвой огни придорожных деревянных домиков. Все это было одинаково далеко и от «Гордости Хоркана» с ее бойней, и от дома. Глядя на чистые, живописные дороги, такие тихие и по-обжитому зеленые, не хотелось верить, что человек, упавший утром в океан в компании изуродованных им же трупов, может сейчас бродить где-то неподалеку под тем же самым ночным небом.

В голове снова всплыли слова Севджи Эртекин. И то, как болезненно напряглось ее лицо, когда она их произносила.

«Лучше бы нам побыстрее его найти, Том».

Такси приехало по адресу и плавно остановилось под ближайшим фонарем. Стоя на холодном ходу, оно производило едва ли больше шума, чем ветерок среди деревьев, но он увидел, тем не менее, как в нижнем этаже зажегся свет и парадная дверь открылась. В обрамлении светящегося проема стоял Джефф и неуверенно махал рукой. Должно быть, поджидал у окна. И никаких признаков Меган.

Нортон стал подниматься по крутой подъездной дорожке, внезапно ощутив все эти часы и километры между ним и Нью-Йорком. Среди кустов и деревьев по обе стороны стрекотали цикады, наверху в каменной чаше фонтана журчала вода. Дом стоял на склоне холма, беспорядочно раскинув по сторонам веранды и пристройки. Брат сошел с крыльца поздороваться, неуклюже хлопнул его по плечу.

– Легко вспомнил, как нас найти?

– Я такси взял.

– А-а, да. Хорошо.

Они вместе вошли внутрь.

– Меган нет? – невзначай спросил он.

– Нет, она с детьми у Хилари.

– Хилари?

– Да, точно, ты же с ней незнаком. Хилари, наш новый консультант по правовым вопросам в фонде. У нее близняшки, как наш Джек. Мои к ней с ночевкой поехали. – Джефф Нортон сделал жест в сторону гостиной – Проходи, садись. Выпьешь?

Комната осталась почти такой же, какой запомнилось Нортону, – выдавшие виды, обитые тканью кресла напротив имитирующего живой огонь экрана в кирпичной облицовке, образцы творчества североамериканских индейцев и семейные фотографии на стенах. Деревянные вощеные полы и ближневосточные ковры. Джефф принес из шкафчика-бара, сделанного из мореного дерева, выдержанный индонезийский арак. Слабый свет, исходящий от пламени на экране и бра в японском стиле, заливал его профиль, пока он сервировал стол. Нортон смотрел на брата.

– Думаю, ты видел нас в новостях?

Джефф кивнул, разливая арак:

³¹ Город в Калифорнии.

³² Национальный заповедник в Калифорнии.

– Да, только что посмотрел. Окутанный тайной колиновский корабль смерти. Ты поэтому приехал?

– Ты угадал. Там настоящий, первоклассный ночной кошмар.

– Ну, полагаю, рано или поздно тебе пришлось бы начать отрабатывать свою большую зарплату. – Короткая кривая усмешка, мол, это не всерьез. Да, но в каком-то смысле, Джефф, ты всегда всерьез, верно? – Как сейчас обстоят дела в Джефферсон-парке? С тобой хорошо обращаются?

Нортон пожал плечами:

– Да как обычно. Грех жаловаться. У меня новая напарница, мы ее напрокат взяли в нью-йоркском убойном отделе. Она на пару лет моложе, держит меня в тонусе.

– Хорошенькая?

– Не то чтобы это имело значение, но – да, хорошенькая.

Джефф прошел через комнату с двумя стаканами, вручил один Нортону. Он улыбался.

– Это всегда имеет значение, братишка. Думаешь, сможешь ее закадрить?

– Джефф, ну Христа ради! – Это не было настоящей злостью: он слишком устал для этого, да еще дорога... – Тебе действительно необходимо постоянно вести себя так старомодно?

– А что такого? Девушка привлекательная, неужели ты не пытался прикинуть, какие у тебя с ней шансы? – Все еще стоя, брат залпом выпил арак и широко улыбнулся Нортону. – Да ладно, я же по глазам вижу. С ней тебе хотелось бы.

Нортон сдвигал веки большим и указательным пальцами.

– Знаешь что, Джефф, может, хотелось бы, а может, и нет. Но сейчас не это моя главная забота. Как думаешь, мы можем для разнообразия поговорить о чем-то более важном?

Он не видел, как изменилось выражение лица его брата: улыбка увяла, уступив место недоверчивому напряжению. Джефф попятился, рухнул в кресло напротив и вытянул ноги перед собой. Когда Нортон посмотрел на брата, тот встретился с ним взглядом и махнул рукой:

– Ладно, Том, ты прав. Помогу, чем смогу. Но прошло много времени с тех пор, как я имел влияние в Нью-Йорке. Я имею в виду, что могу попробовать сделать несколько звонков, если на тебя наседадут, но...

– Нет, дело не в этом.

– Не в этом?

– Да, нам практически дали полную свободу действий. Сверху намекнули, чтобы мы делали что хотим, лишь бы разобраться с этим бардаком.

– А что за бардак ожидается, поточнее можно? По всем каналам трубят, что на борту все мертвы.

– Ага. С каких это пор ты доверяешь тому, что показывают по визору? На самом деле есть один живой, и он свалил с корабля. Это конфиденциальная информация, Джефф. Я делюсь ею только с тобой, и она не должна выйти за стены этой комнаты и за пределы этого разговора. Даже Меган не говори.

Джефф развел руками и медленно улыбнулся:

– Эй, с каких это пор я обо всем докладываю Меган? Ты же меня знаешь, Том.

– Да, хорошо. – Он сдержал гнев, давнишний и знакомый, как толчок, который делает его «кадиллак», если перейти на более низкую передачу, не притормаживая.

– Ну так вперед. Что за большой секрет?

– Большой секрет в том, что этот парень – один из тринадцатых.

Наблюдая за реакцией Джеффа, Нортон ощутил некоторое удовлетворение. Глаза брата расширились, рот приоткрылся, чтобы дать ответ, но ответа-то и не было. Нортон подумал, что это вышло слегка фальшиво, но он еще в детстве привык к этой особенности Джеффа, к некоторому актерству и преувеличенной подаче себя (чуть-сильнее-чем-надо-бы) любой публике, лишь бы она была. Он старался снисходительно видеть в этом плату за вход в зачарован-

ный круг власти, который его брат обживал с такой самоуверенностью, когда они оба были моложе, – но теперь, теперь, когда брат сам стал снисходительнее, не утратив манерного лоска, Нортон вынужденно пришел к выводу, что, быть может, Джефф всегда был таким, всегда играл самого себя даже для тех, кто сидит на дешевых местах.

– Ты каждый день имеешь дело с вещами такого рода, Джефф, – сказал он просто. – Мне нужен твой совет.

– Вы уже связались с АГЗООН?

– Пока нет. А судя по положению дел, вряд ли свяжемся.

– Хочешь, чтобы я дал тебе совет? Позвони им.

– Ладно тебе, Джефф. КОЛИН даже не подписала мюнхенское соглашение. Думаешь, там захотят, чтобы ООН прошлась по их делам тяжелыми сапогами международных договоров?

Джефф Нортон отставил свой стакан на высокий стол из мореного дерева, который явно был дальним родственником шкафчика. Потер лицо руками.

– Как много ты знаешь о модификации тринадцать, Том?

Нортон пожал плечами:

– Знаю то же, что и все.

– То, что знают все, это дерьмо собачье, очковтирательство и нравоучительная пугалка для средств массовой информации. Что ты *действительно* знаешь?

– Ну, они социопаты. Это какой-то атавизм тех времен, когда мы все были охотниками и собирателями, так?

– Да, вроде того. Правда в том, брат, что тут как с бонобо, гиберноидами и всеми остальными непродуманными и преждевременными заигрываниями с генной инженерией, которыми обременили нас излишне оптимистичные идиоты-новаторы прошлого века. Сплошь догадки и дурные намерения. Никто никогда не создавал человеческих модификаций с мыслью о том, чтобы дать им лучшее от жизни, свободу и стремление, мать их, к счастью. Они были созданы с определенной целью – все они. Программы космических полетов требовали гиберноидов, бонобо были сладострастной мечтой патриархальной верхушки общества о воплощенной женственности...

– Вроде и твоей тоже, нет?

Джефф криво ухмыльнулся:

– Может, забудешь уже?

– А Меган?..

– Меган не знает. Это мои проблемы, не ее.

– Типично для тебя.

– Нет, это во мне говорит слабость и мужское начало. Я это знаю. Думаю, у меня просто никогда не было твоей высокой, чтоб ее, нравственности, братишка. Но рассказать Меган значит не добиться ничего – только ранить ее и детей. А я этого не хочу.

Он снова взял бокал и, повернувшись к Нортону, поднял его, будто в тосте:

– Так что, дорогой младший брат, остается только жить со своими ошибками. Или так, или спасибо, но шел бы ты лесом.

Нортон пожал плечами и тоже поднял свой бокал:

– Живи со своими ошибками.

А в сознании промелькнул образ Меган, сияющий всплеск ее волос, ее смех среди стволов секвой, а потом – нагое тело в пятнышках солнца, подавшееся вперед, чтобы прижаться к его собственному телу на влажных от пота простынях мотеля.

– Итак, – сказал он, – бонобо были сладострастной мечтой патриархальной верхушки общества, а в чем суть модификации тринадцать?

– Модификация тринадцать? – Джефф снова криво улыбнулся. – Модификация тринадцать вернула нам нашу мужественность.

– Да ладно тебе.

– Ну, тебя-то там не было, младший брат.

– Джефф, ты старше меня на шесть лет. Тебя тоже там не было.

– Тогда, раз не хочешь верить тому, что старший брат говорит, дуй читать учебники истории. Я говорю о времени перед Расколом. И перед созданием атмосферы на Марсе. Тогда впервые за всю историю мужественность вышла из моды. Шла волна феминизации общества, альфа-самцы сами истребляли себя, совершая самоубийства и употребляя стимулирующие препараты, которые сердце просто не способно выдержать, что в конечном итоге тоже самоубийство, просто медленное, и потрахаться с удовольствием в процессе можно.

– Я думал, такие препараты запретили.

Джефф одарил его очередной кривой ухмылкой:

– О да, именно *это* и сработало. Я имею в виду, яшень пень, *никто и никогда* не станет принимать запрещенные наркотики, правда? Особенно если от этих наркотиков член делается как полицейская дубинка и не отказывает всю ночь напролет.

– Все равно не верю, что такие препараты разрушили общий баланс. Это же просто тема для ток-шоу о генетике, Джефф.

– Дело твое. Научные круги не поддерживают теорию об истреблении маскулинности, тут ты прав. Но любой социобиолог скажет тебе, что самоуничтожение альфа-самцов повлияло на политическую обстановку прошлого века, что это один из важнейших факторов. Как говорится, – снова усмешка, – измельчали мужики. И одновременно уменьшился интерес к искусству войны. Никто, если не считать нищих идиотов из какого-нибудь Канзаса, не хотел служить в армии, потому что, блин, там же и убить могут, есть способы прожить жизнь получше, и оплачиваются они тоже получше. И получается, что эти нищоброды сражаются не на жизнь, а на смерть по причинам, – Джефф быстро переключился на пародийное иисуслендское произношение, – *которых они как следует не понимают*, в то время как все остальные орут о нарушении прав человека, мол, выпустите меня отсюда, желаю бесплатно обучаться в колледже. И мы проигрываем, братишка, проигрываем по всем параметрам. Потому что против нас враги, которые едят, спят и дышат, ненавидя все, что мы собой представляем, которым не страшно умирать в агонии, при условии, что они прихватят с собой кого-то из нас. Послушай, Том, феминизированное открытое общество много чего может, но его способность вести войны гроша ломаного не стоит.

– Я не просил, чтобы ты прочел мне лекцию о Расколе, Джефф. Меня интересует модификация тринадцать.

– Изволь. – Джефф снова приложился к араку. – Смотри, давным-давно все мы думали, что будем посылать на войну роботов. Но роботов дорого строить, и на самом деле никто настоящему в них не верит. Они ломаются, когда становится чересчур жарко, или чересчур холодно, или песка слишком много. И в городах вечно лажают, много валят не тех людей и разрушают инфраструктуры, которые хотелось бы сохранить в целости. Их можно взломать, перепрограммировать и выключить, имея мало-мальски приличную боевую консоль, если посадить за нее толкового инфоястреба, а этих ребят мы, вероятно, сами же и поднатаскали на интернациональных, мать их, курсах при Массачусетском технологическом институте. Роботов можно украсть, перенастроить и послать против нас же, а мы даже не будем об этом знать. Помнишь тот мемориальный камень, который папа показывал нам, когда мы ехали в Нью-Мехико? До хера здоровенный такой булыжник посреди Оклахомы?

– Смутно. – Ему припомнился большой светлый гранитный валун, одна сторона которого была выровнена и отполирована до блеска, контрастируя с остальной поверхностью – грубой, шероховатой, матовой. Черные буковки – он еще слишком мал, чтобы прочесть. Иссохшая, непригодная для посевов и пастбищ земля, пара магазинчиков возле выжженной солнцем прямой автострады, похожей не гладкий железнодорожный рельс. Они покупают конфеты, за при-

лавком старуха, с волосами серыми, как пыль вокруг. Грустная, вспомнил он, она выглядела грустной, пока они выбирали конфеты и расплачивались.

– Сколько мне было, пять или шесть?

– Может, и того меньше. Думаю, ты тогда мало чего понял, но мне потом еще недели две кошмары снились. Этот Трупекс AS-81 выглядит как моя старая игрушка, только нормального размера, он вламывается в дом, расплющивает маму с папой, зависает над моей кроватью, вытаскивает меня оттуда и отрывает мне руки-ноги. Знаешь, эти механизмы привезли на склад за *девять недель* до того, как активизировался вирус «Аллах акбар».

– Да, я это в школе проходил. Я же сказал, Джефф, я приехал не ради урока истории.

– Они, на хер, весь город вырезали, Том. Они его в клочья разнесли. Ничего не осталось, кроме камня этого сраного.

– Я знаю.

– Хардести, Форт-Стюарт, Блумсдейл, военно-морская база в Сан-Диего. И все это меньше чем за три года.

Тебя не удивляет, что военные стали искать варианты лучше?

– Ты о модификации тринадцать?

– Да, о модификации тринадцать. Это доцивилизованные люди. В них есть все, что было в нас, все, от чего мы ушли, сняв первый урожай, написав первый закон и построив первый город. Говорю тебе, Том, на твоём месте я просто позвонил бы в АГЗООН и отошел в сторону. Незачем тебе мудохаться с этими тринадцатыми.

– А теперь ты заговорил как журналисты.

Джефф подался вперед, его лицо было серьезным:

– Том, тринадцатые – единственная генетическая модификация – так считает Джейкобсен, – опасная до такой степени, что лишена основных прав человека. Именно по этой причине они все заперты по поселениям или сосланы на Марс. По этой причине им не разрешено размножаться. Речь о таком типе человека, которого эта планета не видела более двадцати тысяч лет. По сути они параноидальные психотики, которых с раннего детства готовили воевать, вот и все. Они умны, они жестоки, у них один интерес – получить то, чего им хочется, не считаясь с потерями и издержками.

– Не вижу, – едко сказал Нортон, – как это связано с мужественностью.

– Это потому, что ты живешь в Нью-Йорке.

Нортон усмехнулся и осушил свой бокал. Брат с легкой улыбкой наблюдал за ним.

– Я серьезно, Том. Думаешь, Раскол произошёл из-за интересов Штатов Тихоокеанского Кольца и по экологическим соображениям? Или из-за нескольких линчеванных азиатов и пары-тройки провальных операций на Ближнем Востоке?

– И из-за них в том числе.

Джефф мотнул головой:

– Дело не в этом, Том. Все это ни при чем. Америка раскололась из-за разных представлений о том, что представляет собой могущество. Это грубая мужская сила или женская склонность договариваться? Напор против знаний, доминирование против толерантности, примитивное против сложного. Вера, и Знамя, и патриотическая Песня объединились против Новой Математики, – которой, коль уж говорить, никто, кроме специалистов по квантовой физике, толком не понимает, – Теории Кооперации и Нового Международного Порядка. И пока проект «Страж Закона» не появился, все предвещало будущее столь феминизированное, что оно откровенно противоречило бы всему американскому.

Том хохотнул вопреки желанию.

– Тебе бы речи писать, Джефф.

– Ты забыл, – без улыбки сказал брат, – я этим уже занимался. А теперь представь себе, как все было: тонущий корабль исконной мужественности, погрязший в недоступных понима-

нию сложностях, побежденный собственными военными технологиями и собственной молодежью. И потом, представь, появляются эти новые, здоровенные, агрессивные мерзавцы в американской униформе, называемые «Стражами Порядка», и вдруг *побеждают*. Никто точно не знает, откуда они взялись так внезапно, и вообще там многое весьма спорно, но кому какое до этого дело? В счет идет то, что эти парни – солдаты Америки, они сражаются за нас, ведут бои. Просто посиди минутку, Том, и подумай, какой это возымело эффект в маленьких городках вроде тех, через которые ты проезжал по дороге сюда.

Джефф опустил указующий перст, которым до сих пор тыкал в сторону брата, заглянул в свой бокал и поднял брови, может быть удивляясь внезапной горячности.

– Во всяком случае, так мне это видится, из того, что я читал.

Комната, казалось, уменьшилась. Оба сидели в молчании. Через некоторое время Джефф встал и снова направился к бару:

– Еще по одной?

Нортон мотнул головой:

– Поеду, а то вставать рано.

– Ты разве не останешься ночевать?

– Ну...

– Господи, Том. Мы что, настолько друг друга не переносим? – Джефф отвернулся от своего бокала, который он как раз наполнял, и пригвоздил брата взглядом. – Ладно тебе, хрен ты в это время парома дожدهшься, ночь же. Ты что, собираешься всю ночь в объезд вдоль залива пилить, лишь бы не ночевать в моем доме?

– Джефф, я не...

– Том, я знаю, что иногда веду себя как мудака. Я знаю, что есть вещи, которые ты во мне не одобряешь, которые, по твоему мнению, не одобрили бы мама с папой, но, господи, ты думаешь, наш отец всю свою жизнь святым был?

– Не знаю, – тихо сказал Нортон. – Но если и нет, мы его на этом не ловили.

– *Меня* ты тоже не ловил. Я, хрен ты моржовый, сам тебе рассказал.

– Вот уж спасибо!

– Ради бога, Том, я же твой брат. Кто изначально пристроил тебя на эту сраную работу в КОЛИН?

Нортон вскочил на ноги:

– Я в это не верю. Передавай привет Меган и детям, жаль, я не нашел времени купить им подарки.

– Том, подожди. Подожди. – Руки вскинуты в умиротворяющем жесте, выпивка забыта. – Прости, я вел себя по-скотски. Ладно, слушай, не пристраивал я тебя на работу, ты и так был в самом верху списка. Но прошлым летом я говорил о тебе много хорошего, и это слышали нужные уши. Я и опять бы это сделал. Ты ведь мой *брат*, неужели, по-твоему, это ничего для меня не значит?

– Меган – твоя жена. Это что-то для тебя значит?

– Боже, это же совсем другое. Она – женщина, и... нет, нет... – Он замолчал, сделав беспомощный жест. – Это жизнь в браке, Том. Так уж она устроена. У тебя дети, ты устаешь, глянец сходит. Начинаешь искать что-то... что-нибудь... Ну я не знаю, что-нибудь *новенькое*, чтобы напомнить самому себе, что ты еще не умер. Что ты еще не превратился в одного из двух безобидных старичков из дома престарелых в Коста-Рике.

– Так вот какими ты видишь маму с папой?

– Они такие и есть, Том. Тебе бы почаще навещать их, ты бы тогда это увидел. И, может, начал бы понимать.

– Ага, точно. Ты трахал одну из твоих клиенток, беженок-бонобо, потому что мама с папой состарились. Очень логично.

– Том, ты ни хера не понимаешь, о чем говоришь. Тебе тридцать семь, ты никогда не был женат, семьи у тебя нет. Я имею в виду, что... – Кажется, Джефф силился найти какие-то доводы. – Слушай, ты что, действительно думаешь, что Меган бы так задела правда? В смысле, конечно, она испытала бы сильные чувства, предприняла бы какие-то действия, выставила бы меня на некоторое время, плакала бы. Но в конце концов, Том, она поступила бы так, как лучше для детей. Теперь ее мир – они, а не я. Я больше не смогу разбить ее сердце, даже если захочу, даже если постараюсь это сделать. Это все *генетика*, Том, сраная генетика. Я для Меган вторичен, дети важнее, просто потому, что *так уж она запрограммирована*.

– А ты трахал Ньюинг потому, что так уж ты запрограммирован, да?

Джефф шумно перевел дух, опустил взгляд, развел руками:

– В большой степени, да. И я так запрограммирован, и она... это я о Нью сейчас. По своей сути я во многом альфа-самец, патриарх и самая большая шишка в округе. Для бонобо это поважнее, чем здоровенный член какого-нибудь Ларри Ластмена.

– Поэтому ты взял и любезно решил соответствовать, да? Просто не мог разочаровать девушку.

Еще один вздох. На этот раз Нортон понял, какую внутреннюю битву ведет брат. Тот снова рухнул в кресло. Поднял взгляд и тихо сказал:

– Слушай, Том. Понимай, как знаешь. Подозреваю, что ты просто никогда в жизни не трахал бонобо, а потому не представляешь этого чувства, этой покорности, этого сорванного цветка женственности в твоих объятиях... – Он тряхнул головой. – Ладно, забудь. Я вызову такси.

– Нет, – Нортон ощутил в груди какое-то странное, ускользающее чувство, – я останусь, Джефф. Извини, я просто... У меня просто был трудный день.

– Уверен?

– Конечно, уверен. Слушай, Джефф, я вовсе не хочу тебя судить. Ты прав, никто из нас не святой. Всем нам случалось совершать ошибки... – *Меган, оседлавшая его в мотеле, ее груди у его губ, ее глаза, пристально глядящие куда-то в сторону, будто он сам всего лишь часть каких-то рутинных домашних хлопот. Ближе к концу она закрывает глаза, поднимаясь и опускаясь на нем, и в момент кульминации стонет сквозь стиснутые зубы: «Ну ты подонок, ну ты траханый подонок». Несколько недель после случившегося одного только воспоминания об этом хватало, чтобы член становился каменно-твердым, хотя Нортон почти уверен, что эти слова были обращены не к нему. Когда спрашивает ее об этом, она утверждает, будто не помнит, что вообще что-то говорила.* – ...О чем мы потом сожалеем, чего не стали бы делать, если могли бы изменить прошлое. Или, думаешь, я какой-то другой?

Джефф изучающе посмотрел на него.

– Ты упускаешь кое-что очень важное, Том. – Он вскинул обе руки с раскрытыми ладонями. В его лице появилось что-то почти умоляющее. – Я не сожалею о Ньюинг. И об остальных, потому что, Бог свидетель, она не была единственной. Просто после твоей реакции я не стал рассказывать тебе об остальных. Да, каждый раз это вызывает сложные чувства, Том, стресс, без которого я мог бы обойтись. Но я не могу заставить себя сожалеть об этом и не могу заставить себя желать, чтобы это никогда не происходило. Можешь ты понять это? Можешь *вынести* такое знание о своем брате?

Я не могу заставить себя желать, чтобы это никогда не происходило.

Нортон аккуратно опустил обратно в кресло, опасливо присев на самый краешек. Слова Джеффа будто вытащили из сердца занозу, внезапно избавив от боли, которую он, не осознавая до конца, носил в себе. Кристально ясная правда о его чувствах к Меган предстала перед ним в новом свете. Мгновение он сидел, пытаясь достичь какого-то внутреннего равновесия, потом кивнул.

– Конечно, – сказал он, – я смогу это вынести. Думаю, я просто обязан это сделать. – Он пожал плечами, чуть улыбнулся. – Мы же братья, верно?

Джефф энергично кивнул:

– Верно.

– Ну тогда налей мне еще, старший брат. И приготовь комнату для гостей. Когда вернется Меган?

Глава 9

Они ночевали в изрядно потрепанных всепогодных спальниках из наноматерии – как настоящие марсианские первопоселенцы, гласил затертый ярлык на спальнике Скотта, – но всегда в помещении. «Слишком много тут глаз, – мрачно сказала Рен под вечер второго дня, когда они стояли в воротах ангара и смотрели, как на востоке начинают зажигаться звезды. – Лучше, чтобы они не заметили ничего необычного». В заброшенном аэродроме можно было укрыться и от наблюдения со спутников, и от солнца пустыни; и внутри весь день стояла жара, но через давным-давно выбитые окна и проемы без дверей дули сквозняки, и становилось попрохладнее. Стены в комнатах, где они останавливались, были, по большей части, ободраны, но кое-где на бежевой штукатурке проступали пятна краски, освещение нигде не работало. Туалеты и души, как ни странно, функционировали, хотя двери, которые могли бы обеспечить приватность, отсутствовали, а вода лилась только холодная. Электричества, чтобы подняться в лифте на диспетчерскую вышку, не было, но ступеньки выглядели довольно прочными, и взобравшемуся наверх открывался вид на древние бетонные взлетно-посадочные полосы да раскинувшиеся за ними плоские пустоши.

Рен проводила на вышке много времени, высматривая, как он полагал, малейшие признаки появления незваных гостей и негромко переговариваясь с незнакомцем, с Ним. И вот это, последнее, тревожило Скотта по причинам, которые он едва ли мог как следует понять.

В конце концов он предположил, что дело в недостатке веры. Пастор Уильям всегда говорил, что этот недуг поражает в первую очередь и сильнее всего так называемых свободомыслящих людей, и, видит Бог, Скотт был вдали от дома достаточно долго для того, чтобы подхватить эту хворь, отираясь среди свинства и сомнений Западного побережья. Он ощущал смутные, неконтролируемые всплески злости, размышляя о сверкающих неонами ночах, губительных и возбуждающих вихрях так называемой современной жизни, и спасения не видел нигде, даже в церкви, потому что, Бог свидетель, Скотт бывал там и пытался спастись. Все эти тепленькие, миленькие проповеди с объятиями, эти молитвенные дома с их славословиями в хороводе и невнятными слезливыми словоизлияниями, которые ведут лишь к ослаблению и подмене нравственных представлений и ни к чему больше, эти три с лишним долбанных года пошатнули отчетливость его собственных представлений, сбили простую арифметику добра и зла, которая он *знал* была чертовски, блин, верной, потому что он чертовски, блин, хорошо это *чувствовал*.

У него болела голова.

Она периодически болела с тех пор, как он очнулся в кузове подрагивающего грузовика и коснулся повязки, которая начиналась сразу над глазами. Доктор в Френсо, к которому той ночью отвезла его Рен, сказал, что чувствовать боль при таких ранах нормально, и что она, если повезет, пройдет через несколько дней.

Эти раны нанес Скотту незнакомец. Как такое может быть правильным? Вначале Скотт не мог этого понять.

«Он возвратится. – Мягкий голос пастора Уильяма доносится с амвона, как отдаленный гром, гром, который, ты знаешь, плывет на крыльях грозы прямо тебе навстречу. Говорили, что перед рукоположением пастор проходил подготовку в одной из больших церквей Южной Каролины, стоя перед лицом грозы, которую он сам и создавал (в это вполне можно было поверить). – Он возвратится. Вы спрашиваете себя, как это будет? Что же, я расскажу вам, друзья, я расскажу, – голос превращается в рев, – что этот день не будет днем коллективных объятий и счастливых прихлопываний, как о нем вечно поют ниггеры. Нет, сэр, день Его возвращения не будет ни вечеринкой, ни пикничком, от которого дорожка скатертью прямиком в рай для всех и каждого. Когда Иисус придет вновь, Он придет как судия, и суд Его будет *суров*, суров для каждого, мужчины ли, женщины ли, ребенка, суров для *всех нас*, потому что *все мы* грешны,

и за эти грехи, за эти ужасные черные грехи нас ждет расплата. Загляните в свои сердца, друзья мои, загляните в свои сердца, отыщите в них эти черные грехи и молитесь, чтобы суметь выкорчевать их прежде прихода судии, потому что, если вы не успеете, это сделает сам Господь наш, а Господь не использует анестезии, когда оперирует души».

Все это Скотт помнил по комиксу «Конец света», том третий, выпуск сто тридцать седьмой, «Триумф Вавилона». Завернувшись в плащ, Спаситель шествует по похожим на каньоны из зеркального стекла улицам Нью-Йорка с длинным флотским кольцом на бедре и дубинкой в руке, дубинкой в форме пропитанного кровью и потом креста, на котором Он умер. Он вышибает ногой дверь из матового стекла, ведущую в кафе на Уолл-стрит, и спускает семь шкур с собравшихся там современных менял. Разрисованные дамочки в черных чулках покорно распростерлись у Его ног, красные развратные уста приоткрылись от ужаса и легкого забытья, изпод блудливо коротких юбок виднеются ляжки. Толстые носатые мужчины в костюмах вопят и паникуют, пытаюсь уклониться от разящей дубинки. Тут же большими буквами написано слово «хрясь!» – это звук, с которым ломаются кости.

Божья кара!

Скотт снова коснулся повязки вокруг головы и подумал, что, возможно, он в конце концов легко отделался.

В грузовике, глядя на ее изможденное спящее лицо, он нагнулся к Рен и шепнул:

– Это действительно Он?

Рен как-то странно посмотрела на него:

– Кто он, по-твоему?

– Ну, он, Иисус. Господь, который возвратился на землю. – Скотт сглотнул, облизал губы. – Мы, значит, живем в последние времена?

Никакого ответа. Она только удивленно посмотрела на него и велела отдыхать, потому что силы ему еще понадобятся. Задним числом Скотт предположил, что его слова звучали как бред, вызванный сотрясением мозга.

А потом был доктор и другие, кто помогал им в пути. Кажется, Рен хорошо знала этих людей. Сменяются грузовики, дом, мягкая кровать на окраине городка, названия которого он так и не узнал. Другая долгая тряская ночь вездеходе, и на рассвете он вывалился на широкий простор заброшенного аэродрома.

И дальше – ожидание.

Он старался быть полезным. Прибирал за Рен и незнакомцем, приводил каждое утро в порядок их походные постели и рюкзаки – и, как ни странно, мельком заметил в вещах Рен Библию и свернутую в трубочку пачку распечаток с миссионерских сайтов Республики, некоторые из которых были хорошо ему знакомы; он старательно закрыл рюкзак и больше туда не смотрел, потому что не был любопытным; но то, что он узнал, все равно заставляло его хмуриться. Он изо всех сил пытался выкинуть это из головы и, чтобы не думать, собрал из хлама, который валялся по ангарам и вокруг диспетчерской башни, обеденный стол и три сиденья. В углу одного из ангаров он обнаружил поломанный бескрылый самолетик «Сесна», небрежно завернутый в толстые листы пластика, и, разрезав их, сделал занавески для нескольких туалетных кабинок и душей. Он взял на себя заботы о еде. Водитель вездехода оставил им, в основном, саморазогревающиеся консервы, но Скотт, не жалея сил, готовил пищу из того, что было, и относил этим двум на наблюдательную вышку, если понятно было, что они не намерены спускаться перекусить. Он старался не пялиться на незнакомца. Принимал обезболивающие, скупно выделенные доктором, и усердно молился каждый раз перед едой и сном. Странно, но сейчас ему в чем-то было куда лучше, чем многие месяцы до этого.

– Теперь уже недолго.

Он вскочил. Опустилась ночь, и тишина в заброшенном здании каким-то образом стала глубже, поэтому голос Рен прозвучал как выстрел. Подняв глаза, Скотт увидел, что она стоит

в дверном проеме, от которого начиналась лестница на диспетчерскую вышку. Меркнувшее полыхание красно-золотого заката смешивалось с синеватым светом зажженных аварийных ламп, отражаясь в ее глазах и в металлических зубцах ее допотопной кожаной куртки.

– Что ты делаешь?

– Молюсь. – Он сказал это почти вызывающе, потому что, конечно, не заметил, чтобы она молилась сама.

Рен кивнула. Вошла в зал и с неосознанным изяществом свернулась на своем спальном мешке.

– Нам надо поговорить, – сказала она, и Скотт подумал, что ее голос звучит устало. – Почему бы тебе не подойти сюда?

Он снова чуть не подпрыгнул.

– Зачем?

– Скотт, я тебя не укушу.

– Я, э-э, знаю. Но мне и отсюда тебя слышно.

– Может, и слышно, но я все равно не хочу, чтобы нам приходилось орать. Так что давай, иди сюда.

Сжав зубы, он встал с собственного спальника и перебрался к ней. Она кивнула на свободное место слева, Скотт неловко примостился на корточках, даже толком не усевшись, и ощутил волну ее запаха, слегка замутненного потом пустыни, – он подумал, что Рен, наверно, со вчерашнего утра не принимала душ. Она посмотрела ему в лицо, и юноша ощутил, как в груди что-то перевернулось, – такое и раньше бывало. Она мотнула головой вверх, в сторону потолка и вышки:

– Ты ведь знаешь, кто там, наверху, – шепнула она, – правда?

Где-то в животе плеснуло радостное возбуждение, оно устремилось вверх и встретилось с ощущением, возникшим под ребрами от взгляда на Рен. Он коротко кивнул самому себе:

– Это ведь оно, да?

– Да. – Она вздохнула. – Это тяжело для меня, Скотт. Я росла в большой семье, среди нас и христиане были, но я к ним не относилась. Мой религиозный опыт очень... отличается от твоего. Там, откуда я родом, мы допускаем, другие веры возможны, но считаем, что они – просто другой путь к той самой истине, в которую верим мы сами. Менее прямые тропы для менее просвещенных. Мне и в голову не приходило, что, может быть, это *наша* истина – менее просвещенная и что правы христиане. Что... – Она покачала головой. – Я даже предположить этого не могла.

Он почувствовал, как теплая, покровительственная нежность поднялась в нем, словно пламя. Он потянулся, взял руку, которая лежала у нее на коленях, ласково сжал.

– Все нормально, – сказал он. – Ты была искренней в своей вере, вот что важно.

– Я хочу сказать, приходится же верить в то, что ты видишь собственными глазами. Да, Скотт? – Она встретилась с ним взглядом. – Ты веришь в то, что тебе говорят, а остальное не имеет смысла, так?

Он испустил глубокий вздох:

– По мне это вполне логично, Кармен.

– Да, в этом-то все и дело, и я не знаю, есть ли в вашей Библии что-то, что объясняло бы происходящее. Все, что происходит, в корне отличается от представлений о последнем цикле, которые я получила дома. Он говорит, – она показала глазами наверх, – что пришел рано, что пока не время, и он должен собраться с силами. Он должен многое сделать тут, но у него есть враги, и эти враги все еще сильны. А это означает, что мы должны защищать его, пока его время не придет. Он избрал нас, Скотт. Отделил от... э-э... от...

– От плевел?

– Да, от плевел. Ты видел, что он сделал с Ночерой и Бардом? Они были прислужниками тьмы, Скотт. Теперь я это понимаю. В смысле мне никогда не нравился Ночера, а Вард... Ну, я думала, он ничего так, но...

– У Сатаны тысяча ловушек, – сказал ей Скотт. – Он может надеть тысячу масок.

– Да.

Он поколебался, глядя на нее:

– А ты ему... – он пробовал на вкус непривычное слово, которое произнес его язык, – ему прислуживаешь?

– Да. Он мне так велел. До тех пор, пока один из, э-э, из ангелов не явится, чтобы взять это на себя. Он сказал, что до тех пор будет говорить через меня.

Скотт все еще держал Кармен за руку, но теперь выпустил ее и дернулся в сторону, словно эта рука стала слишком горячей на ощупь. Изо всех сил стараясь не пялиться на ее красоту, он хрипло выдавил:

– Ты... ты так этого достойна! Тебя наполнит свет.

Потом ее рука вдруг оказалась на пряжке его ремня и потянула к себе. Рен наклонилась и коснулась приоткрытыми губами его рта. Снова отстранилась.

Он задохнулся. В висках застучала кровь. Под брючным ремнем вспухло и стало тесно.

– Что ты делаешь? – зашипел он.

Она сделала жест в сторону потолка:

– Он там, наверху, Скотт. Стоит и несет стражу, защищая нас. Все в порядке.

– Нет, это же... – Он покачал головой, растеряв все слова. Пытаясь объяснить: – Это же грех, Кармен.

Он хотел отодвинуться от нее, но при этом лишь отклонился назад в своем неловком полусидячем положении и шлепнулся на спальник, спиной к стене. При этом он вовсе не увеличил расстояние между ними. Или, может быть, думал он потом, может быть, ему вовсе не хотелось его увеличивать.

– Кармен, – взмолился он, – нам нельзя грешить. Не сейчас. Не здесь. Это *неправильно*.

Но Кармен Рен лишь зацепила большим пальцем горловину своей рубашки, посмотрела вниз, на собственную руку, и потянула. Статический шов с легким треском поддался, а она все тянула палец вниз, растягивая рубашку и обнажая груди в поддерживающих чашечках. Сквозь прозрачный блеск пластика он ясно видел ее соски, прижатые к внутренней поверхности каждой чашечки. Она снова подняла глаза и улыбнулась.

– Как это может быть грехом? – просто спросила она. – Скотт, разве ты не видишь? Разве не чувствуешь?

Этому предназначено произойти. Это таинство, очищение для нас обоих. Дар его любви. Загляни в себя. Неужели ты не чувствуешь?

Он чувствовал.

С тех пор прошло очень много времени.

Скотт перестал быть девственником еще в одиннадцатом классе благодаря Дженни Уилкинс, а после нее до отъезда в Штаты Кольца были и другие девушки, пусть он и старался не гордиться этим, потому что знал, что гордиться неправильно. Но женщины сами искали его расположения, нет смысла это отрицать. Скотт пошел в мать, он был высоким и длинноногим, его торс развился еще в отрочестве, когда он подрабатывал на стройке заборов и укреплении русла реки Биттеррут, так что потом смог заплатить за учебу в старших классах, не став обузой семье, и вербоваться на флот ему тоже не пришлось. Кроме того, что он имел развитую мускулатуру и длинные ноги, он был учтивым и добрым, и, если верить Дженни, девушкам это тоже нравилось.

Но в ШТК с ним что-то случилось.

Может, все дело в том, что секс был везде: идеально упругие модифицированные тела, невозможно понять, настоящая ли это плоть или сгенерированные переменные интерфейсы, но они попадались постоянно, обвивали друг дружку на больших лазерных билбордах, на экранах в витринах магазинов, на всех навороченных сумках для покупок, женщины несли их, зажав в кулаке, будто это какие-то большие продолговатые фрукты, которые держат за стебель или за лозу. На любом нерелигиозном канале, какой ни включи, – плоть и похотливые стоны, на рекламных листовках, которые приходят по почте, *на мусорных баках*, прости господи, и даже, однажды, когда он был в Вольной Гавани, на небе в виде голографического изображения со звуковым сопровождением из динамиков, установленных вдоль пляжа в Венис. Может, дело именно в этом нескончаемом обстреле, в переизбытке подобных вещей, а может, Скотт просто тосковал по дому. Но как бы там ни было, к концу первого года благодушная уверенность, которой он наслаждался на родине, улетучилась, как пар от утреннего кофе на террасе, оставив его одиноким и холодным.

Кармен Рен, сверкая, как падающая звезда, прошла сквозь его одиночество. Внутри всколыхнулись полузадушенные фантазии, которым он предавался месяцами. Ее тело, которого он коснулся там, куда она направила его руки, было теплым и гладким, у языка оказался пряный, темный, незнакомый вкус. Кармен отлепила одну из поддерживающих чашечек, и его ладонь наполнила мягкая тяжесть, которая, казалось, идеально легла в горсть, как будто была создана специально для этого. Ее руки вернулись к ремню, ослабили его, скользнули внутрь. Он ощутил пальцы на собственной встопорщенной плоти и рефлекторно сильнее сдавил ее грудь. Она застонала, не прерывая поцелуя.

Они срывали одежду, останавливаясь, чтобы касаться и целовать друг друга, и вот она, обнаженная, уже лежала спиной на своем спальнике, глядя его бока и разведя ноги. Он приподнялся на локтях, слегка неловкий из-за долгого отсутствия практики, и ахнул, войдя в нее. Кожу охладила вечерний ветерок, а Кармен Рен была изнутри горячей и влажной. Она улыбнулась, лениво повела боками, что-то сделала со своими мышцами. Он ощутил, как член по всей длине сдавило, как она скользит на нем, а потом притягивает Скотта к себе и обхватывает за талию ногами – в этом прохладном воздухе они казались почти раскаленными, – и он неожиданно кончил, бурно и неотвратимо, дернувшись, как будто его тряхнуло током.

Он повесил голову, все еще упираясь локтями в спальник:

– Прости.

Она снова улыбнулась, слегка поерзав и опять сжав его увядшее достоинство.

– Не извиняйся. Знаешь, мне приятно, что ты вот так теряешь контроль.

– Это просто... – Он ощутил, что краснеет. – Давно ничего не было...

– Да, я догадалась. Это ничего, Скотт. У нас есть время. Мне понравилось. Мы повторим, как только ты будешь готов. – Мышцы снова сжались, и ее глаза вдруг расширились: – Ну вот. Уже.

Он не знал, стало ли причиной то, что, лежа под ним, она говорила таким обычным тоном, как будто они сидели вместе за завтраком, или дело в том, что она была сейчас с ним – вершина стольких липких, безнадежных мечтаний, проплывавших перед ним, когда он в одиночестве возвращался с работы домой. Или виной всему слово «прислуживать», которое билось у него в голове и все еще ощущалось на губах, такое темное и пряное на вкус. Он не знал, почему все сложилось так, да и, по правде говоря, ему и дела до этого не было. Ему было известно, что он может необычайно быстро снова оказаться на коне, ему еще Дженни об этом говорила, но даже для него это было чересчур. Он почувствовал, как снова твердеет у нее внутри, разбухает под давлением ее сжимающихся мышц, и знал, что на этот раз все будет хорошо, что эта скачка будет долгой и сладкой.

Потом они лежали вместе, клубок конечностей, повернувшись спинами к облупленной стене, частично прикрытые спальником и курткой Рен, и смотрели на полоску вечернего неба

за пустым дверным проемом. Скотт подумал, что никогда, даже дома, звезды не были такими яркими и славными, как сегодня. Они казались огоньками датчиков, слегка подрагивающими в мягком черно-синем небе и предвещающими что-то хорошее. Он сказал ей об этом, она издала низкий смешок, лежа у него на груди, и сказала:

– Посткоитальная астрономия.

– Нет, – сказал он, не поддавшись на шутку и оставаясь серьезным, – это особенные звезды, Кармен. Сегодня мы получили благословение.

Она негромко уклончиво хмыкнула и слегка потянулась.

– Знаешь, – чуть позже сказала она ему, – мы не сможем прятаться долго. Скоро нам придется тяжело.

– Мне все равно.

– Да. – Она провела ладонью по щетине на его щеке, ухмыльнулась. – Думаю, ты привык к тому, что приходится тяжело.

– Нас будет искать полиция Кольца?

– Не знаю, – задумчиво сказала она. – В доке есть люди, которых я попросила подчистить за нами, так что для начала нас прикроют. У нас есть друзья, Скотт. Больше друзей, чем ты можешь вообразить.

– И враги есть.

– Да. И враги тоже.

Он повернул голову, чтобы посмотреть ей в лицо.

– Скажи мне правду, Кармен. Это конец света? Когда на землю низойдет огонь, и из моря выйдет зверь с богохульными именами на головах? Это он – наш враг? Зверь?

Она поколебалась:

– Я так не думаю. Он об этом ничего не говорил. Но вот что я знаю точно: где-то есть темный человек, который ищет его и нас. Этот человек – прислужник зла, и вот его-то мы и должны остерегаться, Скотт. Что бы ни случилось, мы с тобой служим свету, и нам следует быть начеку. Черный человек приближается. А когда он явится, мы должны быть готовы сразиться с ним и, если понадобится, погибнуть в бою. Ты готов?

– Конечно, я готов. Я сделаю все что угодно. Но...

Рен подвинулась, приподнялась, чтобы смотреть ему в глаза:

– Что «но»?

Скотт поднял взгляд к потолку:

– Разве *Он* не может как-то справиться с этим черным человеком?

– Пока еще нет, – мягко проговорила она. – Во всяком случае, так он мне сказал. Еще не время. У него другие заботы, Скотт, другие дела. Это сложно, я знаю, я и сама не претендую на полное понимание, но я знаю то, что было мне открыто, и могу только рассказать тебе то же самое. Мы должны верить, Скотт, – вот что он мне сказал. В этом же сила христианина, правда? Верить и не ставить под сомнение то, что явлено?

– Э-э, да...

– И, может быть, сейчас это действительно кажется довольно бессмысленным, но, если мы будем верить, думаю, все станет ясно. У нас с тобой есть своя роль, Скотт. У тебя есть роль. Грядет расплата и, э-э-э, Страшный суд впереди. Те, что стоят у него на пути, будут низвержены, те, кто следует за ним в вере, – воскреснут.

– Тогда это значит... – Скотт крепко сжал ее руку. Кровь била в нем набатом, и он почувствовал легкое шевеление в паху. – Что он пришел как судия. И настают последние времена.

И он внезапно вспомнил истощенное лицо незнакомца, его пустой взгляд, вспомнил, каково оказаться под прицелом этих глаз, совсем вблизи. Снова поглядев на потолок, он не почувствовал больше теплой пульсации от долгожданного, желанного подтверждения всему,

во что он силился верить и что считал правдой. Вместо этого пришло воспоминание об этих глазах, об истощенном, костлявом лице, и Скотт чувствовал теперь лишь холод и страх.

Грядет расплата.

Глава 10

В пятидесяти километрах за Ван-Хорном федеральная трасса номер десять светилась бледно-серой полосой посреди глухой ночи и вела в сторону низких, опоясывающих горизонт хребтов, название которых человек, называвший себя Эдди Танака, так и не озаботился узнать. Черно-синий бархат неба вспарывали, словно кончики ножей, белые звезды, так непохожие на тусклые красные фары тяжелых автобусов, которые с грохотом носились туда-сюда сквозь тьму, будто целеустремленные насекомые. Нарастающий низкий гул, потом – помехи в ночной картинке, проносится ветер, и гул замирает вдалеке, минуя кричаще яркую лазерную вывеску «Табиты» с бесстрашием, на которое не способен ни один водитель-человек.

«Ну разве что это глюк, – вяло подумал он. – Они по части баб не особо, им такие услуги ни к чему».

Он посмотрел на билборд с рекламой борделя – название, выведенное красными буквами, наводило на мысли о вампирах и пауках. Настоящая Табита ни за что не сделала бы такую, но она продала заведение и перебралась в ШТК сразу же, как получила выручку. За остроконечными тонкими буквами, словно за прутьями клетки, то появлялись, то исчезали женские тела, пиксельные, полноцветные, и почти что – требование закона все-таки – неотличимые от настоящих.

Глину неоткуда взяться на шоссе. Они не водят машины.

Это ты так считаешь.

И Кенан так считал, а он, мать его, был умником.

Умником? Какой ты, мать твою, умник, Макс, если сидишь на стоянке Табиты, с соплями проститутки на куртке, и при этом тебе даже минет не сделали. Все твои планы и схемы, все это дерьмо про новую жизнь привело тебя сюда. Сопли на одежде и не отсосал никто. Вот как ты до усрачки умен, умник.

– Умник...

Он услышал собственное бормотание, отголосок короткого, жесткого спора, только что отзвучавшего в голове, и знал, что снова разговаривает сам с собой, знал, почему. И еще знал, почему не дал себе труда заставить Крисси отсосать у него.

Никогда, тупой придурок, не можешь ограничиться одной дозой – вот что.

Пару часов назад он закапал в глаза син, и фишка в том, что это был качественный син, прямо из его собственной заначки, а не то дерьмо, которое он толкал ребятишкам в Ван-Хорне и Кенте субботними вечерами. Поэтому он охрененно хорошо *знал*, что ему нужно только одно впрыскивание, – и поначалу так и поступил: трепещущую поверхность левого глаза оросило содержимое всего одной пипетки (парни называют это пиратским дозьяком). Но от пиратского дозьяка он всегда, поганая химия, всегда чувствовал себя как-то неуравновешенно, и это еще в хорошие ночи – а сегодняшняя таковой не являлась, – поэтому, когда син начал действовать, дурное ощущение нарушенной симметрии усиливалось и, блин, *усиливалось*, пока не стало казаться, что вся левая часть тела какая-то слишком медлительная и сонная, так что он сдался и еще разок запрокинул голову, перед тем как поехать сюда, и капля жидкости увлажнила его правый глаз, точно слеза.

«А ведь были времена, – напомнил он себе, – когда ты соблюдал дисциплину. Дисциплину или самоуважение, которые не позволяли так с собой обходиться».

Сейчас он часто вспоминал те времена, разглядывая себя в зеркалах комнат, где не хотел быть, с трудом понимая, почему здесь очутился и как дошел до жизни такой. Где те времена, когда син был только средством, препаратом вроде любого другого? Он был полезным, и мы употребляли его с самоуверенностью, граничащей с самонадеянностью, только тогда все каза-

лось таким до хера ясным и правильным. Все это было до того, как мир превратился в дерьмо и клубы черного дыма в закатном небе Вайоминга.

Были времена...

Точно. Были другие, хер с ними, времена, когда казалось, что лето будет бесконечным, и тебе никогда в жизни не придется за это платить. Помнишь? Те времена прошли, Макс, – смирись и наплюй. Забей на эту сраную ностальгию, давай-ка посмотрим, где мы сейчас.

А вот где. В соплях, без минета, в ночи и в полном одиночестве.

Он не глядя вытер куртку рукой. Син подключился к зрительной памяти и обеспечил точную нейромоторику, направив руку прямо в цель, и вот пальцы вляпались в соплю. Он, скривившись, поводил ими туда-сюда. Только этого дерьма ему не хватало сейчас, когда и без того не все ладно. Можно подумать, у него проблем мало. Он говорил ей, он, мать ее, *говорил* ей, что кое-чем занят, кое-чем, что надо разрулить, и не то чтобы вся эта блевотина сутенерская была делом его жизни...

«Ну да, конечно, – жестко сказал ему син, – сколько лет ты уже это твердишь? А, умник?»

Теперь все иначе. Все окупится, как уже бывало, и на этот раз мы уйдем отсюда. Навсегда.

«А если нет?»

А если нет, то прикрытие уже есть. Хватит волноваться.

«Прикрытие, ага. Всю жизнь сутенером пахать. А как ты поступишь с Криси, если что?»

Как он тогда поступит, мрачно подумалось ему, как ему тогда *придется* поступить с Криси? Наверное, как-то жестоко. Надо заметить, что эта сучка чертова всегда обходилась ему слишком дорого, даже в Хьюстоне, когда была просто уличной потаскухой. Копна белокурых волос, похожих на сладкую вату, и эта, блин, техасская манера растягивать слова, а теперь еще и имплантаты эти, сиськи искусственные, которые он оплатил, – короче, он так и знал, что она будет выпендриваться, когда обоснуется у Табиты. Станет вести себя будто и впрямь чистокровная бонобо, за которую они ее выдавали. Беспреданно названивать ему самостоятельно или через работников Табиты, ныть, что не будет работать, потому что голова болит или живот или что ей просто не нравится какой-то жирных хер, который платит хорошие деньги, чтобы раздвинуть ей ножки, и будет она сидеть на койке этой чертовой, смотреть ясными глазками и нудеть: «Эдди то, Эдди се, Эдди, на хер это», заставляя его на полную катушку прибегать к методу кнута и пряника. Можно подумать, что это какая-то комическая сценка, которую он для нее исполняет, а ей прям очень нравится.

«И чего тебе не работалось с Сереной или Мэгги? И половины этих хреновых неприятностей не было бы».

Благодаря особенной ясности сознания, которую давал син, он знал, почему. Но Эдди развернулся на каблуках, оставив это знание и призывно мигающую развратную рекламу Табиты где-то за спиной. Парковка была освещена слабо, зрение подводило. Чтобы приспособиться к полутьме, он принялся яростно моргать глазами.

– Привет, Макс.

Оклик настиг его, когда он моргал, и отбросил назад, в воспоминания о «Скорпионе», – в те времена и места, настолько живые, что, открыв глаза, он почти ожидал, что окажется там, в другом, более чистом времени, еще до Вайоминга.

Но этого не произошло.

Он по-прежнему был здесь, на пустой стоянке второразрядного техасского борделя, на пальцах подсыхали соплю нахальной шлюхи, а в мозгу искрилось слишком большое для нормального самочувствия количество сина.

От тени его автомобиля отделился человек – он стоял к Эдди лицом. В приглушенном лиловом свете фонарей на границе парковки фигура и лицо человека скрадывались. Но что-то в его позе нагоняло воспоминания, разбуженные голосом. Син подсказал имя, дорисовал черты на затемненном лице. Он вглядывался, пытаясь осмыслить происходящее.

– Ты?

Силуэт шевельнулся, сделав слабый жест рукой.

– Но... – Эдди мотнул головой, – ты... Мужик, ты же на этом сраном *Марсе*.

Человек ничего не ответил, выжидая. Эдди подошел ближе, поднимая руки для объятия.

– Когда ты вернулся? В смысле, мужик, что ты тут делаешь?

– А ты не знаешь?

Он улыбнулся недоумевающе, но искренне.

– Нет, мужик, я ни хера не имею никакого... – И тут улыбка исчезла, уничтоженная неожиданным пониманием.

Всего на миг в пустыне стало тихо, лишь по автостраде пронесся автовоз.

Эдди потянулся к животу, под куртку, нащупал рукоятку маленького кольта (модель «Гражданин»), который всегда висел у него на ремне...

Тот подошел слишком близко.

Осознание – все, что он помнил о «Скорпионах», из иных времен – захлестнуло, какое-то грустное и медленное, невзирая на скорость, с которой все летело в тартарары на глазах. Человек метнулся вперед, запястье Эдди оказалось в железной хватке, и рука с пистолетом не двинулась с места. Он выбросил левую руку, чтобы рубануть противника по горлу, или по лицу, или по – *близко, слишком, сука, близко*, – но тот, другой, блокировал замах, и у Эдди ничего не вышло, он не смог ничего сделать. Удар снизу выбил землю из-под ног, подсечка – и вот он уже на земле. Он в жалкой попытке откатился в сторону, лишь бы не дать этому скоту достать его ботинком, перевернулся, ствол, ну где же, твою мать, ствол...

Оружие на месте. Он снова вцепился в рукоятку кольта, извлек его с рыком облегчения, прицелился, у «Гражданина» нет предохранителя, нужно только нажать посильнее, и...

Фигура стояла над ним, чернея на фоне неба. Рука опущена вниз, целится...

...и что-то опять распластало его, размазало по земле с нечеловеческой силой.

Приглушенный треск. Его уловили уши, но прошло несколько мгновений, прежде чем он осознал, что это значит. Звезды были прямо над головой. Он смотрел на них, внезапно очарованный. Звезды казались гораздо ближе, чем обычно, они висели низко, словно неожиданно заинтересовавшись происходящим.

Он захрипел, ощущая, как что-то быстро течет по груди, будто холодная вода. Он знал, что это значит. Син заставлял его мыслить с беспощадной ясностью.

Он поднял голову (это было самое трудное, что ему когда-либо доводилось делать, – череп казался каменным) и различил очертания нападавшего. Тот все еще стоял, направив на него указующий жест, будто судия.

– Я думал, ты будешь сражаться, – раздался голос. – Но для тебя это время было слишком долгим, так? Слишком долгим. Может, дело в этом.

«В чем?», – невпопад удивился он. Закашлялся и ощутил во рту вкус крови. Подумал еще, что теперь будет делать Крисси, эта сучка тупая.

– Думаю, с тобой все, – проговорил голос.

Он попытался кивнуть, но голова лишь откинулась назад, на грязное покрытие парковки, и на этот раз там и осталась. Звезды, заметил он, вроде бы потускнели, и небо выглядело каким-то более холодным, чем раньше, в нем было меньше бархатистой мягкости и больше бескрайней пустоты, которая и была его подлинной сутью.

Умереть на парковке борделя, ну какого хера...

С автострады донесся грохот очередного автовоза, он увидел мысленным взором уютный красный свет его задних габаритов, удаляющихся во тьму.

И побежал за ними вслед.

Часть II

Сорваться с цепи

Ограничение свободы – мощный социальный инструмент и в качестве такового должен использоваться мудро и сдержанно. Жизненно необходимо провести различия между сложными и целостными признаками подлинной необходимости подобной меры для общества и упрощенным, основанном на эмоциях спросе, который появляется по мере роста всеобщей истерии. Отсутствие таких различий может привести к весьма неблагоприятным последствиям.
Доклад Джейкобсена, август 2091 г.

Глава 11

В конце концов, как он и подозревал, все свелось к часовне. В тюрьмах вроде этой не так много мест без камер видеонаблюдения, но во Флориде, где концепция исправления преступника основывается на вере, существует установленное Хартией право на неприкосновенность по время молитвы в любое время до отбоя. Никаких камер видеонаблюдения, никакого навязчивого контроля. Теоретически предполагалось, что в Доме Бога надзирателям незачем присматривать за вами, потому что этим уже занят сам Господь. Никто словно бы не замечал, что Господь не справляется. Карл, которого перевели из Майами, провел тут три месяца, и за это время в тусклом свете часовни произошло не меньше полудюжины кровавых разборок; две закончились летальным исходом.

Карл допускал, что эти разборки были на каком-то уровне санкционированы охранниками или что их не расследовали толком благодаря тихому, но тяжелому давлению сверху. Так или иначе, итог один. Никто не хотел вторгаться в текущее положение дел, никто не хотел даже слышать об этом. Корпорация «Сигма», ссылаясь на свою религиозную позицию, успешно обошла большую часть попыток усилить административный контроль, что Конфедеративная Республика так стремилась сделать, а горячие речи во время конгресса довершили дело. Тела завернули в черное и вынесли.

«Слышь, нигга, уповай на Господа, – осклабился Гватемалец, после того как продал ему заточку. Он кивнул на маленькую масляную лампадку, которая стояла на угловой полочке, хотя мерцающее пламя освещало не Господа, а чернокожую Деву Марию Гваделупскую³³. – Начальник всегда на собраниях г’рит, Господь прикроет тебе спину. Дык ему и помочь не грех, да».

Заточка была сделана тут, своими руками, для насущных преступных нужд, в которых Гватемалец понимал как никто. Кто-то взял в мастерской моноволоконную пилку от лобзика, наплавив на один ее конец разноцветные пластиковые бусины, так что получилась яркая, ухватистая рукоятка. Вся заточка была длиной сантиметров двадцать, если не меньше, поверхность специально подобранных бусин не сохраняла отпечатков пальцев. Генетический след, конечно, оставался, но Гватемалец основательно подошел к делу, тщательно намазав руки покупателя составом, который хранился в крохотном пузырьке на одной полке с Девой. Карл втер жидкость, и к вони (кишечные газы и пачули), стоявшей в камере, на миг примешался резкий запах высокотехнологичных молекул, потом состав улетучился, оставив лишь холодок на ладонях. Теперь на добрых три или четыре часа микроскопические частицы с кожи его рук станут нерас-

³³ Одна из самых почитаемых святынь Латинской Америки.

познаваемыми для генетического анализа. Такая смесь высоких и низких технологий пробудила в Карле слабый трепет воспоминаний. Вот он ночью идет в полной боевой выкладке среди лачуг Каракаса. Под ним, будто опрокинутый звездный купол, раскинулся сам город, близкое тепло едва освещенных улиц, по которым он рыскал. Уверенность в тщательно подобранном оружии и в том, что предстоит сделать с его помощью.

В конце концов, конечно, моноволокно прорежет пластик настолько, что крепление расшатается, и лезвие в итоге выпадет. Но к тому времени заточка уже будет валяться за какой-нибудь решеткой вентиляционного люка. Как и многое из того, что принадлежало компании «Исправительное учреждение штата Южная Флорида», обслуживаемой холдингом «Сигма», заточка рассчитана сугубо на краткосрочное использование.

А еще она была дорогой.

– Семнадцать, – запросил Гватемалец. Карл был ему достаточно симпатичен, поэтому он снизошел до объяснений: – Мой пацан, Дэнни, здорово рискует у себя в цеху, когда собирает такие штуки. Потом я храню их. Обработываю тебе руки. Время на это трачу. Такой полный сервис задешево не бывает.

– Карл взглянул в лицо продавца, будто выточенное из полированного угля, пожал плечами, кивнул. В штате Южная Флорида существовала определенная расовая солидарность, но так далеко она не простиралась.

К тому же семнадцать было для него подъемной ценой. Честно говоря, у него было почти два десятка упаковок по двадцать капсул эндорфина, который служил в тюрьме весьма котируемой контрабандной валютой. Неважно, что через пару недель они понадобятся ему самому, чтобы выкупить у griego³⁴ Луи-Химики низкосортный кустарный препарат, который тот в очередной раз предложит. Неважно, что через несколько часов эндорфины могут пригодиться для обезболивания его собственных ран. Фокус на краткосрочные задачи. Сейчас ему нужна заточка. Об остальном он побеспокоится потом, когда и если у него появится на то свободное время.

Фокус на краткосрочные задачи.

Тюремная жизнь страшно удручала его, и порой он ловил себя на том, что думает так же, как другие заключенные. Адаптивное поведение, так назвал бы это Сазерленд. Например, после того как исправительная система Флориды приняла его в свои липкие объятия, Карл стал мастурбировать на дешевое порно. Он пришел к заключению, что лучше всего об этом вообще не думать.

Поэтому он вышел из камеры Гватемальца и с показной беззаботностью направился обратно по крылу «В», слегка согнув правую руку. В рукаве постепенно нагревалась от тепла его кожи холодная полоска лезвия. По обе стороны вздымались серые наноуглеродные трехъярусные галереи с рельсами для больших камер слежения. У этого крыла была прозрачная арочная крыша, и лучи предвечернего солнца проникали в тихий коридор. Большинство здешних обитателей работали на объектах Компании, отдавая долг обществу и пополняя казну «Сигмы». Те немногие, кто остался в крыле «В», по одному или по двое стояли, опираясь на стены галереи, или собирались небольшими кучками в холле. Когда он шел мимо, разговоры стихали, а все взгляды устремлялись к нему. На нижней галерее справа сидящий долгосрочник Эндрюс поглядел на него и едва заметно кивнул. Неожиданно Карла зазнобило, несмотря на солнечные лучи.

И причиной тому была не предстоящая разборка. Теперь, экипированный как следует, Карл был не без оснований убежден, что справится с Дудеком. Что касается арийцев, то они или не поддерживали надежных связей с внешним миром, или еще не закончили свое расследование; они знали о Карле Марсалисе лишь то, что для ниггера он выражается довольно

³⁴ Грека (исп).

странно, что его перевели из Майами из-за какой-то лазейки в законе, которая касалась только иностранцев, и что ему сорок один год, а значит, он уже старый. Возможно, арийцы считали, будто он какой-то террорист и, следовательно, иностранец и трус, который привык, что ему все подносят на блюдечке. И уж конечно они считали, что поджарый, мускулистый, покрытый татуировками Джек Дудек, которому от роду двадцать с хвостиком, порвет его пополам, и по херу, кто этот ниггер там такой. Пора научить черномазого уважению.

Но дело было не в разборке. Дело было в гаденьком ощущении, что к разборке прилагается ловушка.

Три месяца в этой свежестроенной страной дыре, а до этого – пять недель в тюрьме Майами для опасных подследственных. Ни суда, ни залога. Даты слушания откладывались и откладывались, адвокатов к нему не допускали. Призывы и дипломатическое давление со стороны АГЗООН тут же отвергали, и конца края этому было не видать. Время уходило, утекало, будто кровь из раны. Шло какое-то непрерывное расследование, о котором никто не был готов говорить, но Карл знал, что оно связано с Каракасом и смертью Ричарда Уилбринка. Иначе и быть не могло. Отношения ООН и Республики всегда были не очень, но до сих пор не представлялось возможным, чтобы штат Флорида пошел наперекор принятому политическому курсу из-за единственного безвестного арестанта, совершившего преступление в области нравов. Это само по себе уже пахло ловушкой. Нет, в какой-то момент, когда ребята из отдела пренатальных убийств еще только везли Карла в центр города, его документы проверили на самом высоком уровне. Пробыли то ли через Лэнгли, то ли через Вашингтон, то ли через какие-то более южные базы спецопераций и тем самым разбудили зверя национальной безопасности. Какие-то призрачные организации жаждали мести, холодной неявной мести за одного из своих, намереваясь строго наказать Карла Марсалиса, чтобы другим неповадно было, и пока они подбирали необходимую для этого законодательную дребедень, его следовало держать под рукой, надежно заперев в республиканской тюрьме. И если сегодня он зарежет Джека Дудека (а он преисполнен намерения поступить именно так), они, возможно, не смогут это на него повесить, зато смогут поместить его обратно в следственный изолятор, заполучив идеальный предлог, чтобы продлить арест и, может, наскрести на еще один приговор. В последний месяц он неоднократно просыпался, панически задыхаясь, в похожей на ночной кошмар уверенности, что никогда не выйдет отсюда. Это стало походить на предчувствие. Карл посадил страх на замок, старательно делая из него гнев, подогревая себя. Остановившись у выхода из крыла «В», он поднял лицо к лазеру. Голубой свет скользнул по его чертам, машина тут же свернулась с базой, и двери открылись. Он вошел. Часовня располагалась слева по пятидесятиметровому коридору, на полпути к кухонному складу. Система наблюдения отследит, как он пройдет двадцать пять метров, свернет в поражающе воображение двойные двери из резного нанотика, и на этом все. Карл ощутил, как рывком активизировался меш, вступая в реакцию с низкокачественными хлоридами Луи-Химика.

Ладно, Джекки, пацанчик. Давай-ка сделаем это, на хер уже.

Дверь часовни плавно подалась назад, когда он ее толкнул, и отъехала на гидравлических петлях. Стали видны два ряда скамей, тоже из генетически выведенного тика. Отдельные предметы мебелировки казались островами на блестящем море пола из плавленого стекла. Во внутреннем убранстве часовни ощущались скромные отголоски архитектуры современных церквей. На ограду алтаря и кафедру проповедника косыми лучами падал свет. Между алтарной оградой и первым рядом скамей стояли бок о бок Джек Дудек и еще один ариец покрупнее. Оба были одеты в синие тюремные комбинезоны, спущенные с груди и аккуратно завязанные на талии, под ними виднелись типовые серые футболки с короткими рукавами. Третий бритоголовый качок, одетый таким же образом, поднимался со скамьи справа. Он жевал жвачку.

– Здорово, ниггер, – громко сказал Дудек.

Маралис кивнул:

– Тебе помощники, вижу, понадобились?

– Не нужны мне, на хер, никакие помощники, чтобы из твоей жопы ремней нарезать, негрила. Марти и Рой тут, чтобы нам никто не мешал, бля.

– Во-во, *ниггер*. – Тот, что жевал резинку, выбрался из рядов скамеек, глаза насмешливо прищурены, голос сочится оскорбительными нотками.

Карл придержал вспыхнувшую ярость и представил, как выдавливают эти глаза.

«Держи это в себе, ловец».

Состояние угнетало – он терял контроль над собственными реакциями. Он отследил, как изменилось за последние четыре месяца его отношение к старинным расистским ругательствам, которые все еще были в ходу в Республике. *Ниггер*. Первые пару раз слово обескуражило и показалось каким-то старомодным, будто дуэльная перчатка, которую швырнули в физиономию. Шло время, и Карл стал воспринимать это слово как словесный плевок – именно так оно тут, собственно, и использовалось. То, что многие чернокожие сами называли себя и своих соплеменников этим словом, никак не сдерживало медленно пробуждающийся гнев тринадцатого. Для них это – доморощенный защитный механизм, но он-то не из этих мест. Шли бы лесом эти республиканцы, живут хуже обезьян, ей-богу.

«Держи это в себе».

Тот, что со жвачкой, тяжело зашагал к нему по проходу. Карл отодвинулся к правому ряду скамей и ждал, впившись в приближающегося арийца взглядом, пытаясь понять по глазам, что тот намерен делать. Он решил, если что, бить снизу и слева, локтем в подбородок и ботинком по голени. Не хотелось бы раньше времени демонстрировать Дудеку заточку.

Однако ариец подтвердил слова Дудека. Презрительно фыркнув, он прошел мимо и занял позицию у дверей. Карл двинулся по проходу, ощущая пробуждение меша, который вибрировал, будто плохие тормоза. Неидеально, конечно, но сойдет. Миновав два передних ряда скамей, он очутился напротив Дудека. Между ними было теперь лишь пять метров стеклянного пола. Карл небрежно поднял левую руку, чтобы отвлечь внимание противника от правой, и обрадовался про себя, когда взгляд Дудека последовал за ее движением.

– Ну что, беложопый, тебе разборка нужна? – Карл продолжил, пародируя иисуслендский выговор: – Юг опять поднимется!..

– *Юг уже* поднялся, ниггер, – бросил большой ариец, стоявший рядом с Дудеком. – И Конфедеративная Республика – это Америка для белых.

Карл быстро взглянул на него.

– Да, то-то я вижу, как тебе в ней хорошо.

Большой ариец набычился, шагнул вперед. Дудек поднял руку и отодвинул его обратно, не сводя глаз с Карла.

– Незачем беситься, Ли, – негромко сказал он. – Это же...

– Джек! – Шипящий шепот от двери. Тот, что стоял на стреме, неистово жестикулировал. – Вертухай!

Все изменилось, неправдоподобно быстро и почти комично. За считанные секунды арийцы шлепнулись на переднюю скамью, бок о бок, и склонили бритые головы, изображая молитву. Тот, что стоял на шухере, прошел на два ряда вперед и сделал то же самое. Карл сдавленно фыркнул и занял место на передней скамье по другую сторону прохода от той, где сидели Дудек с Роем. Меш волновался, пытаясь освободиться. Краем глаза поглядывая на тех двоих, Карл ждал, опустив голову и следя за дыханием. Если надзиратели пройдут мимо, разборка начнется с того самого места, на котором ее прервали, только Рой к тому времени остынет, и снова разозлить его как следует уже не получится. Карл-то планировал взбесить его так, чтобы он оказался на пути у Дудека, и в сумятице прирезать обоих. А теперь...

Шаги в задней части часовни.

– Марсалис!

Вот черт.

Он оглянулся. Три вертухая: двое из дневной смены крыла «В», Фольц и Гарсия, оба с карабинами-травматами, сканируют взглядом ряды скамей с профессиональным спокойствием. Третий, незнакомый, был без оружия, гарнитура для связи в его ухе и перед губами выглядела новехонькой. Белый, лет сорока или сорока с небольшим. Карл определил его как представителя администрации, возможно занимающего высокий пост. Его волосы тронула седина, лицо избородили морщины – возраст и усталость, – но в глазах не было привычной настороженности тех, кто по долгу службы вынужден постоянно прогуливаться по тюремным галереям. То, что Карл не знал его, само по себе ничего не значило, тюрьма штата Южная Флорида – заведение большое. Но в игре «апелляция – отказ – новая апелляция» ему уже раз десять приходилось сталкиваться с представителями администрации, а память на лица у него была хорошая. Где бы этот мужик ни работал, Карл там не бывал и его не видел.

– Так, Марсалис, че тут делаем? – Челюсти Фольца ритмично двигались, перемалывая жвачку. – Ты ж неверующий.

Ответа не требовалось. Гарсия и Фольц были тертыми калачами и знали, что обычно происходит в часовне. Взгляд Фольца переместился к Дудеку и Ли, и он кивнул сам себе:

– Ищем расовую гармонию в Господе, да, парни?

Арийцы на передней скамье промолчали. Третий сторонник теории расового превосходства сидел так, что приклад карабина Гарсии находился у самого его уха.

– Ну хватит, – отрезал тот, что в штатском. – Марсалис, в администрацию.

Крошечный всплеск надежды. Встречи с Андриц-ким, представителем АГЗООН, бывали каждый второй вторник, в первой половине дня. Если кто-то без предупреждения явился в конце недели, должно быть, принес хорошие новости. *Должно* быть. Кто-то где-то должен был найти слабое место республиканской плотины, которая зиждится на ксенофобии и ложной нравственности. Останется только надавить в нужном месте, тогда юридические и дипломатические процессы пойдут как надо, и Карла Марсалиса вытащат наконец из этой сраной тюрьмы и вернут домой.

«Да, надейся на это, ловец». Он дал заточке соскользнуть по рукаву вниз и беззвучно упасть на скамью. Затолкал ее пальцами между сиденьем и спинкой и поднялся. Он сделал это незаметно, в том числе для арийцев, которые как следует не видели место, где он сидел. «Семнадцать», – вспомнилось ему, и по телу пробежал легкий холодок. У него не было ни финансов, ни другой валюты, чтобы приобрести еще одну заточку, если надежды не оправдаются и он вернется в крыло «В» к Дудеку с его уязвленным расовым превосходством. И меш там или не меш, без оружия он, вероятнее всего, пострадает.

Надежда неожиданно превратилась в тошнотворное уныние и бессмысленную нарастающую злость.

Реджи Барнс, надеюсь, ты сдохнешь на хер в этом респираторе.

Он пошел по проходу к надзирателям. Дудек повернулся, чтобы посмотреть ему вслед. Карл заметил это краем глаза, с каменным лицом обернулся, чтобы встретиться с арийцем взглядом, и увидел в лице того голод и неутоленную кровожадность. Однако под маской невозмутимого спокойствия он вдруг ощутил, как утомляет его молодость и ярость этого человека и та ненависть, которую словно бы источают не только Дудек и ему подобные, но и сами тюремные стены вокруг него. Казалось, учреждения вроде тюрьмы штата Южная Флорида – это железы среди внутренних органов Республики, естественная функция которых – вырабатывать разъедающую все на своем пути ненависть, сгущать ее и впрыскивать в кровеносную систему нации.

– Вперед смотри, Дудек, – Фольц заметил, что ариец прямо-таки искрит, и подпустил в голос иронию: – Ты как-то неправильно молишься, сынок.

Карл не оглянулся посмотреть, как Дудек подчинится, – незачем. Совершенно неважно, как там теперь выглядит Дудек и куда он глядит. Карл спиной ощущал его ненависть, она разрасталась, будто гигантская мягкая шаро-образная опухоль, заполняя собой весь дом молитвы. Тюремный устав стоит на вере. У каждого свой собственный бог, и бог Дудека был белым, как крошка пенопласта.

Голос Сазерленда, глубокий и изумленный, будто мед, разлился в голове.

«В ненависти нет ничего нового, ловец. Она нужна им, как воздух. Без нее они развалятся на части. Тринадцатые просто новый крючок, на который они попались».

«Предполагается, что я должен от этого лучше себя почувствовать?»

И Сазерленд пожал плечами.

«Предполагается, что ты будешь к этому готов. А чего тебе еще надо?»

Пока он шел, – вначале по крылу «В», а потом через двор к зданию администрации, – внутри боролись страх и надежда. Флоридская жара окутала его, как теплое влажное полотенце. Пробившиеся сквозь облачный покров лучи солнца резали глаза. Он прищурился и вытянул шею в поисках каких-нибудь знаков. На крыше не было вертолета, который означал бы визит высокого гостя из Таллахасси или Вашингтона. В сером небе тоже пусто – ни звука, который намекнул бы, что на стоянке за массивным двойным забором тюрьмы что-то происходит. Журналисты не суетятся, машин спутниковой трансляции тоже не видать. Пару месяцев назад, вскоре после того, как его перевели сюда, Андрицкий слил прессе кое-какие детали в надежде вызвать возмущение общественности, чтобы добиться его скорейшего освобождения. Это кончилось плохо, средства массовой информации сосредоточились исключительно на том, что Карл – тайный агент АГЗООН, и смерти Габриэллы в лагере «Гаррод Хоркан 9». Связь с ООН, которую так успешно можно использовать как тяжелую артиллерию в любом другом уголке земного шара, тут привела только к обострению старой доброй паранойи, которую тщательно подпитывали со времен Раскола, а то и с более ранних. Не способствовал подвижкам и цвет кожи Карла, пробуждавший глубинные атавистические страхи республиканцев. Его образ, сервированный каналом «Техноколор», освещавшим гут новости государственного масштаба, лишь подтверждал сложившийся за почти сто пятьдесят лет экранный стереотип.

Черный, арестант, опасен.

На данный момент этого, казалось, было более чем достаточно для целей Республики. До сих пор ни «Сигма», ни законодательное собрание Флориды не сочли нужным слить информацию о генетическом статусе Карла, – за что тот был соответствующим образом благодарен: такая огласка была бы равносильна смертному приговору в тюрьме. Перед входом в его камеру выстроилась бы очередь парней вроде Дудека, только всевозможных национальностей и вероисповеданий, преисполненных общей ненависти и желающих попытаться счастья против монстра. Он не знал, почему эта информация придерживается, ведь администрация наверняка была в курсе. То, кем он является, не скрывалось, достаточно слегка копнуть в лагере «Гаррод Хоркан 9», или в самой общей документации АГЗООН, или даже бегло просмотреть доклады восьмилетней давности по делу «Фелипе Соуза», чтобы это стало известно. Карл предполагал, что журналисты до поры до времени прикинулись глухонемыми в угоду властям, но не мог понять, властям-то это зачем. Может, они придерживали козырь против ООН, чтобы выложить его в крайнем случае, или боялись паники, которую могла вызвать подобная новость в обществе. А может, какие-то процессы межведомственных согласований ползли медленным червем, а когда они наконец доползут, то ему начнут мстить за Уилбринк, и перед камерой Карла выстроится очередь рассерженных молодых людей с заточками в рукавах.

Если он к тому времени все еще будет в ней находиться.

Надежда. Отчаяние. В животе будто раскачивался шаровой таран. Они прошли нудную проверку на входе в административный корпус, где в Карла потыкали сканером и обыскали вручную, хлопав бока. Грубые голоса, отдающие приказы; бесцеремонные, сноровистые руки.

Фольц откланялся, Гарсия с незнакомцем остались, отконвоировав Карла вверх по двум пролетам лязгающей металлической лестницы. Через тяжелые двери они вошли в неожиданную тишь устланных коврами административных помещений тюрьмы. Внезапная прохлада высушила пот на его коже. Облицованные стены, неброские эмблемы «Сигмы» и тюрьмы штата Южная Флорида в приглушенных тонах, даже темно-синие и ярко-оранжевые цвета униформы заключенного поблекли тут до пастельных оттенков. От подобной перемены все органы чувств Карла будто встали на дыбы. Мимо них прошла женщина в юбке – настоящая женщина, а не голопорнографическая подделка, наверно слегка за пятьдесят, но вполне привлекательная, самая что ни на есть реальная под одеждой. Когда они разминулись, Карл ощутил ее запах – запах женщины, и какой-то смутно знакомый тяжелый мускусный аромат. Будто в тюрьму ворвалась внезапно вольная жизнь, ткнув его в основание позвоночника.

– Сюда, – жестом указал незнакомый сотрудник тюрьмы. – Комната для совещаний номер четыре.

Сердце, дрогнув, провалилось куда-то в желудок, вызвав волну тошноты. Значит, все-таки приехал Андриц-кий. Комната для совещаний номер четыре была крохотным помещением с единственным окном, за маленьким продолговатым столом едва помещались двое или трое. Конечно, неподходящее место для почтенных представителей законодательного собрания штата или делегации ООН. Ничего важного в комнате для совещаний номер четыре происходить не может. Он проведет час с Андриц-ким, может, будут какие-то новости по его апелляции, а потом придется вернуться в жилой блок, к Дудеку. Ему писец.

«Держи. Это. В себе».

Он вздохнул, принимая новое положение вещей, и принялся составлять план. Ситуативный дзен Сазерленда. Не скули, не жалуйся, *наблюдай за происходящим и будь готов ко всему*. Дано: дверь, за ней Андрицкий и его попытки по-товарищески поддержать и успокоить, да только сквозь них ясно читается откровенное облегчение от того, что сам он не там, где Карл. Впереди час бесполезного изложения бюрократических фактов вперемежку с неловким молчанием и периодически накарывающей ярости от осознания полного бессилия АГЗООН в этой сраной иисуслендской дыре. Впереди...

Это был не Андрицкий.

Карл застыл в открытых дверях. Ситуативный дзен Сазерленда исчез, как ухнувшая в колодець пачка бумаг, как чайки – только что парили над головой, и вот их уже нет. Улетучился и гнев.

– Добрый день, мистер Марсалис. – Говоривший был белым мужчиной, высоким, лощеным и элегантным, в серо-голубом микропоровом костюме, который сидел как влитой. Его обладатель встал и обошел стол, протягивая руку: – Я Том Нортон. Благодарю вас, джентльмены, пока все. Я позвоню, когда мы закончим.

Повисло наэлектризованное молчание. Карл почувствовал, как у него за спиной обменялись взглядами. Гарсия откашлялся:

– Этот заключенный склонен к насилию, сэр. Неприемлемо оставлять вас наедине.

– Гм, любопытно. – Нортон говорил вежливо, но это была вежливость на грани. – Судя по информации, которой я располагаю, мистер Марсалис задержан по обвинению в преступлении против нравственности, и его виновность не доказана. Не было даже предварительного слушания.

– Это против правил, – настаивал Гарсия.

– Присядьте, пожалуйста, мистер Марсалис. – Нортон смотрел ему за спину, на Гарсию и другого сотрудника тюрьмы. Выражение его лица стало холодным. Он достал из кармана пиджака телефон, набрал номер, поднес трубку к уху – Здравствуйте. Да, говорит Том Нортон, не могли бы вы соединить меня с начальником тюрьмы? Спасибо.

Короткая пауза. Карл занял место за столом, на котором лежал слегка приоткрытый тонкий черный инфопланшетник. На нем не было никакого логотипа. Значит, «МарсТех». Рядом лежал какой-то документ на непривычном для Карла бланке. Он просмотрел перевернутый текст – и в глаза бросилось слово «освободить», от которого подпрыгнуло сердце. Нортон адресовал ему легкую, отстраненную улыбку.

– Здравствуйте, господин Перрис. Мне тут нужна ваша помощь. Нет, ничего серьезного. У меня просто возникли небольшие затруднения с персоналом. Один из ваших людей настаивает... Не могли бы вы... Да, спасибо, это было бы идеально. – Он передал трубку Гарсии – Начальник тюрьмы хочет с вами поговорить.

Гарсия взял телефон так, словно тот мог укусить, и осторожно поднес к уху. То, что говорил ему начальник, слышать было невозможно – это был хороший телефон, до посторонних ни звука не доносилось, – но лицо Гарсии вспыхнуло и горело румянцем все время, пока он слушал. Его глаза металась с Карла на Нортон и обратно, как будто те были двумя деталями пазла, которые никак не подходили друг к другу. Пару раз он пытался сказать нечто вроде: «Да, но...» – однако при каждой попытке замолкал на полуслове. Очевидно, Перрис не был настроен на дебаты. Когда в конце концов Гарсия получил возможность что-то сказать, он проговорил только: «Да, сэр» и немедленно отнял трубку от уха. Нортон протянул руку, чтобы забрать ее, но все еще красный Гарсия, игнорируя его жест, швырнул телефон на стол. Тот почти беззвучно приземлился на столешницу и проехал по ней сантиметров пять. Значит, это был *очень* хороший телефон. Гарсия уставился на него, возможно недоумевая, почему проклятая штукавина не свалилась на пол. Нортон прибрал свое имущество обратно в карман.

– Благодарю вас.

Мгновение Гарсия молча ел Нортон глазами. Второй сотрудник тюрьмы что-то шепнул ему и взял за плечо, но Гарсия смахнул его руку и ткнул пальцем в Карла.

– Этот человек опасен, – с нажимом сказал он. – Если вы этого не понимаете, то так вам и надо.

Сотрудник в штатском выдворил его и закрыл дверь.

Нортон выждал мгновение, потом уселся рядом с Карлом и впился в него бледно-голубыми глазами. Его улыбка исчезла.

– Итак, – сказал Нортон, – вы опасны, мистер Марсалис?

– А кто интересуется?

Ответом ему было пожатие плечами:

– Строго говоря, никто. Это был риторический вопрос. Мы ознакомились с вашим делом. Скажем так, вы достаточно опасны, чтобы послужить нашим целям. Но мне любопытно, что вы сами об этом думаете.

Карл уставился на него:

– А вы сами-то сидели?

– По счастью, нет. Но, даже если бы и сидел, вряд ли это можно было бы сравнить с вашим нынешним опытом. Я не гражданин Конфедеративной Республики.

Последние два слова он произнес с легким отвращением. Карл попытался угадать:

– Вы канадец?

Уголок рта Нортон изогнулся:

– Я из Северо-Атлантического Союза. И я здесь, мистер Марсалис, по поручению Колониальной Инициативы Западных Стран. Мы хотели бы предложить вам работу.

Глава 12

Стоило ему войти в дверь, и Севджи поняла, что она в опасности.

Это – что-то – проглядывало в раскованности его движений, в устойчивости позы, когда он остановился возле стула, в том, как он отодвинул его и уселся. Сквозило от упрямого в бесформенный синий тюремный комбинезон тела – так пробивается сквозь радиопомехи музыка. Это смотрело из его глаз, когда он устроился на стуле, сочилось из спокойной уверенности, которую он принес с собой в комнату. Он не был Итаном – его кожа была куда темнее, да и в чертах лица нет сходства. К тому же Итан был покрывистей, помускулистей.

Итан умер, когда был моложе.

Но это не имело значения. От этого ничего не менялось.

Тринадцатый.

– Мистер Марсалис?

Он кивнул. Ждал.

– Я Севджи Эртекин, служба безопасности КОЛИН. Вы уже встречались с моим напарником, Томом Нортоном. Есть ряд вещей, которые нужно уточнить, прежде чем...

– Я возьмусь. – Его голос был низким и мелодичным. Британский акцент сбил ее с толку.

– Простите?

– За все, что вам от меня нужно. Возьмусь за все. При определенных условиях. Я уже говорил вашему напарнику. Я возьмусь, если с меня безоговорочно снимут все обвинения, немедленно освободят из республиканской тюрьмы и компенсируют возможные расходы на то время, что я буду делать вашу грязную работенку.

Она прищурилась:

– То, что работенка будет грязной, это всего лишь ваши предположения, мистер Марсалис.

– Разве? – Он поднял бровь. – Не то чтобы я славился как мастер флористики. Но, может, мои предположения все-таки неверны? Давайте посмотрим. Думаю, вы хотите кого-то выследить. Кого-то вроде меня. Прекрасно, это по моему профилю. Мне неясно только, нужен он вам живым, или это необязательно.

– Мы же не убийцы, мистер Марсалис.

– Говорите за себя.

Она почувствовала, как разгорается старое пламя гнева.

– И вы этим гордитесь, да?

– А вас это огорчает?

Она посмотрела на раскрытый инфопланшетник, в текст, который был там набран.

– В Перу вы убили раненую безоружную женщину выстрелом в затылок. Вы казнили ее. Этим вы тоже гордитесь?

Долгая пауза. Она встретилась с ним взглядом и не отвела глаз. На миг ей подумалось, что он сейчас встанет и уйдет. Она поняла, что отчасти даже надеется на это.

Вместо этого он неожиданно перевел взгляд на одно из высоко расположенных окон кабинета. Его губ коснулась легкая улыбка. Исчезла. Он прокашлялся:

– Госпожа Эртекин, вам известно, что представляет собой пистолет «Хааг»?

– Да, я о нем читала. – В полицейском коммюнике, призывавшем городской совет Нью-Йорка ужесточить контроль над огнестрельным оружием, прежде чем на улицах появится эта новая угроза. Настолько пугающая, что инициатива была одобрена почти без дебатов. – Это биологическое оружие.

– На самом деле это нечто большее. – Он наклонил голову и посмотрел на собственную расслабленную ладонь правой руки, будто ожидая увидеть там увесистый пистолет. – Это

система, поражающая организм генетически модифицированным комплексом вирусов иммунодефицита, называется «Фолвелл семь». Есть и другие заряды, но они не слишком широко используются. «Фолвелл» – штука сильнодействующая и очень неприятная. Лечения не существует. Вы когда-нибудь видели, как умирают люди с отказавшей иммунной системой, госпожа Эртекин?

Да, она видела. Налан, двоюродная сестра из Хаккари, любительница потусоваться на приграничных базах, где Турция выполняет почетный долг буфера между Европой и ближневосточным хаосом. Она чем-то заразилась от солдата ООН. Ее семья, гордящаяся своей праведностью, изгнала девушку. Отец Севджи плюнул на все и нашел способ забрать племянницу в Нью-Йорк, где у него были знакомства в одной из современных исследовательских клиник. Отношения с родней в Турции, и без того напряженные, оборвались окончательно. Он никогда больше не разговаривал со своим братом. Севджи, которой в ту пору было всего четырнадцать, ездила вместе с ним в аэропорт встретить бледную, большеглазую девушку, которая, как казалось тогда, была старше на невесть сколько лет, но совершенно не обладала мудростью и опытом городского подростка. Севджи до сих пор помнила выражение лица Налан, когда они все вошли в одну дверь мечети на Скиллмен-авеню.

Мурат Эртекин делал все, что мог. Он внес Налан в больничные списки экспериментального лечения, а дома кормил витаминами и давал противовирусные препараты. Он расписал для нее стены гостевой спальни солнечно-желтым и зеленым, чтобы комната походила на парк. Впервые за долгие годы он молился по пять раз в день. И наконец он плакал.

Налан все равно умерла.

Севджи сморгнула, отгоняя воспоминание о пропотевших простынях и умоляющих, ввалившихся глазах.

– Вы хотите сказать, что оказали этой женщине любезность?

– Я хочу сказать, что быстро и безболезненно отправил ее туда, где она все равно бы очутилась.

– Не думаете, что это она должна была выбирать?

Он пожал плечами:

– Она сделала выбор, когда бросилась на меня.

Если бы у нее имелись сомнения в том, кто он, теперь они рассеялись бы. То же непоколебимое спокойствие, которое она видела в Итане, та же психическая мощь. Он сидел на стуле, будто вырезанный из черного камня, и смотрел на нее. Севджи почувствовала, как в груди что-то слегка шелохнулось.

Она коснулась клавиатуры инфопланшета. На дисплее открылась новая страница.

– Недавно вы участвовали в тюремной драке. В душевом блоке крыла «Ф». Четыре человека госпитализированы. Три – по вашей вине.

Пауза. Молчание.

– Не хотите рассказать, как это выглядело с вашей точки зрения?

Он шевельнулся:

– Думаю, детали говорят сами за себя. Три белых мужчины, один черный. Арийская команда избивала его в наказание.

– И персонал тюрьмы ничего не сделал, чтобы это предотвратить?

– Видеокамеры в душевой не всегда работают корректно из-за высокого уровня пара. Это цитата. – Его губы слегка скривились. – Либо из-за того, что линзы залеплены мылом. Тогда персонал лишается возможности оперативно реагировать на ситуацию. По независящим от него обстоятельствам. Это тоже цитата.

– И вы, значит, сочли необходимым вмешаться. – Она поискала причины, которые подошла бы Итану. – Этот Реджинальд Барнс, он ваш друг?

– Нет. Он сраный стукач и заслужил то, что получил. Но я тогда этого не знал.

– Он был генетически модифицирован?

Марсалис усмехнулся:

– Нет, разве что есть какой-то проект, где производят безмозглых, склонных к наркотической зависимости лажовщиков.

– Тогда, значит, вы помогли из-за цвета его кожи?

Усмешка исчезла, сменившись хмурым взглядом.

– Просто не хотелось смотреть, как его в задницу электродрелью трахают. Полагаю, это расово-нейтральный мотив, как по-вашему?

Севджи пришлось придержать свой норов. Разговор и без того шел нелучшим образом. Из-за отходняка после сина она была ершистой – в Иисусленде запрещены синаптические модификаторы, поэтому их забрали еще в аэропорту – и до сих пор ярилась из-за спора, который проиграла Нортону в Нью-Йорке.

– *Я серьезно, Сев. Управляющий совет сам не свой из-за этого дела. Ортис и Рот три раза в неделю приходят во второй отдел...*

– *Прямо во плоти? Какая несть!*

– *Им нужны рапорты, как все продвигается, Сев. Что подразумевает, мол, оно продвигается, а оно ни черта. Если мы не сделаем что-то, что сойдет за свежее розыскное мероприятие, Николсон лично повалит нас на землю и растопчет. Я-то это переживу, а ты?*

Она знала, что не переживет.

Октябрь. В Нью-Йорке листва в Центральном парке желтеет и рыжеет. Под ее окном, в которое она каждый день смотрела перед выходом на работу, уличные торговцы кутаются в теплую одежду от утреннего холодка. Лето развернулось, накренилось, как самолет в ясном синем небе над городом, и теперь свет солнца холодно сверкает, отразившись от его крыльев. Тепло еще не совсем ушло, но оно быстро тает. А в Южной Флориде оно задержалось.

– Что именно рассказал вам Нортон?

– Немногое. У вас проблема, с которой не поможет АГЗООН. Он не сказал, почему, но я думаю, что это связано с Мюнхеном. – Он неожиданно улыбнулся, и его лицо словно помолодело лет на десять. – Вы наверняка должны были подписать Соглашение, как и все остальные.

– КОЛИН одобрила их. В принципе, – сказала Севджи, чувствуя, что она без нужды занимает оборонительную позицию.

– Ага, все дело в принципах, правильно? Принципиально так: вы не будете диктовать нам, что делать, бюрократы вы эдакие, шваль глобалистская.

Это было близко к истине, поэтому Севджи не стала спорить.

– Это может стать проблемой?

– Нет. Я фрилансер. Моя лояльность приобретается исключительно деньгами. Я же говорю, просто скажите, что от меня требуется.

Мгновение она колебалась. Специалисты КОЛИН встроили в инфопланшетник шифратор резонанса, сделавший этот девайс надежнее, чем любой из тех, что адвокаты пронесли когда-либо в допросные кабинеты штата Южная Флорида. И Марсалис определенно жаждал выбраться из тюрьмы. Но все же последние четыре месяца наложили на него отпечаток.

– Мы ищем, – сказала она наконец, – беглого тринадцатого. Он в бегах с июня. И совершает убийства.

Он хмыкнул. Никаких признаков удивления.

– А где он сидел? Симаррон? Танана?

– Нет. На Марсе.

В этот раз она его удивила. Он выпрямился.

– Это совершенно секретно, мистер Марсалис. Нужно, чтобы вы это поняли, прежде чем мы начнем. Про убийства – у них большой территориальный разброс и разная техника исполнения. Официально они никак между собой не связаны, и мы хотим, чтобы так и оставалось.

– Готов поспорить, что хотите. Как он прошел систему безопасности нанопричала?

– Он ее не проходил. Вывел из строя стыковочный механизм, и корабль рухнул в Тихий океан. К тому времени, как мы туда добрались, он уже был таков.

Марсалис поджал губы, будто беззвучно присвистнул.

– Да, это идея.

Она решилась рассказать остальное. Все что угодно, лишь бы с его лица исчезла эта высокомерная многоопытная сдержанность.

– До этого он систематически калечил криокэппированных пассажиров корабля. Ампутировал конечности, питался ими, людей снова замораживал живьем, а под конец начал убивать их и срезать с тел мясо.

Кивок.

– Сколько длился полет?

– Тридцать три недели. Вы не кажетесь удивленным.

– Это потому, что я не удивлен. Если где-то застрял, нужно чем-то питаться.

– Вот, значит, какой у вас ход мыслей.

В его глазах мелькнула какая-то тень. Голос стал даже суше, чем раньше:

– Так вот как вы на меня вышли! Ассоциативный поиск?

– Вроде того. – Она решила не упоминать о внезапном энтузиазме, который охватил по этому поводу Нортон. – Наш н-джинн-профайлер указал на вас, как на единственного тринадцатого, побывавшего в подобных обстоятельствах.

Марсалис удостоил ее натянутой улыбки:

– Я никого не съел.

– Нет. Но вы же об этом подумывали?

Он некоторое время хранил молчание. Она уже собралась повторить свой вопрос, когда он встал, подошел к высокому окну и уставился в небо.

– Была такая мысль несколько раз, – сказал он спокойно. – Я знал, что спасатели в пути, но до их прибытия было добрых два месяца. В голове рождались всякие сценарии, тут уж ничего не поделаешь. Что, если они так и не прилетят, если случится нечто непредвиденное? Что, если... – Он замолчал. Отвел взгляд от облаков и посмотрел ей в лицо. – Он бодрствовал все эти тридцать три недели?

– Большую часть. Насколько мы можем судить, криокапсула пробудила его через две недели после старта.

– И марсианский центр управления полетами не развернул корабль?

– На Марсе ничего об этом не знали, – отмахнулась Севджи. – Н-джинн выключился, похоже, не без чьей-то помощи. Корабль шел в автоматическом режиме. Молчал. И сразу после этого наш парень проснулся.

– Какие же замечательные совпадения.

– Да, не правда ли?

– С кулинарной точки зрения не очень удобно вышло.

– Да. Мы убеждены, что кто-то напутал с настройками времени пробуждения. Тот, кто испортил н-джинна, скорее всего запланировал, что система разморозит беглеца недели за две до прибытия, но во внедренной программе что-то полетело к черту, и наш друг проснулся, наоборот, через две недели после старта. Голодный, злой и, вероятно, не вполне вмняемый.

– Вам известно, кто он?

Севджи кивнула, снова коснулась клавиатуры и развернула инфопланшетник так, чтобы они оба могли видеть экран и лицо на нем. Марсалис отошел от окна и непринужденно уселся на край стола. Его голова темнела на фоне солнечного света.

– Аллен Меррин. Мы нашли следы его генетического материала на борту «Гордости Хоркана», разбитого им корабля, и проббили по базе данных КОЛИН. Вот что получилось.

Это происходило почти неуловимо, но сосредоточенность Марсалиса постепенно росла, а его показное самообладание перерастало во что-то иное. Севджи видела, как его глаза пробежали по тексту возле бледной фотографии, – мужчина на ней был снят по грудь, как для документа. Этот текст она могла бы процитировать наизусть.

«Меррин, Аллен (идентификационный номер 48523dx3814). Дата и место рождения: 26 апреля 2064 года, Таос, Нью-Мехико (проект „Страж Закона“). Реципиент матки Биликису Санкаре, источники генетического материала – Айзек Хюбшер и Изабелла Гайосо (идентификационные номера прилагаются). Все модификации генетических кодов являются собственностью „Элленсис Холл Инк.“, патенты (Партнерская программа „Элленсис Холл“ и ВС США, 2029). Первоначальная адаптация и обучение – Таос, Нью-Мехико, развитие специальных навыков – Форт-Беннинг, Джорджия (секретные операции, противоповстанческая деятельность). Был задействован: Индонезия 2083, Аравийский полуостров 2084–2085, Таджикистан 2085–2087, Аргентина – Боливия 2088, ШТК (программа усмирения городских беспорядков). В отставке с 2092 (в соответствии со Второй директивой АГЗООН, протокол Джейкобсена). Переселение на Марс одобрено 2094 (запись о гражданстве КОЛИН прилагается)».

– На Христа очень похож.

Она моргнула:

– Простите?

– Лицо. – Он постучал ногтем по экрану, и от прикосновения в разные стороны разбежались лучики. От них лицо Меррина будто слегка скривилось. – Прямо как со спутникового канала для верующих. Или из того аниме, «Когда он придет», которое сняли в память о Джонни Кэше.

Она не успела спрятать улыбку. Марсалис осклабился в ответ, слегка отодвинул стул и снова уселся.

– Видели? Тут его постоянно крутят. Исправление, основанное на вере, знаете ли.

Хватит уже лыбиться, как телеведущая, Сев. Возьми себя в руки.

– Значит, вы его не узнаете?

Удивленный, косой взгляд.

– С чего бы?

– Вы были в Иране.

– А кто там не был? – Она молча ждала, и Марсалис вздохнул. – Да, мы слышали о «Стражах Закона». Несколько раз видели их издали в Иране, возле Ахваза.

Но из того, что у вас тут есть, непохоже, чтобы Меррин бывал так далеко на севере.

– Это возможно, – кивнула на экран Севджи. – Буду с вами честна, в этой выписке все весьма кратко и не слишком точно. А если копнуть насчет его операций, ясности будет еще меньше. Засекреченные переброски, якобы потерянные документы, сплетни, слухи, «известно, что у объекта имеется...», всякая такая херь. На каждом углу власти отрицают и засекречивают. Плюс полный набор всякой, чтоб ее, героической мифологии. Я видела данные, судя по которым Меррин в один и тот же день проявил себя в горячих точках, которые разделяет километров сто, свидетельства очевидцев о том, что он получил ранения, а медкартой они не подтверждены, причем некоторые из этих ранений несовместимы с жизнью. Мы не можем быть полностью уверены даже насчет его деятельности в Южной Америке. Он был в Таджикистане – нет, не был, а был, наоборот, все еще в Боливии; он работал как самостоятельная боевая

единица – ах нет, он руководил отрядом «Стражей Закона» в Эль-Кувейте. – Ее раздражение выплеснулось наружу. – Говорю вам, этот мужик – прямо призрак какой-то.

Он улыбнулся, ей показалось, немного печальной улыбкой и проговорил:

– По тем временам мы все ими были. Призраками, я имею в виду. У нас в Британии была своя собственная версия проекта «Страж Закона», только, конечно, без бредового названия. Мы назывались «Скопа». А у французов был «Восьмой отдел». И никто из нас официально даже не существовал. Вы должны помнить, госпожа Эртекин, что в восьмидесятые годы вся история с тринадцатыми только начиналась. Все знали, что эта технология есть, и каждый считал своим долгом заверить, что не имеет к ней никакого отношения. АГЗООН тогда еще даже не существовала, по крайней мере как независимый орган. Она была только частью Комиссии по правам человека. И желания позволить кому-то попристальнее приглядеться к новым генетически модифицированным воинам ни у кого не возникало. Весь Ближний Восток был полигоном для всевозможной ультрасовременной мерзости, и все это происходило в условиях полнейшего отрицания. Вы же знаете, как такое дерьмо устроено, правда?

Она опять моргнула.

– Какое дерьмо?

– Отрицание вины за незнанием последствий. Вы ведь работаете на КОЛИН, правильно?

– Я работаю в КОЛИН два с половиной года, – сказала она холодно. – До этого я была детективом в полиции Нью-Йорка.

Он снова улыбнулся, на этот раз чуть веселее.

– Но набить руку вы все равно уже успели. «Это совершенно секретно, мы хотим, чтобы так было и дальше». Очень в стиле КОЛИН.

– Суть не в этом. – Она постаралась, чтобы ее голос не звучал напряженно, но не преуспела в этом. – Нам не нужна паника.

– Сколько человек он уже убил? В смысле тут, на Земле.

– Мы думаем, около двадцати. С некоторыми эпизодами не все ясно, но косвенные улики указывают на то, что они все связаны. В семнадцати случаях есть подтверждающий генетический материал.

Марсалис скривился.

– Предприимчивый ушлепок. Все эпизоды на территории Штатов Кольца?

– Нет. Первые убийства произошли в Области Залива Сан-Франциско, но потом захватили всю континентальную Северную Америку.

– Так он перемещается.

– Да. Он мобилен и, похоже, отлично разбирается в системах слежения. Он убил двоих в Области Залива тринадцатого июня, а меньше чем через неделю – еще одного на юго-востоке Техаса. И не оставил никаких следов ни в списках пассажиров летательных средств, ни в службе пограничного контроля ШТК. Наш н-джинн проверил лица всех пассажиров, в течение недели въезжавших в Республику по суше, воде и воздуху, – и ничего.

– Он мог изменить лицо.

– Меньше чем за неделю? И сделать документы? У Штатов Кольца самая серьезная граница во всем мире. К тому же у н-джинна, распознававшего лица, была инструкция отмечать всякого с бинтами или следами хирургического вмешательства на лице. Он засек лишь кучку богатеньких засранцев, которые ехали домой после косметических процедур на Западном берегу, и парочку пожилых звезд эротического кино.

Севджи увидела, как Марсалис старается держать лицо. Это почти удалось ему, лишь уголок рта изогнулся в усмешке. Заразительной усмешке, вот что раздражает. Севджи сосредоточилась на инфопланшетнике.

– Реалистично выглядят два варианта: либо он добрался до побережья и в считанные дни сумел выйти на профессиональных контрабандистов, либо отправился из ШТК в какую-то

другую, промежуточную точку, а потом полетел в Республику. Это сложновато по времени, но все-таки возможно. И, конечно, как только дело выходит на глобальный уровень, сразу исчезает возможность запустить всестороннее распознавание. Слишком многие страны не допускают наших н-джиннов к своим информационным системам.

– У вас есть подтверждение, что оба убийства: в Области Залива Сан-Франциско и в Техасе – совершил именно он, я правильно понимаю?

– Да. В обоих местах обнаружены следы его генетического материала.

Глаза Марсалиса вернулись к дисплею инфопланшетника.

– Что обо всем этом говорит Форт-Беннинг?

– Что Меррина никогда всерьез не готовили для работы с информационными системами. Он может работать с боевой панелью – как всякий, кто осуществляет секретные операции. Но это и все. Мы предполагаем, он подучился кое-чему на Марсе.

– Да. Или ему кто-то помогает.

– То-то и оно.

Марсалис посмотрел на нее.

– Если он получал помощь на борту «Гордости Хоркана» и продолжает получать ее до сих пор, то тут дело серьезное. Это не просто один из тринадцатых свалил с Марса, потому что ему не нравились тамошние красные скалы, а нечто большее.

– Да.

– И вы в тупике. – Это не было вопросом.

Она откинулась на спинку стула и развела руками:

– Без доступа к базам данных АГЗООН мы как в потемках. Делаем все, что можем, но этого недостаточно.

Убийства продолжают, регулярно, но непредсказуемо. Эффекта нарастания нет...

– Верно, его и не будет.

– ... но он не останавливается. Он не совершает достаточно серьезных ошибок, которые навели бы нас на него или дали возможность изловить. Наше расследование на Марсе застопорилось: там он замел следы, или, как вы сказали, кто-то сделал это за него.

– А здесь?

Она кивнула.

– А здесь, как вы весьма справедливо заметили, мы не то чтобы глубоко и плодотворно сотрудничаем с АГЗООН и ООН в целом.

– Ну вряд ли вы можете их в этом винить. – Он округлил глаза и улыбнулся ей. – Не то чтобы в последнее десятилетие вы страшно стремились к сотрудничеству.

– Послушайте, Мюнхен не...

Улыбка превратилась в гримасу.

– Сейчас я говорю не о Соглашениях. Я о том приеме, который мы каждый раз встречаем в подготовительных лагерях, когда вынуждены что-то там делать. Знаете, там нас любят так же, как эволюционную науку в Техасе.

Она почувствовала, что краснеет. Слегка.

– Независимые корпоративные партнеры КОЛИН необязательно...

– Да, проехали. – Он нахмурился. – Тем не менее у АГЗООН есть определенные обязанности. – Если вы сообщите о беглом тринадцатом, им придется объявиться.

– На самом деле, мистер Марсалис, мы не хотим, чтобы они объявлялись.

– А-а.

– Нам нужен доступ к их базам данных или, если такой возможности нет, кто-то вроде вас, чтобы побеседовать с нашими н-джиннами, помочь разобраться в личности преступника. И на этом все. В конце концов, это дело КОЛИН, и мы наведем порядок у себя в доме.

Сев, ты себя-то слышишь? Легким, хорошо оплачиваемым движением полицейский превращается в рупор корпорации.

Марсалис несколько секунд смотрел на нее. Потом поерзал на стуле, как будто о чем-то раздумывая.

– Ваша штаб-квартира в Нью-Йорке?

– Да. У нас есть помещение в комплексе ШТК-Безопасность Алькатраса, позаимствовали его у местных с их детективами в придачу. Но потом проблема превратилась в континентальную, и мы вернулись в свои нью-йоркские кабинеты. А что?

Тринадцатый пожал плечами:

– Просто так. Когда я сажусь в суборбитальный лайнер, мне хочется знать, где я выйду.

– Ясно. – Она посмотрела на свои часы. – Ну, если мы хотим успеть на этот суборбитальный лайнер, нам, пожалуй, пора отправляться. Полагаю, мой коллега закончит формальности с начальником тюрьмы. Там должна быть возня с документами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.